

Александр Михайловский
Юлия Маркова

СМОЛЕНСКИЙ НОКДАУН

Врата войны - 2

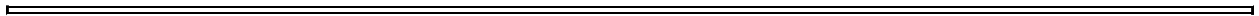
Annotation

Вторая книга из серии Врата Войны. Укрепившись на плацдарме и установив отношения с СССР-1941 экспедиционная группа войск Российской Федерации готовится к сражению, которое окончательно уничтожит наступательный потенциал вермахта и развернет войну в обратном направлении туда, откуда она и пришла.

- [Александр Михайловский, Юлия Маркова](#)
  - [Вступление](#)
  - [Часть 5 «Момент Истины»](#)
  - [Часть 6 «Час Отмщенья»](#)
  - [Часть 7 «Операция Гильотина»](#)
  - [Часть 8 «Арийцы в нокдауне»](#)
  - [Эпилог ко второму тому «Врат Войны»](#)
- [notes](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)
  - [7](#)
  - [8](#)
  - [9](#)
  - [10](#)
  - [11](#)
  - [12](#)
  - [13](#)
  - [14](#)
  - [15](#)
  - [16](#)
  - [17](#)
  - [18](#)
  - [19](#)
  - [20](#)
  - [21](#)

- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)

Александр Михайловский, Юлия Маркова
Смоленский нокдаун

Вступление

В результате событий, описанных в предыдущем, первом томе, в сцепленный период 19–24 августа 1941 года и 20–25 апреля 2018 года, в мирах, связанных межмировым порталом, сложилась следующая военно-политическая ситуация.

В 1941 году 3-я танковая дивизия вермахта с разбега наткнулась на свежееобразовавшийся портал и с ходу ввязалась в войну с существующей в 2018 году Российской Федерацией. Германская группировка вторжения была разгромлена, после чего Вооруженные силы Российской Федерации приступили к боевым действиям на территории 1941 года. В результате потерпела поражение повернувшая на юг вторая танковая группа генерала Гудериана. Наступающий в центре позиции 24-й моторизованный корпус в боях с передовой группировкой ВС РФ был разгромлен и почти полностью уничтожен. Расположенные на левом фланге 46-й и 47-й моторизованные корпуса вермахта увязли в боях с занявшими выгодные позиции дивизиями РККА и механизированными фланговыми заслонами российских войск, которые, смешавшись с советскими частями, придали их обороне достаточную устойчивость.

После кадровых перестановок в высших кругах советского генералитета маршал Тимошенко уехал командовать Туркестанским военным округом, а генерал армии Жуков получил должность командующего Брянским фронтом, в полосе которого действовала группировка ВС РФ.

Итак на утро 24 августа ничего еще не было предрешиено — ни на юге, ни на севере. План окружения советского Юго-западного фронта при выпавшей второй танковой группе терял свой смысл, тем более что большая часть подвижных соединений первой танковой группы, а также пехотных резервов группы армий «Юг», снимались с фронта, грузились в эшелоны и направлялись в район Могилев-Смоленск для противостояния внезапно возникшей угрозе со стороны пришельцев из будущего. То же самое претерпевала группа армий «Север» и подчиненная ей четвертая танковая группа, только что прорвавшая лужский рубеж и замкнувшая кольцо окружения пока что вокруг Таллина. Теперь на планах прорыва к Ленинграду можно было ставить крест. Оставшихся в составе группы армий «Север» войск едва хватало для отражения неумелых, но яростных контрударов Красной армии, стремящихся восстановить положение.

Один умный человек заметил, что при резких неблагоприятных изменениях обстановки германское командование в силу своего тщательно культивируемого педантизма склонно впадать в состояние, близкое к панике. Вот и сейчас панику германского генералитета усиливала беспомощность германской же разведки, которая была не в состоянии получить никаких разведданных из района, в котором действовали пришельцы из будущего. Радиоразведка беспомощно разводила руками, не в силах поймать хоть одну радиопередачу пришельцев, люфтваффе теряла самолет за самолетом, но ни один пока еще не вернулся с внятным донесением и фотопленками, а разведгруппы спецполка «Бранденбург-800» падали как камни в мутную болотную жижу и исчезали бесследно. Никто в германском генералитете еще не знал, какие силы пришельцы ввели через портал в 1941 год — дивизию, корпус, армию или группировку, по своей мощи превосходящую все мыслимое и немыслимое. Правда, были для немецкого командования и довольно утешительные сведения. Генерал Модель, втавивший Третий Рейх в прямой конфликт с Российской федерацией, докладывал, что портал крайне неодобрительно относится к переброскам крупных масс людей и техники, увеличивая при этом сопротивление до невыносимых величин. Вот и германское командование надеялось, что группировка российских войск будет небольшой по численности при крайне затрудненном снабжении боеприпасами.

Но некоторые наиболее осведомленные и наиболее трезвомыслящие представители этого генералитета еще до появления пришельцев из будущего считали, что раз Советскую Россию не удалось поставить на колени в течение первых восьми недель войны, предусмотренных планом «Барбаросса», то войну против СССР можно считать проигранной. По крайней мере, считали генералы, в случае заключения «похабного мира» ее можно будет считать не выигранной до конца.

В первую мировую войну Германия за счет начальных успехов тоже смогла оккупировать почти всю Бельгию и значительную часть Северной Франции, все четыре года вела боевые действия на чужой территории, и в итоге ту войну все-таки проиграла. Позиционная война — или война на истощение — для этих осведомленных и трезвомыслящих считалась синонимом понятия «поражение». А тут еще и пришельцы, вооруженные до зубов и, главное, относящиеся к «дойче зольдатен, ундер официрен» как к каким-нибудь унтерменшам. Германский генералитет и та часть высшего руководства Рейха, чей разум не был зашорен людоедскими национал-социалистическими догмами, находились только в самом начале поисков так называемого «приемлемого выхода», действуя пока каждый сам по

себе. И эти поиски должны были привести этих людей либо на эшафот в тюрьме «Моабит», либо в правительство новой, послевоенной Германии.

В 2018 году на утро 25 апреля сложилась следующая обстановка. Вот уже несколько дней Российская Федерация ведет ограниченную по масштабам и средствам войну с фашистской Германией в 1941 году. Что-то вроде сирийской операции наоборот. В Сирии основная роль в нанесении поражения международному террористическому интернационалу принадлежит воздушно-космическим силам, а сухопутные войска выполняют вспомогательные функции. В войне с германским фашизмом в 1941 году основная тяжесть сражений ложится на танкистов, мотострелков, артиллеристов, зенитчиков уже практически полностью переброшенной в 1941-й год 1-й гвардейской танковой армии и включенной в ее состав 144-й мотострелковой дивизии. При этом ВКС участвуют в процессе поскольку постольку — из-за того, что пока не решен вопрос о переброске на ту сторону современных самолетов. Для этого возле портала необходимо строить две бетонные ВПП 1-го класса протяженностью не меньше трех с половиной километров и соединять их проходящей через портал рулежной дорожкой. Фактически масштаб предполагаемого строительства требует отселения населенных пунктов сельского поселения Красновичи, закрытия автодороги Унеча-Сураж для проезда гражданского автотранспорта и строительства с нуля в окрестностях портала полноценной военной базы. Руководство страны по этому поводу пока в сомнениях — а может быть, и так обойдется, без всяких аэродромов?

У руководства и без этого двойного аэродрома голова пухнет. Во-первых — Президента, министра обороны. Начальника Генерального штаба и прочее командование ВС РФ особо беспокоила затеянная американцами дополнительная возня с украинскими националистами, чтобы те, презрев инстинкт самосохранения, взяли бы и объявили России полноценную войну, а чтобы та опять не отвертелась, вторглись бы всей своей кодлой на Российскую территорию. И в Кремле и на Фрунзенской набережной понимали, что укровояки, если их сразу не отоварить по полной программе и не загнать обратно за линию границы, дел на российской территории могут натворить не меньше, чем гитлеровцы — проверено на Донбассе; и также, как на Донбассе, их будет поддерживать все прогрессивное человечество — Трамп, Мэй, Меркель и Макрон с кучей продажных западных журналюг на подпевке и подтанцовке. Именно поэтому, как и в том страшном для нас сорок первом году, воинские части из внутренних округов пополнялись добровольцами и отчасти мобилизованными, после чего грузились в эшелоны и мчались на запад по

зеленой улице. Пока они не придут и не займут позиции вдоль границы, главную роль в сдерживании агрессии будут играть части прикрытия, группировка ВКС и «Калибры», летящие со стороны Черного, Каспийского, Баренцева, Белого и отчасти Балтийского морей.

Именно поэтому получившая от хозяина приказ «убиться об стену» Украина (или территория «404») напоминала туалет типа сортир, в который хулиганы ненароком уронили пачку дрожжей. Одни (большие начальники) паковали чемоданы для отъезда на ПМЖ на Запад. Собирая все ценное, хрупкое, бьющееся, они требовали, чтобы никто ничего не начинал, пока они не удалятся на безопасное расстояние. Коррупция на Украине это основа политики, поэтому как не пытались националисты в Раде протащить объявление войны «стране-агрессору», у них все время не хватало голосов.

Другие украинские деятели ударились в пир во время чумы, празднуя предстоящую войну с помощью факельных шествий и народных гуляний с дудками, барабанами, салом и горилкой, тем более что весенняя погода позволяла. Уже был позабыт недавний холод, когда ледяная рука генерала Мороза схватила Нэнку за горло, а что будет в следующем году — их волновало мало. Да и будет ли он, этот следующий год — последние времена настали, один раз живем. Вон, говорят, на москалей опять Гитлер напал, то ли еще будет.

Третьи запасали соль, сахар, масло, керосин, спички, и рыли в лесах схроны, надеясь в них пересидеть все самое страшное, включая возможную ядерную войну между Россией и НАТО. Но и их надежды тоже были тщетны, потому что запасы рано или поздно закончатся и желающим отсидеться придется вылезти на свет божий, под прицел тех, кто в настоящий момент представляет на этой земле власть. Четвертые просто ждали в тупом безразличии, ничего не предпринимая. Им было все равно, чья власть наступит в их селе, районе, области, и они же должны были стать первыми жертвами заварушки, ибо тех, кто сидит смирно, режут обычно прежде всех. Пятые готовились бороться с «оккупантами», шестые — встречать солдат-освободителей, и для этого доставали приныканные с лучших времен еще советские дембельские парадки.

Что касается военной составляющей всего этого балагана, то неизмеримо сложно оказалось развернуть фронтом на восток основную ударную группировку ВСУ, до последнего момента нацеленную рылом на Донбасс. Да и снимать с донбасского направления хоть сколь-нибудь значимые силы украинским генералам было страшно. Потому что даже им было понятно, что с момента нападения на Россию, лесом пойдут Минские

соглашения, ОБСЕ, ООН, Нормандская четверка и прочие ограничители активности Новороссии, и украинская армия окажется под двойным ударом. Но в таком случае, если не снимать войска с Донбасса, то чем атаковать Россию? Одним Ярошем, который все обещает дойти до Москвы? Вот именно поэтому давно анонсированная война все не начиналась и не начиналась.

Часть 5 «Момент Истины»

24 августа 1941 года, 10:55. Москва, Кремль, кабинет Верховного Главнокомандующего

Пронзительный и требовательный звонок телефона ВЧ-связи разорвал тишину, царящую в сталинском кабинете. Не спеша Вождь снял трубку, сказал: «Алло» — и услышал в ответ: «Доброе утро, товарищ Сталин. У аппарата генерал армии Жуков.».

— Доброе утро, товарищ Жюков, — ответил Сталин и спросил: — Вы уже закончили инспекцию войск потомков и Брянского фронта?

— Так точно, товарищ Сталин, — ответил Жуков, — закончил.

Верховный немного помолчал, потом произнес:

— Ну и что вы можете сказать об их боеспособности? Говорите, товарищ Жуков, не тяните, ведь вы же пришли уже к определенному выводу?

— Что касается боеспособности потомков, — сказал генерал армии, — то она находится на очень высоком уровне, разбитая и откатившаяся назад вторая танковая группа немцев тому свидетель. Их основная тактическая единица — батальонная тактическая группа, состоящая из тринадцати тяжелых и сорока легких танков при поддержке самоходной зенитной и минометной батарей. Основной калибр их самоходных артиллерийских орудий — сто пятьдесят два миллиметра при дальности стрельбы в двадцать пять километров. Таких самоходных орудий у них по восемнадцать в артдивизионах мотострелковых или танковых полков и пятьдесят четыре в дивизионном арtpолку...

— Мы вас поняли, товарищ Жуков, — сказал Сталин, — что огневая мощь и маневренность потомков находятся на высоте. Вы нам скажите другое. Нас интересует, могут ли бойцы нашей Рабоче-Крестьянской Красной Армии эффективно взаимодействовать с подразделениями потомков или нет?

— Да, товарищ Сталин, — ответил генерал Жуков, — могут. И даже очень эффективно. В некоторых местах остатки наших разгромленных под Кричевом и Рославлем частей выходили из окружения на подразделения потомков и стихийно присоединялись к ним лишь бы остаться на передовой и вести бой с врагом. В связи с этим считаю целесообразным создать на основе 1-й гвардейской танковой армии потомков смешанную группировку войск, придав ей стрелковые дивизии нашей 13-й армии,

временно оказавшейся вне зоны боевых действий.

— Товарищ Жюков, — после некоторой паузы сказал Сталин, — пожалуйста, подробно обоснуйте свое предложение. Нам, например, целесообразность такого шага совсем не очевидна.

— Во-первых, — с нажимом произнес Жуков, — после сражения в районе Кричева, в ходе которого 13-я армия была разгромлена противником и в беспорядке отступила на юго-восток, в составе армии имеется только одна полнокompлектная дивизия, полученная из недавнего пополнения. Остальные дивизии утратили в боях весь транспорт, тылы и все тяжелое вооружение, до станковых пулеметов включительно, от их старого личного состава, имеющего боевой опыт, практически ничего не осталось. В настоящий момент эти пять стрелковых дивизий — 6-я, 155-я, 121-я, 132-я и 148-я — пополняются личным составом прибывающих на фронт маршевых батальонов, вооруженных только винтовками «Мосина», в силу чего даже после наполнения личным составом до полной численности их можно будет считать малобоеспособными. Поступившая на фронт сформированная в июле-августе этого года 307-я стрелковая дивизия вооружениями по штату укомплектована полностью, но ее личный состав не прошел полного курса обучения и тем более не имеет боевого опыта.

Во-вторых — командующий 13-й армией генерал-майор Голубев так же пригоден к исполнению своей должности, как дятел для передачи телеграфных сообщений. Уже ко времени сражения в районе Кричев-Милославици входящие в состав 13-й армии полки сточились до батальонов, дивизии — до численности полков, но задачи им все равно нарезались как полнокровным частям и соединениям, что и привело к их полному разгрому.

В-третьих — радиоразведка у потоков поставлена на достойную высоту, и они свободно читают те радиogramмы, которыми фон Бок обменивается со своими корпусами и армиями, с командующим группы армий «Юг» фон Рундштеттом, командующим группы армий «Север» фон Леебом и с Берлином. Так вот — из всего этого радиообмена следует, что в настоящий момент высшее немецкое командование находится в состоянии паники, и больше всех паникует сам Гитлер. Как говорят сами потомки, пылающие письма на темной стене никому даром не проходят.

— Хм, — сказал Сталин в трубку. — Мэне, текел, фарес?

— Вот именно, — подтвердил Жуков, — появление на фронте потомков со всеми их танками, артиллерией и ударными винтокрылыми аппаратами, так сильно напоминающими одну из разновидностей оружия судного дня из Библии, означает, что тот, кто решает судьбы нашего мира,

решил покончить с Гитлером и его присными быстро и без особых жертв с нашей стороны.

«Да уж, — подумал Сталин, — ты, товарищ Жуков, не знаешь, а я уже знаю. Если потомкам будет надо, они притащат сюда такой ужас, что для всех их и наших врагов и в самом деле наступит настоящий Апокалипсис.»

Тем временем Жуков продолжил:

— Из-за этой охватившей германское командование паники в настоящий момент свертываются все активные операции на других фронтах, и все высвободившиеся резервы перебрасываются под Смоленск и нацеливаются против группировки потомков. С целью задавить армию потомков подавляющим численным преимуществом немецкое командование собирается собрать в один кулак в течение двух недель до двух с половиной тысяч танков (то есть все, что у них еще осталось) и два миллиона солдат и офицеров. Для отражения этого удара войска потомков уже переходят к обороне, просят усилить их стрелковыми частями и готовятся встретить врага на заранее подготовленных рубежах.

— А что, — ехидно спросил Сталин, — они уже отказались от плана получить себе стрелковое пополнение, освобождая наших пленных из немецких лагерей?

— Операция по освобождению Рославльского лагеря военнопленных прошла вполне успешно, — возразил Жуков, — десять тысяч наших бойцов снова встали в строй и сейчас готовятся к новой схватке с врагом. Но в масштабах грядущего сражения это совершенно недостаточная величина, а другие подобные лагеря для военнопленных расположены дальше от линии фронта и не имеют таких удобных путей отхода. К тому же подготовка каждой такой операции требует времени, которого у нас скоро уже не будет. Немцы умеют быстро перебрасывать свои резервы.

Гораздо больше пользы принес тот погром, который подразделения их ОСНАЗа устроили на железнодорожной станции и в штабах четвертой армии и девятого армейского корпуса. Имел честь беседовать с фельдмаршалом фон Клюге, которого вытащили из постели в одной ночной рубашке, скрутили и, надев на голову мешок, отправили на винтокрылом аппарате в штаб потомков. Он до сих пор не понимает, как это произошло. В случае необходимости и наличия удобного момента потомки собираются повторить подобные операции с другими штабами противника. Что, конечно же, не отменяет задачи укрепления соединения потомков нашими стрелковыми частями, потому что одним ОСНАЗом войны не выигрываются.

Возвращаясь к этой теме, должен отметить, что при создании

смешанной группировки войск мы получим формирование, практически не имеющее слабых мест и сочетающее подвижность, огневую и бронетанковую мощь соединения потомков с наполненностью живой силой, свойственную нашей Красной армии. Считаю, что для оборонительного этапа нового сражения за Смоленск создание такого совместного соединения окажется критически важным.

— Мы вас поняли, товарищ Жуков, — через некоторое время сказал Верховный, — и думаем, что вы совершенно правы. Пусть 13-я армия пройдет полное переформирование, получив свежие дивизии, прибывшие из глубины страны, а те, что имеются в ее составе в настоящее время, мы включим в состав объединенной группы войск. На этом все, товарищ Жуков, до свиданья...

25 апреля 2018 года 09:45. Московская область, государственная дача «Ново-Огарево».

Президент глянул на севшего напротив него восьмидесятитрехлетнего академика и кивнул своим мыслям. Пожалуй, только этот человек может попытаться проникнуть своим разумом в только что приоткрывшиеся человечеству тайны Мироздания. Был еще, правда Стивен Хокинг, но он уже того — беседует со Святым Петром; а больше из таких мировых светил, пожалуй, никого и нет. Но сейчас тайны Мироздания как бы побоку, ждали они один Бог знает сколько тысяч лет, подождут и еще.

В настоящий момент важнее вопросы практические, главные из которых определение потенциального срока существования Портала и увеличение его пропускной способности. Бросать ради этого увеличения еще одну бомбу как-то не очень хочется. Это все равно, что «ремонттировать» телевизор ударами кулака по верхней крышке — так делали когда-то раньше во времена его молодости. Да, на какое-то время изображение могло улучшиться, но однажды от такой «кулакотерапии» аппарат мог сломаться окончательно и безвозвратно. Поэтому в таких случаях обычно звали специалиста по ремонту телевизоров. Ну, или хотя бы того, кто более или менее подходит по профилю. Команда академика Велихова работала у портала уже четверо суток с лишним, протоколируя все возможные для наблюдения проявления активности Порты, и главе государства уже было известно, что у российских ученых уже есть основания для первых научных выводов и даже первых практических рекомендаций.

Еще раз внимательно посмотрев на своего визави, Президент произнес:

— Евгений Павлович, когда вы просили меня о встрече, вы сказали,

что у вас есть для меня очень важное сообщение. Это действительно так?

— Да, Владимир Владимирович, — ответил академик, — когда вы поручали мне заняться темой портала, то поставили перед моей командой несколько важных вопросов, на которые было необходимо получить первоочередные ответы. Начнем с вашего вопроса о стабильности этого образования. Должен сказать, что наши наблюдения никоим образом не выявили никаких признаков его деградации. Из-за отсутствия предшествующих случаев такого рода мы вообще не знаем, что можно считать за такие признаки, но предполагаем, что это может быть снижение пропускной способности этого образования и его переход в первоначальную форму аморфного облака. Так вот, в настоящий момент эта межмировая перемычка не демонстрирует никаких подобных признаков, ее пропускная способность с течением времени незначительно растет, а сопротивление транспортировке материальных объектов снижается.

— Погодите, Евгений Павлович, — произнес президент, — поясните мне, что значат пропускная способность и сопротивление портала, и каким образом вы их определяете?

— Пропускная способность, — сказал академик, — это свойство этого образования пропускать через себя материальные объекты из одного мира в другой, и теоретически должна измеряться в тоннах в час. Пока что мы еще не можем установить точную величину этого показателя, ибо для этого всю переводимую на ту сторону технику стоило бы прогонять через специальные весы, установка которых требует времени и определенных материальных затрат. Пока что эта величина определяется эмпирическим путем и достаточно приблизительно. Например, нам известно, что если в течение одного часа перегонять на ту сторону колонну из тридцати танков, то заметного невооруженным глазом увеличения сопротивления не наступает, а если попробовать перегнать сорок, то такой рост сопротивления уже заметен. Перемножаем количество машин на средний вес каждой и делаем вывод, что пропускная способность этого образования от тысячи двухсот до полутора тысяч тонн в час, причем неважно, в каком направлении идет движение — от нас к ним или наоборот. Люди, которые управляют транспортными потоками, знают об этом показателе и стараются его не превышать, потому что в противном случае у образования начинает резко расти сопротивление, вплоть до того что передвижение между мирами на некоторое время становится невозможным. Сами мы еще ни разу не довели это образование до полного истощения; пока единственный такой случай известен нам из показаний выживших на нашей стороне немецких военнопленных.

— Очень хорошо, Евгений Павлович, — кивнул президент, сделав пометку в своем блокноте, — даже эмпирическая величина — это уже что-то, на что можно опираться. Но вы сказали, что эта способность незначительно растет притом, что при таких методах изменения показателя выявить просто невозможно...

— Да, это так, — вздохнул академик Велихов, — такие методы являются слишком грубыми для настоящих исследований. Таким образом, мы переходим к показателю сопротивления этого образования, которое определяется как работа, необходимая для перемещения между мирами одной тонны груза. Для фиксации этого показателя у нас имеется эталонный автомобиль с электронными датчиками, сопротивление движению которого через портал мы можем достаточно точно измерить. Так вот, именно эти измерения показали, что сопротивление образования постоянно снижается. За четверо суток набежало уже больше процента; и это пусть и незначительная, но все же заметная величина, которая позволяет сделать вывод, что чем более интенсивно используется это образование, тем ниже его сопротивление и выше пропускная способность. Наши измерения смогли зафиксировать сокращение пауз, необходимых образованию для того, чтобы сопротивление, выросшее в результате прохождения крупных транспортных колонн, смогло вернуться к номинальным показателям. Величина этого изменения тоже не очень велика, но она вполне заметна и говорит о том, что в процессе эксплуатации это образование только увеличивает свои возможности по транспортировке материальных объектов из одного мира в другой.

Сказав это, академик ненадолго замолчал, как бы обдумывая свои следующие слова.

— Один мой сотрудник, — наконец сказал он, — высказал гипотезу, что не вся энергия, изымаемая у нас при перемещении материальных объектов, тратится на само это перемещение. Отнюдь нет. Какую-то ее часть — может быть, даже и большую — это образование присваивает себе, чтобы увеличить свою энергетическую насыщенность. Чем больше в нем содержится энергии, тем ниже сопротивление и выше пропускная способность. Это образование вообще очень жадное на свободную энергию и моментально поглощает любые виды электромагнитного излучения, а также пролетающие через него альфа- и бета-частицы, а также свободные нейтроны. По возможности поглощения радиации внутреннее пространство этого образования превосходит любые изолирующие материалы, причем с увеличением расстояния поглощающая способность растет нелинейно. Во всем остальном оно к радиоактивным веществам

вполне равнодушно и не вызывает их принудительного распада, как предполагали авторы некоторых гипотез. Никакого замещения урана и плутония свинцом не происходит — по крайней мере, на уровне микрообразцов.

— Так значит, Евгений Павлович, — быстро сказал президент, — в тот мир вполне реально доставить образцы ядерного оружия, и они останутся вполне работоспособными и пригодными к употреблению?

— Этого мы пока не знаем, — пожал плечами академик Велихов, — но все предпосылки именно для такого исхода событий у нас имеются. Существует только один способ проверить ваше утверждение. Надо сначала доставить в тот мир ядерную боеголовку вместе с носителем, а потом провести реальное ядерное испытание. Без этого готовность изделий к применению никак не установить. Кстати, работоспособность специальных изделий может быть связана не только с сохранностью радиоактивной расщепляющейся начинки — хотя это, конечно, один из важнейших факторов...

— Если вы имеете в виду исправность электронных компонентов, — сказал президент, — то мы уже отправили на ту сторону множество образцов сложнейшей электронной техники, и ни один из них не дал сбой. Так что думаю, что с этой стороны все будет нормально. Теперь, Евгений Павлович, скажите, пожалуйста, мы сможем каким-нибудь образом помочь этому portalу быстрее увеличивать свою энергетическую насыщенность, исключая, разумеется, варианты со взрывами в нем обычных или ядерных бомб?

— В общих чертах, думаю, что сможем, — кивнул академик, — если это образование так любит энергию, то можем ее ему дать, только надо подумать, какую энергию и каким образом. Дело в том, что структура этого образования очень плохо усваивает тепловую конвективную энергию и стремится сбросить ее в окружающую среду, и, напротив, лучше всего усваивается коротковолновое электромагнитное излучение вроде жестких гамма-лучей. У нас уже есть несколько предварительных проектов на этот счет, и теперь надо все тщательно обдумать и решить, какой из этих проектов наиболее рентабельный и быстрореализуемый, а то производить прокладку

к этому образованию специально выделенной линии ЛЭП-500 от Смоленской АЭС мне все-таки, кажется, будет и дорого и долго.

— Не исключено, — сухо сказал Путин, — что в итоге самый дорогой и долгий проект окажется и самым рентабельным, ведь поставляемая по нему электроэнергия от АЭС будет стоить копейки, с то время как

остальные энергоносители, которые мы можем использовать в мобильных установках, обойдутся значительно дороже. Впрочем, спасибо вам, Евгений Павлович, за хорошую работу и содержательную беседу. Желаю вам дальнейших успехов в изучении этого, гм, образования, потому что если природа приоткрыла нам одну из своих тайн, то мы должны не мешкая воспользоваться этой возможностью.

25 августа 1941 года, 05:45. Брянский фронт, Новозыбков, стык 13-й и 21-й армий

Командующий Брянским фронтом генерал армии Георгий Жуков

В результате невероятных усилий командующего фронтом к раннему утру 25 августа в районе Новозыбкова оказалась сосредоточена сводная ударная группировка в составе 4-й гвардейской танковой Кантемировской дивизии (ВС РФ), 2-й гвардейской мотострелковой Таманской дивизии (ВС РФ), 108-й танковой дивизии (РККА), 55-й и 4-й Донской кавалерийских дивизий (РККА), а также 307-й, 282-й и 283-й стрелковых дивизий (РККА). Командовал сводным соединением заместитель командующего 1-й танковой армии генерал-майор Андрей Копылов (ВС РФ), его заместителем был генерал-майор РККА Аркадий Ермаков. При этом из числа переданных в состав сводной ударной группы соединений РККА только 4-я кавалерийская Донская дивизия имела боевой опыт сражений Великой Отечественной Войны (как 210-я мотострелковая дивизия), остальные соединения были сформированы в Московской области во второй половине июля — первой половине августа из призывных контингентов, подпавших под первую волну мобилизации.

Силы противника на противоположной стороне состояли из отступивших к Гомелю остатков 4-й танковой дивизии (почти полностью утратившей свои танки) и соединений 2-й армии вермахта (7 пехотных дивизий и артиллерийские части усиления). Помимо всего прочего, части усиления включали в себя два отдельных пушечных дивизиона, каждый из которых был вооружен 12-ю трофейными 105-мм французскими пушками 105 mle 1913 Schneider на механизированной тяге, а также отдельный легкий зенитный дивизион вооруженный 12-ю 105-мм зенитными пушками Флак 38 на конной тяге. 105-мм пушки на коротких дистанциях в кормовой и бортовой проекциях были опасны даже для танков из 2018 года. Боевую ценность французских пушек снижал однобрусный лафет, не позволявший быстро переносить огонь по фронту с одной цели на другую, а ценность 105-мм зениток снижала их большая масса в походном положении (до 15 тонн) что при конной тяге резко ограничивало возможность маневра данными орудиями с одного участка фронта на другой. Хотя, в данном

случае потребность в маневре была минимальной, угрожающее направление, вдоль которого мог быть нанесен удар, было только одно (шоссе Новозыбков-Гомель), и именно там, недалеко от населенного пункта Злынка немецкие зенитчики спешно оборудовали себе позиции. Туда же были подтянуты и дивизионы, вооруженные трофейными пушками Шнайдера.

Помимо всех этих мер, командующий 2-й армией генерал-полковник Максимилиан фон Вейхс слал и слал наверх тревожные сообщения о неизбежности флангового удара со стороны сил пришельцев, уже разгромивших 24-й моторкорпус. Этого удара в штабе 2-й армии ждали утром 24-го августа, но тогда не срослось (еще не было окончательно завершено сосредоточение стрелковых дивизий РККА), и вот готовилось наступить утро 25-го августа.

Командующий Брянским фронтом прибыл в Новозыбков перед самым началом удара, на полюбившемся ему с первого дня пребывания в этой должности вертолете Ми-8, который сопровождали два «аллигатора». Вместе с Жуковым прибыл его мобильный штаб, группа молодых и, как считалось, талантливых командиров, которых он назначал на должности тех неудачников, которых отдавал под трибунал. Впрочем, в этот раз он прибыл не для того, чтобы вмешиваться и руководить — российский замкомандующего вроде бы не давал никаких оснований думать, что он нуждается в опеке. Жуков прибыл посмотреть, как потомки будут осуществлять наступательную операцию, и показать это своему выводку молодых военных гениев. В принципе учиться у хороших учителей не поздно никогда и никому. Кто-то может спросить — а зачем это Жукову? Ведь он и так гений! Ответ будет прост. Современная тактика вооруженных сил российской федерации в общевойсковом бою составлена из тех ценных находок и открытий, которые советские военачальники (в том числе и Жуков) сделали в период 1941-45 годов. Почти ничего из этого Жуков в августе 1941 года не знал, и с удовольствием готов был учиться — пусть даже косвенно и сам у себя.

Первой заговорила российская гаубичная артиллерия и тяжелые минометы, обрушившиеся шквалом огня на немецкий передний край и позиции второй линии обороны, отдаленной от линии фронта примерно на десять километров. Там, на втором рубеже, где были сосредоточены все тяжелые противотанковые средства 2-й армии, предназначенные как раз для отражения массовой атаки российских суперпанцеров, сейчас тоже бушевал шквал огня и металла. Основная для российской армии гаубица МСТА — неважно, в самоходном или буксируемом варианте —

переплевывает по дальнобойности немецкую дивизионную артиллерию в три-четыре раза, и немецкие артиллеристы даже не могли вести контрбатарейную борьбу, ибо все цели, которые обнаруживали звукометристы, находились за пределами досягаемости их орудий. Но это было далеко не все. Пока молчали заряженные полными пакетами тридцать шесть установок Торнадо-Г. Они ожидали того ключевого в сражении момента, когда напуганный фон Вейхс начнет перебрасывать свои резервы, чтобы ввести их в бой против атакующих российских войск. Для РСЗО нет более «вкусной» цели, чем пехота и артиллерия, колоннами плотно прущаяся по шоссе.

Полтора часа бушевал артиллерийский шквал, а потом под прикрытием российских САУ ведущих корректируемыми снарядами по уцелевшим огневым точкам врага и российских же танков стреляющих прямой наводкой в атаку поднялись советские стрелковые дивизии. Любая пулеметная очередь или попытка как-то иначе обидеть советских солдат вызывала ответную плюху со стороны потомков. Всего через час после начала атаки и ожесточенной рукопашной первая линия траншей была взята. А ведь от линии фронта до Гомеля всего-то шестьдесят три километра по шоссе и пятьдесят пять по прямой, как ворона летает. Если сопротивление немецких войск будет сразу сломлено, то это два-три часа хода для танков и БМП и половина суточного перехода кавалерии.

25 августа 1941 года, 06:15. 49 км. восточнее Гомеля, д. Злынка, позиции 611-го легкого зенитного дивизиона ПВО.

Младший унтер-офицер люфтваффе^[1] Рольф Нойман

Наша зенитная пушка Флак-38 — штука мощная, но уж очень тяжелая, а оттого неповоротливая. А еще, когда формировали наш дивизион, для него не нашлось мехтяги, поэтому с лошадьми в упряжках на марше мы едва ползаем, особенно по русским дорогам, что и немудрено, если в походном положении каждая наша пушка весит почти по пятнадцать тонн. И вот кому-то пришло в голову поставить наш дивизион в противотанковую оборону — мол, самолетов у русских осталось совсем мало, и «эксперты» из истребительных эскадр с ними вполне справляются, а вот новые русские суперпанцеры, против которых бессильны обычные противотанковые пушки, с самого начала нашего восточного похода стали серьезной проблемой.

Наши зенитки с легкостью разделяются с «непробиваемым» русским КВ, которых у русских, по счастью, было немного, и сначала мы думали, что так же будет и с новыми русскими «суперпанцерами», что так напугали наших храбрых танкистов. Наши пушки, в основном

предназначенные стрелять почти точно вверх, несмотря на возможность кругового обстрела, а также тяжелого, но одновременно очень быстрого снаряда, из-за высокого силуэта и большой массы плохо подходят для анти-панцер обороны. В случае если что-то пойдет не так, и мы не справимся с задачей, у нас не будет возможности экстренно сняться с позиций и отступить, потому что слово «экстренно» — это вообще не про нас. Да нас и пехота догонит, а не только брошенные на преследование русские танцеры.

Наш командир батареи, гаупман Шульце, сказал, что наш дивизион направили на угрожающее направление заблаговременно, как только появились первые разведанные о возможности удара русских танцеров во фланг нашей армии. Тут, собственно, всего одна дорога, и стоит сделать с нее хотя бы пару шагов — и вы по горло увязли в болоте. Ну просто идеальная противотанковая позиция, примерно как у трехсот спартанцев в Фермопилах, тем более что вместе с нами оборону заняли еще два отдельных пушечных дивизиона, вооруженных трофейными французскими пушками Шнайдера того же калибра, что и у нас. У них, конечно, труба пониже и дым пожиже — то есть ствол в два раза короче и снаряд летит значительно медленнее, зато вес пушки в походном положении меньше трех тонн и полугусеничные тягачи на буксировке. Если фронт все же будет прорван, у них есть возможность попытаться удрать, а нам об этом не стоит даже и мечтать.

Это я говорю потому, что два дня подряд, позавчера и отчасти вчера, мимо нас к Гомелю отходили остатки разгромленной 4-й танцердивизии, потерявшей в боях все свои танцеры, артиллерию и вообще все тяжелое вооружение. Да и солдат в отходящих мимо нас частях было не так уж и много, чтобы сказать, что там были два полных пехотных полка. Скорее два батальона. Несколько раз отступающие останавливались на привал неподалеку от расположения нашей батареи, и вот тогда-то мы впервые вдосталь наслушались ужасов в духе пресловутой Уэллсовской Войны Миров. Именно тогда впервые прозвучали слова «пришельцы» и «марсиане». «Марсианами» наши солдаты называли вражеских солдат, полностью закованных в персональный панцирь, в закрывающих лица очках-консервах и противопыльных масках-респираторах. Говорят, что это жутко — когда прямо на тебя следом за неуязвимыми бронированными машинами идут сотни безликих солдат, одинаковые, как изделия фирмы «Крупп». Именно тогда мы впервые услышали ужасные истории о приземистых неуязвимых танцерах с длинноствольными пушками не менее чем двенадцатисантиметрового калибра. Снаряды из этих пушек с

легкостью пробивали насквозь любые наши танцы и, самое главное, по словам отступающих солдат, этих «супертанцев» было у «марсиан» так много, что даже у самых больших оптимистов опускались руки. Ну, подбьем мы один, два или три — так остальные вдавят нас в землю и железной лавиной пойдут по нашим телам дальше.

Наш гаугтман Шульце послушал эти разлагающие разговоры, а потом прогнал болтунов прочь палкой, пригрозив, что донесет на них в ГФП как на паникеров, подрывающих боевой дух победоносного вермахта. Не может быть, чтобы непобедимый германский солдат бежал от каких-то русских жидобольшевиков, какие бы танцы те себе не настроили. Наша батарея уже подбивала считающиеся неуязвимыми Т-34 и КВ, и новый черт должен быть ничуть не страшнее двух старых. Кто из них прав — гаугтман или «паникеры» — нам предстояло узнать в самое ближайшее время. Гаугтман у нас идейный нацист, и по итогам восточного похода надеется получить большое поместье со множеством славянских рабов, а вот солдаты, которые рассказывали нам о «марсианах» — это простые немцы, заглянувшие в пасть самой смерти и увидевшие ее ужасный оскал.

Наши подозрения подтвердились очень скоро. Сегодня утром на самом рассвете к востоку от нас часто и мощно загрохотала русская артиллерия. Передовая позиция наших войск располагалась километрах в шести перед нами у деревни со странным названием Деменка, и, судя по грохоту канонады, она подверглась сильному обстрелу. У русских вообще тут все названия очень странные, о которые нам, честным немцам, теперь приходится ломать свои языки. Ну ничего, когда мы окончательно установим свою власть над этой землей, то непременно переделаем все местные названия на благозвучный для нас немецкий лад.

Отдельные пятнадцатисантиметровые снаряды залетали и на нашу позицию, левым флангом упирающую в небольшое, но топкое болотце, правым флангом в деревню, название которой переводится как Штейндорф, а по фронту ограниченную болотистым ручьем, который русские танцы не должны пересечь ни при каких обстоятельствах. Болот, ручьев, рек и лесов в этом краю много, а вот дорог мало, и мы, как говорит гаугтман Шульце, быть может, перекрываем одну из важнейших магистралей, вдоль которой «марсиане» сумеют ударить во фланг и тыл нашей второй армии, давящей сейчас большевиков на юг, или же уже наши танцы, подтянутые с других участков фронта, ударят на восток в тыл вражеской группировке. Хотя, если задуматься, то если «марсиане» сумели с легкостью уничтожить 3-ю танцдивизию и основательно расколошматить 4-ю, быть может, попытка этого удара обернется для нас очередным конфузом. Но этого

гаугтман Шульце не говорил, это я сам додумал.

Кстати, о «марсианах». Незадолго до начала обстрела нашей позиции русскими пятнадцатисантиметровыми снарядами в воздухе почти на пределе видимости вдали от дорог над верхушками деревьев завис «марсианский» летательный аппарат с большим винтом сверху. Вчера один такой на малой высоте летал поблизости от наших позиций, и прилетевшие парой «эксперты» ничего с ним не смогли сделать — уж слишком легко он, вертясь почти на месте, увертывается от атак и в ответ с легкостью сам огрызается из пушки весьма крупного для самолета калибра. В результате один наш истребитель оказался сбит, а один, дымя и подвывая мотором от обиды, улетел с повреждениями на свой аэродром. Вот и сегодня это завис над лесом, и никто его не гоняет. Во-первых — знают, что это опасно, а во-вторых — никому он там не мешает.

Вроде бы сам артиллерийский обстрел был не таким уж плотным, русские и «марсиане» скорее ставили своей задачей не уничтожить наш дивизион, а помешать ему заниматься дальнейшим оборудованием позиций. Но, несмотря на это, в течение часа в нашей батарее прямыми попаданиями и близкими разрывами было выведено из строя три орудия из четырех. Также имелись большие потери в личном составе, потому что один из русских снарядов попал в блиндаж, в котором были сложены боеприпасы нашей батареи. От этого взрыва нас всех контузило, а все вокруг затянуло дымно-пылевым маревом. Это было просто какое-то колдовство, что некоторые снаряды точно падали прямо на важные цели. Гаугтман Шульце, технически образованный человек (все-таки артиллерист, а не какая-нибудь пехота) сказал, что такого не может быть, потому что не может быть никогда. Теория вероятности, мол, не позволяет. Впрочем, вскоре этот обстрел прекратился, и наша батарея осталась при одном орудии с двумя десятками снарядов, поданных из погреба к моменту начала обстрела. В других батареях, прикрывающих это направление, дела обстояли где хуже, где лучше, но в среднем все было то же самое. Уцелело одно-два орудия из четырех, повреждены или уничтожены электрогенераторы, питающие приводы наших пушек, а также разрушен прямым попаданием один командный пункт и один склад боеприпасов. В принципе, все, что мы тут копали три дня, не годилось для того, чтобы противостоять пятнадцатисантиметровым снарядам, которые запросто пробивали перекрытия блиндажей в три наката и заставляли осыпаться вырытые в рыхлой песчаной почве орудийные окопы. ^[2]

Но это было далеко не все. Когда этот обстрел прекратился, в шести километрах от нас разгорелся ожесточенный бой, потому что русская

пехота, уставя перед собой штыки, кинулась в очередную отчаянную атаку. Наши пехотинцы-кригскамрады на привалах, было дело, рассказывали нам зенитчикам, как это обычно бывает, и как наши пулеметы сотнями косят этих безумцев, устилая землю телами в мундирах цвета хаки, а они все идут и идут вперед, и нам остается только удивляться, почему в России до сих пор не закончились все люди. Но в этот раз, (видимо, из-за «марсиан») все пошло совсем не так просто, потому что через некоторое время на дороге появились первые группы отступающих. Пока что это были легкораненые, сопровождающие санитарные повозки. Они-то нам и рассказали, что натиск большевиков жесток и неудержим, и что в атаку они идут вместе с чудовищными панцерами и «марсианской» пехотой, которая не оставляет после себя в живых ни одного немецкого солдата. Только что под их ударом пала вторая траншея, и теперь бой переместился к третьей линии окопов, которой еще, собственно, нет. В бой брошены последние резервы — даже писари и повара^[3], но и этого теперь хватит ненадолго, потому что большевики и «марсиане» давят подобно паровому катку.

После этих слов мне стало понятно, что и нам придется сражаться с наседающими русскими. А как сражаться, когда больше половины артиллерии повыбито еще до начала боя, а пехотного прикрытия (правда, прикрытого болотистым ручьем) — не больше батальона. А ведь там, впереди, под гусеницами русских танков, сражаясь, погибли не меньше двух полнокровных пехотных полков, и эти бредущие в тыл раненые — это все, что от них осталось. Потом впереди показались идущие на рысях артиллерийские упряжки с дивизионными десятисантиметровыми гаубицами, а это значило, что артполк (или его остатки) снялся с позиций и спешно отступал, чтобы не попасть под девятый вал вражеского наступления. Раз, два, три... Одиннадцать орудий из тридцати шести. Остальные или пришлось бросить, потому что убило лошадей, или пушки были так повреждены, что их не представлялось возможным тащить с собой.

Прямо на наших глазах из-за леса вывернула пара винтокрылов, похожих на доисторических летающих чудовищ, и в плотном строю с ходу прошла по отступающей артиллерийской колонне из пушек и пулеметов.

Мы видели, как трепещет пламя выстрелов в носу и таких круглых штуках под короткими крыльями этих чудовищных аппаратов, как часто-часто встают на дороге разрывы мелкокалиберных снарядов и крупнокалиберных пуль, как бьются с отчаянным ржанием раненые кони и как умирают наши кригскамрады... Все одиннадцать орудий вместе с расчетами и упряжками остались на дороге, не доезжая моста через ручей.

Из остатков полка выжило не более десятка человек (и трое из них сразу же сошли с ума), а винтокрылы, сделав свое черное дело, пролетели прямо над нашими головами. Мы в них стреляли, но все было без толку. На мгновение сверкнуло грязно-голубое бронированное брюхо с большой красной звездой, сверху вниз на наши головы обрушился ураган взбешенного воздуха, поднявшего целую тучу пыли и уши поразил странный свистящий звук двигателя этого аппарата — грозный и зловещий. А когда я все-таки сумел проморгаться, то увидел, что эти аппараты закладывают широкий вираж, чтобы развернуться для повторной атаки.

Но все уже не имело никакого значения, потому что в тот момент, когда мы смотрели за разворачивающимися винтокрылами, из лесу со стороны правого фланга и тыла выехало большое количество русских кавалеристов, атаковавших наши позиции. Вот ведь незадача — мы ждали жестокие сверхсовременные суперпанцеры «марсиан» с фронта, а оказались захвачены ударом вполне себе архаичной большевистской кавалерии с тыла. Я оказался среди тех немногих, кто своевременно поднял руки вверх и избежал нарубания на порционные куски казачьими саблями. А суперпацеры я тоже увидел, но позже, когда нас уже гнали в составе колонны пленных на восток.

25 августа 1941 года, Полдень. Великобритания, Лондон, бункер Правительства, военный кабинет премьер-министра Уинстона Черчилль

Сюда, в эти тихие помещения, скрывающиеся под толстым слоем земли и бетона, никогда не доносились отзвуки бушующих на поверхности военных бурь. Выли ли над Лондоном сирены воздушной тревоги, падали ли с почерневших от дыма и горя небес немецкие бомбы, гремели ли залпы зенитной артиллерии, здесь, в правительственном бункере, всегда было тихо и уютно. Работающие тут люди никогда не кричали, как бы ни была плоха обстановка, а разговаривали исключительно вполголоса, чтобы не помешать британскому премьеру размышлять над вопросами, от которых зависит жизнь и смерть Британской империи.

Тем более повода для волнений не было сейчас, когда худшее, казалось, осталось позади и чудовищная германская военная машина, раздумав форсировать Канал, развернулась на восток и внезапно напала на Советскую Россию. Вот уже два месяца на иссушенной жарким летним солнцем восточно-европейской равнине большевистский режим отчаянно сражался за свою жизнь, проигрывая территории и жизни сотен тысяч солдат и офицеров, но выигрывая время, необходимое огромной стране для мобилизации и концентрации всех сил. Сражаясь за себя, он одновременно

сражался за Британию. Пока на востоке продолжает сопротивление Красная армия, никакая десантная операция германских войск на Британские острова попросту невозможна.

Не имеющий ни капли симпатии к русским вообще и большевикам в частности, Черчилль надеялся, что в этом отчаянном поединке двух великих деспотий не будет победителей — одни побежденные. Он рассчитывал, что восточный колосс, рухнувший под натиском тевтонской ярости, сцепит мертвой хваткой свои руки на горле у победителя и утащит его вслед за собой в могилу. И вроде бы все к тому и шло. Чем дальше гунны углублялись на восток, чем меньше промышленных и продовольственных ресурсов оставалось в распоряжении советского правительства, тем яростней и ожесточенней, можно даже сказать, бессмысленней становилось сопротивление вторжению. Свежие, только что сформированные из мобилизованных солдат дивизии, не обученные и не слаженные, с одними винтовками, без поддержки артиллерии и авиации, прямо с колес швырялись в огонь сражений, чтобы лобовыми контратаками и реками проливаемой крови еще хоть на один день, или даже на полдня, затормозить неумолимый германский натиск на восток.

Перебирая бумаги, которые принес ему Стюарт Мэнзис, начальник Секретной Службы его Величества, Черчилль подумал, что в последние дни произошло нечто невероятное. На месте отчаянно фанатичных, но плохо обученных и вооруженных красных войск, под чистый серебряный зов призывающей в атаку фанфары вдруг появились блистающие великолепной выучкой тяжеловооруженные полки первоклассной кадровой армии. По версии большевиков, которую они довели до главы британской военной миссии в Москве генерал-лейтенанта Фрэнка Мэйсона-Макфарлана, поражение отборным германским 24-му и 47-му моторизованным корпусам нанесла Первая Особая Ударная Танковая Армия и подтянутые из глубины страны свежие стрелковые дивизии Брянского фронта, под общим командованием генерала армии Жукова. В сопроводительной записке, приложенной к этому сообщению, генерал Макфарлан писал:

«При этом разговоре было ясно видно, что, говоря о некоей первой ударной танковой армии, Молотов без зазрения совести врет, и никакой такой армии у большевиков не существует, а есть нечто, о чем он не хочет и не может сказать вслух. При этом надо сказать, что генерал Жуков был назначен командующим Брянским фронтом уже после разгрома 24-го моторокорпуса гуннов, и что в последние дни по Москве пошли разговоры о неких могущественнейших союзниках то ли из других миров, то ли из

других времен, которые неожиданно вмешались в ход битвы под Смоленском, переломив ее в свою пользу. И хоть тяжелые бои продолжаются, большевистскую столицу охватил приступ, казалось бы, беспричинной эйфории. Москвичи поздравляют друг друга с первой победой и говорят, что теперь-то все уж точно будет хорошо — «враг будет разбит и победа будет за нами»».

Прочитав эту бумагу, Черчилль отодвинул ее в сторону, поднял глаза на своего начальника разведки и спросил:

— Что скажете, Стюарт — большевики действительно обзавелись какими-то могущественными союзниками, которые вступили в войну на их стороне, или они просто выдают желаемое за действительное?

— Не думаю, — ответил начальник секретной службы его величества, — у нас есть донесения агентов, работающих по обе стороны фронта, которые говорят, что это так и есть. Войска гуннов потерпели сокрушительное поражение от небольших, но прекрасно обученных и вооруженных механизированных воинских формирований, неизвестного, но несомненно русского происхождения, из-за чего они легко налаживают взаимодействие с местными большевистскими частями. Только что поступило сообщение о том, что сегодня утром такая смешанная группировка нанесла фланговый удар по 2-й германской армии, наступавшей с севера в сторону Киева. 43-й армейский корпус гуннов, прикрывавший это направление, был с легкостью смят, а две пехотные дивизии вермахта, оказавшиеся на пути пришельцев, буквально размазаны на дороге. Вы представляете, сэр Уинстон, какой силой должен обладать артиллерийский удар чтобы в течение нескольких минут полностью уничтожить марширующий по шоссе пехотный полк^[4]. Теперь их группировка буквально с минуты на минуту готова ворваться в недавно оставленный большевиками Гомель.

Немного подумав, Стюарт Мэнзис добавил:

— Наш источник среди офицеров штаба группы армий Центр сообщает, что командующий центральной германской группировкой генерал-фельдмаршал Федор фон Бок находится в состоянии, близком к панике, что на него вовсе не похоже. Действия противника, именуемого в германских штабах «марсиане» (скорее всего, по аналогии с известной книгой нашего писателя Уэллса), стали для гуннов такими же стремительными и неудержимыми, какими были их собственные действия по отношению к большевикам всего две недели назад.

Нам стало известно о распоряжении верховного командования вермахта, предписывающем приостановку активных наступательных

действий на всех остальных направлениях и отправку всех доступных резервов, в первую очередь подвижных частей, в распоряжение группы армий «Центр». Причем делается это с такой лихорадочной быстротой, будто не гунны стоят на пороге Москвы, а наоборот, большевики на пороге Берлина. Кроме того, есть информация, что ни один немецкий самолет не может безнаказанно пролететь над занятой «марсианами» территорией, из-за чего германское командование полностью лишено сведений со стороны воздушной разведки, на которую оно привыкло полагаться.

— Так значит, уэллсовские «марсиане»... — хмыкнул Черчилль. — Мы, конечно рады поражению гуннов, но, Стюарт, постарайтесь разузнать об этих «марсианах» как можно больше. Задействуйте всех, кого сможете. Пока у нас недостаточно сведений о том, насколько они могут быть опасны для нашей Британской империи. А сейчас идите. Я буду думать.

26 апреля 2018 года 10:15. Украина, евросело Козино под Киевом, Резиденция президента Порошенко.

Как говорится, снова те же и дама с собачкой. За истекшие двое суток почти ничего из того, что намечалось сделать для развязывания войны Украины с Российской Федерацией, сделано еще не было. Только немного увеличилась частота обстрелов на линии соприкосновения ВСУ и народных милиций республик Донбасса. В остальном никто никуда не шел. Рада не расторгала договор о дружбе от 1997 года и не объявляла войну, Украинский Генштаб не передислоцировал к российской границе новые подразделения, а шоколадный президент не очень-то их и понукал, увлекшись дегустацией молдавских коньяков. Вот и сейчас едва стоит на ногах, шатается, буркала выкатил, из рта перегаром так и несет. Всего-то десять часов утра, а незалежный (значит не залежался) президент-кондитер уже в зюзю и лыка не вяжет.

Единственное, что американская дипломатия смогла записать в свой плюс, это набег на сопредельную сторону банды боевиков из числа единомышленников Дмитрия Яроша. Правда, набег весь продлился не дольше пары часов, потому что его целью был выбран приграничный поселок Чертково на севере Ростовской области и расположенный при нем второстепенный погранпереход местного значения, на котором вы никогда не увидите ни колонн фур, ни пробок из легковушек спешащих в це-европу и обратно. Максимум по пять-шесть машин в каждую сторону.

Налетели, пошумели, постреляли, в том числе и изображая из себя нацистских карателей по местным людям. Сожгли пограничный КПП и здание администрации, развесили повсюду жовто-блакитные флаги, намалевали на заборах лозунги вроде «Украина понад усе» и «Бандера

приде, порядок наведе», а потом сдригнули обратно в це-европу, не дожидаясь не то что выдвижения частей регулярной армии, но даже прибытия подразделений Росгвардии, то есть бывшего ОМОНа или СОБРа. Но задача спровоцировать россиян на ответное вторжение не удалась. На провокации никто не поддался, МИД лишь выпустил дежурную ноту протеста. В Украине поднялась волна ликования, но это была как раз та победа, которая тут же обернулась зрадой, потому что Москва перестала сдерживать амбиции Донецка и Луганска на военную победу над ВСУ. Через границу пошли конвои с топливом и боеприпасами, а на линии соприкосновения снова разгорелись ожесточенные артиллерийские дуэли, и это притом, что командование ополченцев получало самые свежие разведданные с российских спутников и барражирующих вдоль границ самолетов ДРЛО А-50.

И ведь самое главное в том, что такой рейд теперь уже больше не повторить, и вообще перспективы для молодой украинской государственности вырисовывались самые мрачные. Вдоль всей российско-украинской границы заняли оборону выдвигающиеся из глубины части ВС РФ, а на донецком и мариупольском направлениях они, ожидая приказа, стояли у пунктов перехода, свернутые в походные колонны. Все приграничные КПП были обнесены стенками из бетонных блоков, а в капонирах дежурила бронетехника. При этом сопредельная сторона была предупреждена, что один единственный выстрел с украинской стороны на российскую будет иметь для армии саломоедов самые веселые и интересные последствия. Вплоть до полной аннигиляции. Два или три дня назад массовое вторжение украинских войск и националистических банд на российскую территорию еще могло иметь отвлекающий и шокирующий эффект, но теперь все будет с точностью до наоборот. Уже хохлы окажутся шокированы быстротой, силой и жесткостью ответного удара москалей, а также тем, как далеко они готовы зайти в стремлении к безопасности своих рубежей.

И вообще, Тягнидупа и компанию, которые в день общероссийского траура провели в Киеве шествие в поддержку А. Гитлера с участием ветеранов дивизии «Галичина» и их потомков, стоило бы записать в самые главные агенты Путина, ибо о большей помощи в деле антиукраинской мобилизации тот не мог бы и мечтать. При этом мобилизовалась не только Россия, которой еще раз дали посмотреть на скачущих гемадрилов, но еще и Польша с Венгрией, у которых к главным це-европейцам были свои вопросы, накопившиеся чуть ли не со времен восстания Костюшко.

И вообще, Москва явно не хотела в этот тяжелый момент брать на себя

такую обузу, как бывшая союзная республика, за двадцать семь лет самостоятельного правления в плане экономики превращенная в Руину, а в политическом смысле — в самую большую психбольницу на планете, власть в которой в руках у пациентов. Но при этом демонстрировалась решимость — раз уж так сложилась ситуация, в любой момент, когда это потребуется, и невзирая ни на какие дипломатические и пропагандистские вопли, войти на территорию неудавшегося государства и, вскрыв назревший нарыв, зачистить ситуацию до белых костей. До шуточек ли тут, когда отношения с коллективным Западом дошли до такой горячей отметки, что дальше только война, а по ту сторону облака-портала в 1941 году российский экспедиционный корпус насмерть бьется с проклятыми германскими фашистами.

С точки зрения Волкера, с мрачным видом вззирающего на укропрезидента, а также его вашингтонского начальства, эти факты означали, что прокси-войны с Россией руками украинской армии и отрядов националистов, скорее всего, не будет, а если она и будет, то ее результат будет весьма далек от ожидаемого коллективным Западом. Да, некоторое время после воссоединения с разоренными территориями бывшей Украины России будет тяжело, но потом, когда будут закончены реанимационные мероприятия, она за их счет только усилится. Самое главное для русских — не брать на себя территории, лежащие западнее Збруча, и западноукраинцы будут вынуждены сами разбираться со своими бывшими колонизаторами, и наоборот. Но в Москве достаточно умны, чтобы не делать такой глупости, так что осложнить им жизнь с этой стороны тоже не получится.

Плюнув на ковер и все на свете, Волкер развернулся и вышел прочь. Он сделал все, что мог, и дальнейшее уже было не в его власти. Можно сколько угодно давить на начальство, и оно даже будет со всем соглашаться, но солдат не хочет умирать за президент-кондитера на безумной братоубийственной войне, поэтому войска вперед не идут, а окапываются, окапываются, окапываются...

26 апреля 2018 года 11:45. Московская область, государственная дача «Ново-Огарево».

Примерно над теми же вопросами думало и руководство Российской Федерации. Мало того, что президент Путин предпочел бы, чтобы вопрос с Украиной решился мирным дипломатическим путем (и ведь еще несколько лет такая возможность вполне существовала). В какой-то момент пророссийские симпатии даже начали перевешивать чашу весов, и вот тогда западные «партнеры» решили грубо вмешаться и устроили националистический переворот в Киеве. В результате у российского

общества окончательно отвалились иллюзии как в отношении Украины, так и самого Запада, а вместо них появилась твердая уверенность, что «мы побеждаем», «наша армия лучшая» и «Крым наш!».

У Украины в результате переворота выпали Крым и Донбасс, а также серьезно зашаталось все остальное. Зато у украинцев появилось множество доверху заполненных зрадами Донбасских котлов и бесконечная АТО с таким же бесконечным Минским процессом, по которому переговорщики уже который год трут воздух «ни о чем». У Запада в первую очередь упал здравый смысл и его, в последней отчаянной попытке поставить Россию в старое ельцинское стойло, никто и не думает поднимать. Политики сменяют друг друга в отчаянной антироссийской чехарде, и каждый следующий выглядит тупее предыдущего. Макрон, Мэй, Джонсон, Трамп со всеми своими трампами, при непредвзятом взгляде со стороны выглядят эдаким коллективным Порошенко, пьяным до такого изумления, что он не помнит, что говорит и кому.

При этом антироссийская риторика перемежается самыми настоящими военными провокациями, серьезными настолько, что в любой момент могут полететь ракеты. В таких условиях нет смысла сдерживать себя хоть какими-нибудь условностями. И ведь не сиди в украинских военных такой большой глубинный страх перед прямым столкновением один на один с армией Российской Федерации, они бы и в самом деле могли бы вторгнуться на российскую территорию, желая помимо Крыма и Донбасса «вернуть» себе Курск, Белгород, Воронеж, Ростов на Дону и даже Краснодар.

Еще немного подумав, президент придвинул себе папку с надписью «План Днепр» и поставил под ним свою подпись. На первых порах этот план предусматривал официальное признание Россией Донецкой и Луганской народных республик, а также быстрый выход из разных говорилен, вроде Минского и Нормандского процессов. В итоге вся эта запутанная ситуация должна быть решительно разрублена мечом, но не российским, а донецких ополченцев, ведь именно их МИД признает представителями правильной домайданной Украины, и единственное, что для этого надо сделать, додавить до конца процесс создания федеративного государства, пусть даже оно будет называться не Украиной, а Новороссией.

26 августа 1941 года. 09:25. Брянский фронт, зона ответственности экспедиционной группы войск.

Батальонный командир 125-го стрелкового полка 6-й стрелковой дивизии РККА старший лейтенант Виктор Петрович Ростовцев

Шесть дней и ночей мы сражаемся в составе батальонной тактической

группы майора Потапова. Сначала нас было около сотни — вышедших из окружения бойцов и младших командиров РККА, и мы считались как бы дополнительной четвертой ротой батальона; но три дня назад, вечером 23-го августа, из тыла на наши позиции прибыл майор Сергачев с приказом о назначении его командиром 125-го стрелкового полка. При этом видно — сам он только что из госпиталя, ибо из гимнастерки и прочего еще не выветрился удушливый запах карболки, и что вторую шпалу ему в петлицы всадили совсем недавно — то есть буквально вчера этот майор был еще капитаном. Но все это и радует, потому что говорит, что майор Сергачев человек бывалый, а не какой-нибудь бывший военком, раньше воевавший с врагом только по призывным плакатам.

Сдал я товарищу Сергачеву «дела», которые у меня остались как у старшего по званию с момента убегия в госпиталь майора Маркина, торжественно передал сохраненное боевое знамя и отчитался, как мы воевали до выхода из окружения и после, в составе батальонной группы майора Потапова. Да и сам майор тоже не слепец. Посмотрел он на сгоревшую технику вражеской разбитой штабной колонны, на сбитых немецких стервятников, которых тут было не один и не два, и даже не десяток, на поля в окрестностях этих Смольков, сплошь усыпанные «тушками» подстреленных фрицев. Потом глянул на монструозные танки потомков, которые, казалось бы, неуязвимой немецкой самоходке в лобовом листе делают дыру такую, что в нее пролезет голова, а корма при этом раскрывается «розочкой», выплевывая на землю искалеченный мотор.

Но самое главное — это все же не техника, а люди. А вот на таких бойцов, как потомки, посмотреть стоит особо. Ведь они уверены, что германские солдаты — это не самый страшный, почти непобедимый враг на свете, а так, ничего особенного, стоит только подойти к делу серьезно, сосредоточившись, засучив рукава и наполнив себя первозданной яростью. Ну и командование, само собой, должно быть серьезным, а не такие генералы, что собственный зад двумя руками не найдут и драпают с поля боя впереди собственного визга. Генерал армии Жуков, которого недавно назначили командовать Брянским фронтом, как раз из серьезных. Старший лейтенант потомков Голубцов, с которым мы сдружились за эти шесть дней, сказал мне, что Жуков — это так круто, что и лучше быть не может. Теперь все наши тыловые раззвиздяи забегают как наскипидаренные, а немцам и вообще лучше сразу вешаться. Пришел полярный лис и теперь всех их перекусает.

Кстати, меня тоже повысили до старшего лейтенанта, и приказом майора Сергачева я назначен временно исполняющим обязанности

командира первого батальона. Мол, если покажу себя в боях, то капитанская шпала и постоянная должность комбата для меня не заржавеют. Ведь он, майор Сергачев, тоже видит, что я бывалый, обкатанный, обстрелянный, в трех водах полосканный, в огне горевший, да не сгоревший. Сначала я думал, что назначение меня В.Р.И.О. комбата — это такая шутка, потому что во всем нашем полку народу было примерно на полнокровную роту, но уже утром из тыла на огромных грузовиках потомков массово начали подвозить маршевое пополнение. Для переформирования нас даже не стали отводить в тыл, а просто начали присылать все новых и новых свежемобилизованных новобранцев. Больше того, наш 125-й стрелковый полк так и остался в тактической связке с батальонной группой потомков, которой командует майор Потапов. Мы заполняем рубеж обороны живой силой, а они обеспечивают поддержку огнем, броней и гусеницами. В обороне должно получиться очень даже неплохо, а что будет дальше — мы еще посмотрим. Теперь все в нашем полку, а не только те бойцы и младшие командиры, с которыми мы первыми вышли на потомков, уверены в том, что враг будет разбит, причем в самое короткое время, и победа обязательно будет за нами.

26 августа 1941 года, 9:45. Москва, Кремль, кабинет Верховного Главнокомандующего

Звонок Жукова по ВЧ поднял Верховного после короткого и неверного сна. Но вождь не был в обиде на своего генерала. Совсем нет. Ради таких новостей можно вытерпеть и внеурочное пробуждение. Жуков докладывал, что фланговый удар по войскам 2-й германской армии сводной армейской группой Копылова-Ермакова можно считать полностью удавшимся. Танковая и мотострелковая дивизии потомков тяжелым тараном проломили фронт, следом за ними в прорыв вошли советские танкисты и кавалеристы, и в самом конце бегом бежали три стрелковые дивизии, перед которыми была поставлена задача закрепиться на рубежах, достигнутых танкистами из будущего. Ну как бежали бегом. Первые (и передовые) батальоны полков, как баре, ехали по шоссе на больших грузовиках, а остальные подразделения гнали так называемым «волчьим скоком», то есть — сто метров быстрым шагом, сто метров бегом.

В результате уже вечером, после заката, танки и боевые машины потомков ворвались на окраины Гомеля и решительным натиском смяли сопротивление немногочисленного немецкого гарнизона, и к утру полностью овладели этим областным центром и важным узлом железных и шоссейных дорог. Жуков доложил, что ворвавшиеся в город потомки имели над противником подавляющее преимущество, потому и смогли освободить

Гомель так быстро и с минимальными потерями своих частей.

И случилось это не только благодаря численности, мощи вооружения и эффекту внезапности, ибо такого мощного штурма, да еще и в ночное время, никто не ждал, но еще и благодаря тому, что бойцы из будущего безлунной ночью с полной отдачей смогли использовать свои портативные приборы ночного видения. К тому же потомки применили системы радиоэлектронной борьбы, полностью парализовавшие радиосвязь в радиусе пары десятков километров и нарушили управления боевыми действиями с немецкой стороны. Конечно, у немцев имелись осветительные ракеты, но, во-первых, в условиях городской застройки они не очень эффективны, а во-вторых, они довольно быстро кончились, после чего исчерпавшие их запас немецкие подразделения оказались беспомощны.

К тому же, как только на окраинах разгорелась стрельба, в том числе и с применением танковых пушек потомков, штаб 2-й армии вермахта, с момента прорыва фронта уже находившийся в состоянии лихорадочной подготовки к эвакуации, срочно снялся с места и, запихав в машины все самое важное и секретное, рванул по дороге на север, пока топор лязгнувшей гильотины не отсек его вместе с обреченными пехотными дивизиями 43-го и 13-го армейских корпусов в треугольнике между 21-й армией, наступающей группировкой Копылова-Ермакова и Днепром. То, что, когда надо, «марсиане» способны действовать стремительнее Гудериана, фон Вейхс уже знал и желал избежать близкого знакомства. Но гитлеровский генерал предполагал, а бойцы СпН ГРУ, устроившие засаду на его кортеж, располагали. Правда, живым взять командующего 2-й армией не удалось, ибо шальные пули в ночном бою не щадят и генералов, хотя, скорее всего, верна версия, что генерала застрелил его адъютант, которому это было поручено сделать в случае угрозы попадания в плен.

Уж очень сильно запугали немецких старших офицеров новость откуда возникшие слухи о безудержной свирепости «марсиан». Или это повлияло рославльское дело, где спецназ ГРУ так же вычистил штаб армии и штаб корпуса? Ну так там никого не пыгали, и пленных без суда не расстреливали, просто само нападение было внезапным и неотвратимым, а немецких чинов в ранге ниже майора в плен просто не брали, ибо их не на чем было вывозить. Это потом Геббельс расстарался, расписал все в цветах и красках, добавив семьдесят пять процентов художественного вымысла.

Но как бы там ни было, на данный момент наиболее боеспособные дивизии тринадцатого армейского корпуса оказались зажаты между Сциллой 21-й армии и Харибдой группировки потомков, а также лишились

хранившихся в Гомеле армейских и корпусных запасов боеприпасов, медикаментов и продовольствия. Части и подразделения сорок третьего армейского корпуса, прикрывавшего левый фланг 2-й немецкой армии и первым попавшего под уничтожающий удар сводной группы, частью оказались отброшены на северо-запад, в болотисто-лесистую местность за реку Сож, а частью присоединились к частям тринадцатого корпуса в их стезе окруженцев.

Конечно, ничего еще не было предрешено, сами немцы ни за что не сдадутся без боя даже потомкам; но по немецкой группировке был нанесен еще один сильнейший удар, а командующий Брянским фронтом генерал армии Жуков получил возможность с помощью потомков (помимо 13-й, так сказать) реанимировать еще и 21-ю армию. Но в любом случае Сталин решил ничего не загадывать вплоть до полного уничтожения вражеской окруженной группировки или ее тотального принуждения к капитуляции. Сумеют потомки это сделать — будет совсем хорошо. Не сумеют — тогда немцы обходными путями просочатся из котла на соединение со своими... Ну так уже достигнутое в ходе этой операции тоже неплохо, просто, как говорят те же потомки, планируемого осетра потребует немного урезать.

26 августа 1941 года, 10:15. Тылы ГА «Юг» Коростень, железнодорожная станция Коростень-Подольский.

Комендант, майор Руперт Ланге

Нелегка жизнь коменданта узловой станции в тылу немецких войск. Проходящие эшелоны необходимо обеспечить хлебом и горячим питанием, а подвижной состав и пути в зоне ответственности должны находиться в полной исправности. К тому же местное население люто ненавидит немецкую власть. Да как может быть иначе в городе, в котором на одну христианскую церковь приходится две синагоги? Комендант города оберст-лейтенант Георг Труккенброд уже обещал, что в самое ближайшее время он примет все меры по очистке города от евреев; но с момента взятия города прошло почти три недели, а ничего не изменилось. Несколько повешенных напротив городской комендатуры пособников большевиков не в счет. Но городскому коменданту хорошо — он воюет с евреями, сапожниками, портными, дантистами и скупщиками старых вещей, большинство из которых не способно обидеть и мухи. А ему, майору Руперту Ланге, приходится бороться с куда более серьезным противником.

Недавно верховное командование вермахта отдало приказ приостановить активные действия на всех участках Восточного фронта, кроме полосы группы армий «Центр», в распоряжение которой передавались все резервы, которые можно было снять с участков групп

армий «Юг» и «Север», с учетом их последующего перехода к обороне. Данное решение означало, что в ближайшее время через Коростень, как через станцию ближайшей к фронту рокадной железной дороги, пойдет множество воинских эшелонов, а ему, майору Ланге, будет очень много работы. Одно дело — обеспечивать питание немецких солдат и офицеров, когда через станцию проходит один эшелон в сутки, и совсем другое, когда от двадцати до тридцати. То же самое с подвижным составом — под такой объем перевозок может просто не хватить паровозов и паровозных бригад.

Но действительность, как всегда в России, оказалась значительно страшнее ожиданий. Вчера, когда на станцию прибыл первый эшелон с частями элитной до блеска дивизии СС «Викинг», оказалось, что дальше на север взорван железнодорожный мост через реку Шестень. И так взорван, что обломки во все стороны разметало метров на триста, а под бывшим мостом возник приличных размеров омут, наполненный мутной жижей. И река там такая, что в это жаркое и сухое лето его курица вброд перейдет, и мост пусть и стальной, но всего в один пролет — а вот без него никуда. Пока не отремонтируют, никакого движения на север по рокадной трассе не будет. Конечно же, он, майор Ланге, немедленно выслал к месту происшествия специальный ремонтный поезд, нагруженный пиломатериалами для постройки временного деревянного моста. Позади поезда был прицеплен скотский вагон с нарами, в котором везли русских военнопленных. Когда доступна дармовая рабочая сила, немецкие солдаты не станут сами копать землю и пилить бревна.

Одним словом к тому моменту, когда ремонтная бригада прибыла на место и приступила к восстановительным работам (то есть к полудню), на станцию Коростень успели прибыть еще один эшелон с танками, эшелон с пехотой, эшелон с топливом и эшелон с боеприпасами.

И эшелоны продолжали прибывать на станцию, строго по графику перевозок, который пока никто не догадался изменить или отменить. Но не успели немецкие инженеры осмотреть место, где стоял разрушенный мост и определить объем работ, как неожиданно в километре южнее взлетел на воздух мост через такую же речку-гавнотечку под названием Граничевка. Мост этот взорвался, между прочим, середь бела дня, при этом в воздухе не было видно пролетающих вражеских или каких-то иных самолетов, а охрана не сообщала о нападении диверсантов. Хотя какие там могут быть диверсанты днем, да еще такие, чтобы могли утащить на себе пару центнеров взрывчатки, а ведь именно столько, по оценке немецких инженеров, было использовано при подрыве первого моста. Единственное, до чего смогли додуматься германские эксперты, так это до того, что

взрывчатка в тело моста была уложена задолго до начала войны, и подрыв был осуществлен по проводам с потайного пункта, куда были выведены концы для подключения взрывмашинки.

Но хочешь не хочешь, а эту головную боль тоже надо было лечить, поэтому майор Ланге направил туда второй и последний имеющийся в его распоряжении ремонтно-восстановительный поезд. Одновременно он запросил помощи у оккупационных властей, потребовав, чтобы на последний, третий мост в этой группе, расположенный еще в полутора километрах южнее моста через Граничевку, в качестве живого щита были выведены местные жители, в присутствии которых никто ничего взрывать не будет. Те, разумеется, подсуетились и на железнодорожные пути в районе охраняемого объекта были выгнаны около сотни баб с маленькими ребятишками. Забегаешь тут, когда даже за небольшую задержку в переброске воинских эшелонов можно лишиться теплой и уютной должности и направиться на Восточный фронт рядовым, тем более что он тут совсем рядом. Одновременно поднятые по тревоге немецкие саперы обследовали все железнодорожные и шоссейные мосты вдоль маршрута следования перебрасываемых войск и доложили своему командованию о том, что везде все чисто и никаких закладок взрывчатки в мостах или под ними не найдено.

Ночь прошла беспокойно, потому что все станции Коростеньского железнодорожного узла превратились в некое подобие консервных банок, вместо селедки набитых эшелонами с войсками, техникой, топливом и боеприпасами. Весьма взрывоопасная и соблазнительная для вражеской авиации смесь, поэтому немецкие зенитчики бдели всю ночь, причем напрасно. Никто к ним так за всю ночь и не прилетел, только зря звукометристы крутили свои шарманки, а наблюдатели напряженно всматривались в горизонт.

Утром, когда ремонт мостов в северном направлении почти подошел к концу, вдруг неожиданно один за другим с коротким промежутком рванули мосты в непосредственных окрестностях Коростеня, обрубая ниточки железнодорожных путей. И вражеской авиации в воздухе опять не было, а мосты были заранее проверены саперами вдоль и поперек. Коростеньский узел к тому моменту был уже так переполнен, что следующие в северном направлении эшелоны теперь останавливали в Житомире и даже Бердичеве. Но никто еще не подозревал того, чем пахнет это дело и что город Коростень превратился в смертельную ловушку для 14-го моторизованного армейского корпуса, включавшего в себя мотодивизию СС «Викинг», мотодивизию СС «Лейбштандарт Адольф Гитлер» и 9-ю

панцердивизию. Пройдет еще совсем немного времени — и на железнодорожных путях воцарится настоящий ад на земле, а из тридцати тысяч немецких солдат и офицеров, битком забивших станцию, в живых в итоге останется не больше двух тысяч, и почти все они до конца жизни будут

Тогда же. Брянская область, Унечский район, окрестности поселка Красновичи.

Разумеется, Коростеньский узел третировали не диверсанты и не бомбардировщики советских ВВС, а входящая в состав российской экспедиционной группы войск 112-я бригада оперативно-тактических ракет «Искандер-М», расположенная на позициях прямо у портала в Красновичах. Первые два выстрела, произведенные день назад, ставили целью создать затор и стимулировать накопление на железнодорожной станции эшелонов с немецкими войсками. К полному двойному залпу бригады в сорок восемь ракет эти два пуска не имели отношения, потому что одна ТЗМ, отдав свои ракеты на пусковую установку, обернулась обратно в 2018 год, где подзарядилась до штатного боекомплекта, благо время позволяло.

Во втором залпе, в котором участвовали три машины, из шести ракет пять несли моноблочные фугасные заряды, предназначенные для разрушения мостов, а шестая кассету с тремя складными беспилотниками, которые были отпущены в свободный полет на высоте двух километров и были способны самостоятельно продержаться в воздухе около полутора часов. Получив подтверждение, что в ловушке Коростеньского железнодорожного узла находится большое количество вражеских войск и техники, командование экспедиционной группы войск отдало приказ на проведение завершающей фазы операции «Крысолов».

На огневые позиции поступил соответствующий приказ, и почти одновременно на столбах огня и белого дыма в небо ушли первые восемнадцать ракет — сначала девять, а минуту спустя еще девять. Это будоражащее кровь зрелище можно было наблюдать с довольно большого расстояния — так, например, пуск ракет видели бойцы и командиры свежей стрелковой дивизии, перебрасываемой к Гомелю по железной дороге от Брянска. Товарищи военные чуть шеи не поыворачивали, наблюдая стремительный взлет превращающихся в сияющие точки ракет.

Эти ракеты были начинены термобарическими кассетными элементами и вызвали на станциях Коростень-Подольский и Коростень-Житомирский просто ужасные разрушения и человеческие жертвы, потому что эти станции Коростеньского узла, находящиеся на главной оси

перевозок, были забиты не только эшелонами с солдатами и техникой, но еще и с топливом с боеприпасами, ибо снабжение группы армий «Центр» не было рассчитано на первую танковую группу и все необходимое она везла с собой. Естественно, что срабатывание кассетных термобарических боеголовок «Искандер» вызвало детонацию всего этого богатства и воспламенение бензина, вылившегося из разрушенных цистерн. В эпицентре этого рукотворного ада рельсы плавились как восковые, а кирпичи оплывали стеклянистой зеленоватой

Полчаса спустя такой же удар обрушился на станции Коростень, Пост-Южный, Сады и Чигири, на которых в основном отстаивались эшелоны с пехотой. Вот там-то и было какое-то количество выживших, потому что некоторые из солдат отлучились либо в самоход, либо по поручениям господ офицеров. В любом случае все эти счастливицы еще будут вынуждены объяснять в ГФП, как так получилось, что они выжили, а их кривгамрады погибли.

26 августа 1941 года. 18:15. Окрестности Могилева. Штаб группы армий «Центр».

Генерал-фельдмаршал Федор фон Бок.

Обстановка на фронте опять осложнилась до крайности. Усиленный 13-й армейский корпус, пять пехотных дивизий вместо обычных трех — все, что осталось от 2-й армии после разгрома 43-го АК — оказался отрезан большевиками и «марсианами» в котле южнее Гомеля. И сейчас эти отрезанные дивизии в отчаянных маневренных боях пытаются найти выход из этой ловушки, а панцеркампфгруппы «марсиан» решительными ударами отсекают эти тонкие пальцы, ищущие пути к спасению. При этом по каналам агентурной разведки абверу достоверно стало известно, что к Гомелю по железной дороге перебрасываются все новые и новые свежие стрелковые дивизии большевиков. Пройдет еще немного времени — и через них не сумеют пробиться не только пехотные, но и моторизованные соединения. Пожалуй, пришло время признать, что потрепыхаться, отвлекая на себя внимание и резервы, эти войска еще могут, а вот вырваться из ловушки уже нет.

И дело тут не только в «марсианах». Видна твердая и тяжелая рука недавно назначенного нового командующего фронтом генерала Жукова. И хоть за этим достаточно молодым генералом была всего лишь одна успешная маневренная операция против японцев у Номонкана^[5], было видно, что герр Жуков полон решимости доказать, что тот успех был не случаен и германскую армию с его стороны теперь ждут большие неприятности. Но как бы то ни было, требовалось латать дыру,

образовавшуюся после поражения 2-й армии. Как только Жуков закончит кромсать и давить остатки несчастного 13-го армейского корпуса, он немедленно развернет свои подвижные части на север, стремясь подрезать коммуникации всей группы армий «Центр», и противопоставить этому ударному кулаку было нечего, разве что начать снимать силы с главного, Московского направления. Но делать это фон Боку боязно. В последнее время большевики там перестали колотиться растопыренными пальцами в кирпичную стену^[6], и теперь следовало ожидать ударов плотно сжатыми кулаками.

А взять войска для латания дыры хоть откуда-нибудь требовалось срочно. Дело в том, что перебрасываемый с юга 14-й моторизованный корпус, на скорейшее прибытие которого в качестве экстренного подкрепления командование группы армий «Центр» рассчитывало совсем недавно, после удара неизвестным оружием «марсиан» почти в полном составе сгорел на станции Коростень. Фон Бок мог только возблагодарить Всевышнего, что это прискорбное событие произошло не в его зоне ответственности и что отдуваться теперь придется несчастному фон Рундштедту, а не ему.

А как же иначе, ведь в состав 14-го моторкорпуса входили любимые соединения фюрера: панцердивизия СС «Викинг» и лейбштандарт «Адольф Гитлер», поэтому гнев вождя германской нации оказался страшен. Во-первых — расследовать эту историю в штаб группы армий «Юг» в Житомире вылетел лично Генрих Гиммлер, и было понятно, что в ходе этого визита головы «виновных» покатаются градом. Во-вторых — город Коростень было приказано стереть с лица земли вместе с людьми, собаками и кошками. И даже страшно подумать, как на это отреагируют «марсиане». Предположительное наличие в их арсенале оружия дальнего действия (в сотни и тысячи километров), способного одним выстрелом сметать с лица земли целые города, наводило на невеселые мысли. Ответ «марсиан» на уничтожение одного из русских городов мог оказаться таким ужасным, что даже страшно было подумать.

Кроме всего прочего, рокадная дорога, пострадавшая во время удара неизвестным оружием по Коростеню, будет непригодна для движения от недели до десяти дней, и затея фюрера с уничтожением города еще больше увеличит этот срок. Из-за этого теперь резервы с южного направления будут поступать кружным путем, по рокаде, проходящей на сто пятьдесят километров дальше к западу через Ровно-Сарны-Барановичи, а если неизвестное оружие дотянется и туда, то придется возить войска через Польшу.

Фельдмаршал фон Бок подумал, что произошло самое худшее, и чего в первую очередь так опасался Быстроходный Гейнц. Большевики, сумев договориться с «марсианами», слились с ними в единую до неразличимости военную силу. По крайней мере, так дело обстоит на южном фланге Смоленского выступа, где в жарком огне маневренного сражения дотла сгорают последние резервы группы армий «Центр». Единственное счастье немецких войск заключалось в том, что «марсиане» пока не сумели перебросить из будущего свою ужасающую авиацию, а их винтокрылые боевые каракатицы не залетают вглубь немецкой территории далее двух-трех десятков километров. Но как раз в этой прифронтовой полосе расположены позиции артиллерии, а также дивизионные, корпусные и армейские штабы, которые эти винтокрылы третируют с особым азартом. Одна ли две пары таких аппаратов внезапно появляются поблизости от позиций немецкой артиллерии или места дислокации штабов. Потом следует пуск реактивных снарядов с дальней дистанции, поле чего, не дожидаясь, пока немецкие зенитчики развернут свои флажки и фирлинги, винтокрылые налетчики скрываются с глаз, чтобы чуть позже атаковать с другого направления. Часто после таких вот внезапных визитов на немецкие позиции обрушивается частый и плотный артиллерийский огонь^[7].

При этом «эксперты^[8]» люфтваффе опасаются приближаться к этим винтокрылым машинам, потому что они чрезвычайно маневренны, буквально способны крутиться вокруг собственного хвоста и при этом метко отстреливаться от атакующих истребителей из поворотной носовой пушки и с помощью самоприцеливающихся противосамолетных ракет. Сбить или хотя бы подбить такой винтокрыл «эксперту» крайне тяжело (прецедентов еще не было), а вот свернуть свою шею весьма просто (прецедентов хоть отбавляй).

В любом случае, дыру во фронте требуется хоть чем-то латать, поэтому 3-я танковая группа генерала Гота спешно развернута на юг и спешит к Гомелю, из 9-й и 4-й армий изымаются сводные капфгруппы и целые дивизии, которые тоже направляются на угрожаемые направления. Теперь уже не большевистское, а германское командование бросает войска в топку войны чуть ли не побатальонно, лишь бы любой ценой сорвать вражеский замысел и не дать свершиться самому худшему.

Ведь стоит только обойти стол по кругу и встать с другой стороны карты (там, где сейчас, ухмыляясь, стоят бестелесные призраки его оппонента генерала Жукова и неизвестного пока командующего «марсиан»),

как сразу обозначаются направления ударов двумя подвижными группировками. Первая подвижная кампфгруппа нанесет удар из района Унеча-Сураж на Кричев-Мстиславль, подрезая 4-ю армию и ставя на грань катастрофы весь правый фланг группы армий «Центр». Вторая из района Гомеля ударит на Могилев, перехватывая транспортные коммуникации и подготавливая последний удар, который поставит группу армий «Центр» на грань катастрофы и, заставляя его, фон Бока, отвести войска за Днепр, что фактически будет означать переход войны к позиционной фазе и ее проигрыш Германией. Как это бывает, все хорошо помнят по прошлой Великой Войне. Германия не в состоянии вести войну на истощение ресурсов сразу со всеми англосаксами, большевиками, да еще никому неизвестными «марсианами». Так что замысел противника требуется сорвать любой ценой, и поэтому к месту грядущих событий спешат германские танки и пехота. Неважно, сколько их погибнет во время встречных ударов. Важно то, что замысел «марсиан» и большевиков будет сорван и группе армий «Центр» удастся удержать достигнутые рубежи, с которых уже возможно наступление на Москву.

Жаль, конечно, погибшего в Коростене 14-го моторкорпуса. В ударе плотно сжатыми кулаками по «марсианам» и их большевистским прихвостням этого соединения будет очень не хватать.

Но это и урок того, что даже на значительном удалении от линии фронта слишком плотная концентрация войск, представляющих собой единую цель, становится уязвимой для ударов неизвестным дальнобойным оружием «марсиан». И никому не известно, какого страшного джокера они могут вытащить из рукава в следующий раз, а также, какая часть немецкого населения останется в живых после этой страшной войны, которая началась в Испании с руин Герники, но в самом деле может закончиться развалинами Берлина.

Или, в самом деле, если Германии в этой войне все равно суждено потерпеть поражение, то не послать ли к черту этого ефрейтора и попробовать рассмотреть иные альтернативы?

26 августа 1941 года, 23:15. Москва, Кремль, кабинет Верховного Главнокомандующего

Сталин сидел за своим столом и перебирал фотографии, сделанные беспилотниками во время ракетного удара по железнодорожным станциям Коростеня, забитых эшелонами с немецкой техникой, войсками и боеприпасами. Операция «Крысолов», которую потомки провели при полном согласовании со штабом РККА, завершилась полным успехом. Во время передислокации по рокадной железной дороге оказались

уничтожены три сотни вражеских танков, около тридцати тысяч солдат и офицеров, а также большое количество горюче-смазочных материалов. И к такому эффекту привели всего два залпа оперативно-тактической гвардейской ракетной бригады.

И в то же время Верховный понимал, что будь на ракетах специальные, так называемые ядерные, боеголовки, то вместо пятидесяти ракетных пусков потребовалось бы всего пять-шесть. Два — обычными фугасными зарядами, чтобы разрушить мосты и остановить движение, один — для доставки корректирующих беспилотников, и еще два-три ядерными зарядами, чтобы стопроцентно поразить скопления вражеской живой силы и техники. Правда, в таком случае полностью был бы уничтожен и советский город Коростень, с огромным количеством жертв среди мирного гражданского населения. Нет, на такое Вождь мог пойти только в самом крайнем случае, когда такая операция спасала бы огромное множество других советских людей. Да и потомки тоже не торопились нести в этот мир такое ужасное оружие, только проинформировав о его наличии.

Но, как бы то ни было, уже завтра торжествующий голос Левитана поведает эту весть стране и миру, особенно подчеркнув тот факт, что большинство уничтоженных вражеских солдат являлись членами преступной организации ваффен-СС, ответственной за множество преступлений против человечества. Более того, во всех кинотеатрах СССР будет показан короткометражный документальный фильм об этом событии, который составной частью будет включен в очередной военный выпуск Союзкиножурнала.

Отложив фотографии, Сталин встал и прошелся по кабинету. Вместе с положительным эффектом от вмешательства потомков в войну, выразившимся в прекращении вражеского наступления и стабилизации положения на фронтах, нарастали явления, которые Вождь хотел бы оттянуть как минимум до конца войны. В первую очередь, тревогу вызывало недовольство некоторой ортодоксальной группы лиц в руководстве партии тем положением дел, какое сложилось в отношениях с потомками. Этих борцов с диктатурой кровавого царского режима за живое царапали российский триколор и двуглавый орел, и возмущало то, что Сталин от имени СССР обязался не вести агитации против российских властей, направленной на свержение буржуазного строя и торжество социалистической революции.

Ворошилов, Маленков, Каганович, Хрущев и множество персон поменьше злобно шипели по углам, осуждая заключенный с потомками

договор. Правда, Ворошилов, единственный из этой компании, на правах старого боевого товарища, попробовал переговорить на эту тему с ним, со Сталиным, открытым текстом. Выслушав Первого Красного Маршала, Верховный задал ему только один, но очень важный вопрос:

— Клим, ты дурак?

В ответ Ворошилов лишь смущенно кашлянул и спросил:

— А чего я такого сказал? Ведь все строго же по товарищам Ленину и Марксу?

— А ты знаешь, — спросил вождь, — что коммунистов там, в две тысячи восемнадцатом году, никто не преследует? А ты знаешь, что наши с тобой идейные последователи, руководители Коммунистической Партии Советского Союза, сами сдали доверенную им народом власть в руки так называемых демократов, чтобы тут же обернуться банкирами и капиталистами, растерзав на куски в свою пользу всенародно созданную собственность, в первую очередь заводы и фабрики. А ты знаешь, что наши идеалы там были брошены в грязь и провалились в ней больше четверти века? А ты знаешь, что так называемой коммунистической партией Российской Федерации руководит человек, которому мы с тобой не доверили бы и райком в сельской местности? А ты знаешь, что, несмотря на деятельность так называемого товарища Зюганова, авторитет СССР и лично товарища Сталина находится на недостижимой высоте, и что военкоматы ломаются от желающих отправиться воевать за СССР? А ты знаешь, что человек, который подговорил тебя, простодушного, прийти ко мне и наговорить всякой ерунды, там, в будущем, успешно спланировал и провел антисоветский переворот с целью захвата личной власти, который стал началом конца всего, за что мы с тобой боролись? Не знаешь? Ничего ты, Клим, оказывается, не знаешь, а берешься меня судить! Хочешь, я отправлю тебя туда, в две тысячи восемнадцатый год, специальным представителем коммунистической партии и советского правительства? Не хочешь? И правильно делаешь, потому что со своим простодушием ты там только наломаешь дров!

Смущенный и задумавшийся Ворошилов тогда ушел, а Верховный подумал, правильным ли путем идет советская власть и он, товарищ Сталин, лично. Какую такую ценность из себя представляют соратники и пособники Клоуна, чтобы, как и в прошлый раз, отдать им на откуп будущее страны, как это было сделано в прошлом потомков, или все же предпринять экстренные меры для того, чтобы пресечь это безобразие на самом его зародыше. Такая ортодоксальность, какую проявила эта «группа товарищей», уже напрямую граничит с троцкизмом. Лаврентий, конечно,

держит руку на пульсе, но и пускать партийные дела на самотек тоже не стоит. Если уже начались закулисные разговоры, то тут недалеко и до беды. Но, с другой стороны, затевать новый тридцать седьмой год, когда враг стоит в трехстах километрах от Кремля — не самое умное решение. Да и потомки такую компанию в разгар войны воспримут крайне негативно. В таком случае остается только одно. Брать фигурантов по одному, давать назначения на окраины с понижением, подальше от посторонних глаз, и расправляться с ними уже там. Тимошенко командовать ТуркВО уже уехал. Следующий на очереди Клоун, которого тоже было бы неплохо запихнуть куда-нибудь поглубже. И повод для этого есть. По вине командования Юго-Западного и Южного фронтов под Уманью в окружение попали 6-я и 12-я советские армии, а также 2-й механизированный корпус. Сто десять тысяч пленных и двадцать тысяч погибших. Избежать окружения или суметь выйти из него сумели максимум пятнадцать тысяч бойцов и командиров. В итоге между Юго-Западным и Южным фронтами образовался разрыв фактически от Киева и до Николаева, сейчас экстренно латаемый за счет подтягиваемых из глубины недавно сформированных дивизий и остатков войск внутренних округов.

В первую очередь за такой исход следует дать по шапке Тюленеву и Кирпоносу — за то, что не смогли решить, в какую сторону лучше отступать советским армиям, оказавшимся под угрозой окружения, а в итоге полностью утратили управление войсками и контроль за ситуацией. Но это не к спеху, потому что если Тюленева можно заменить Малиновским, то адекватной замены Кирпоносу пока не просматривается. Менять Жукова на Рокоссовского на Брянском фронте можно будет не раньше, чем полностью завершится Смоленская операция.

Но в любом случае стоит вызвать к себе Никитку и спросить: «А ты куда смотрел, паскуда?» — и мордой, мордой по столу. Без этого мотивировать понижение никак не получится. Но никаких шпионских скандалов и измен. Дело должно быть представлено так, что вся эта трагедия случилась исключительно по глупости и недалекости ума. Только таким образом можно будет снять Никитку только с должности Члена Военного Совета Юго-Западного фронта. Ведь Киев все еще в наших руках, и отдавать его немцам на этот раз мы не собираемся, а значит, снять Клоуна с должности первого секретаря КПУ так просто не получится. А может быть, и в самом деле попросить Лаврентия организовать Никитке сердечный приступ, авиакатастрофу или пулю немецкого снайпера во время выезда на фронт, после чего чин по чину упокоить это дело на дне самых тайных архивов? Нет человека — нет проблемы. Можно, конечно,

обратиться и к потомкам, но это только в крайнем случае. Слушkom уж они щепетильные, привыкли делать политику в белых перчатках, так что такой просьбы могут и не понять, а у Лаврентия к Никитке есть свой личный мотив.

Что касается остальной кофлы, то всех можно распахать туда, куда Макар телят не гонял. Того же Климa, бесполезного на фронте, послать нашим представителем к китайским коммунистам, пусть там проследит, чтобы товарищ Мао так и не стал главным в Китае; Маленкова отправить в Казахскую ССР, пусть поднимает сельское хозяйство; а Кагановича специальным представителем советского правительства в США, агитировать за советско-американскую дружбу. И, самое главное, готовить кооптацию в ЦК — надежных молодых товарищей, которые не изменят ни при каких условиях и будут работать не за страх, а за совесть. Ведь, в конце концов, будущее СССР — это самый важный вопрос, прямо вытекающий из исхода войны, но не зависящий от него на все сто процентов. Ведь мир можно полностью просрать уже после блистательной победы, при этом бесполезными окажутся миллионы бойцов и командиров, тысячи танков и самолетов и десятки тысяч артиллерийских орудий. У потомков уже такое было, и не зря же они говорят, что рыба гниет с головы. Кстати, судя по словам Климa, Хрущев сейчас в Москве. А раз он в Москве, то исключительно для того, чтобы готовить вместе со своими поделщиками заговор. Вследствие этого и дело с ним должно быть сделано без промедления. Надо только позвонить Лаврентию и сказать, что планы меняются, и песенка Клоуна спета.

27 августа 1941 года, 05:30. Окрестности Могилева, населенный пункт Мостки, передовая часть передислоцирующейся к Гомелю 3-й танцergруппы генерала Гота.

Только-только брезжит на востоке полоска зари. Спят еще города и села к востоку от линии фронта, спят люди на оккупированной территории, спят на своих аэродромах эксперты люфтваффе...

Однако не спят солдаты и офицеры германской третьей танковой группы, в настоящий момент экстренно перебрасываемой в район Гомеля. Предпочитая совершать танковые марши по холодку, генерал Гот поднял своих мальчиков задолго до рассвета, чтобы, выступив с первыми лучами солнца, они уже к полудню, когда начинается настоящая жара, смогли закончить свой суточный марш в сто двадцать километров — ведь именно столько могли пройти на одной заправке при движении по плохим русским дорогам новейшие танцы T-1V.

Иначе при движении в самое жаркое время в радиаторах танковых

двигателей просто закипает вода, к тому же после каждого такого марша механикам-водителям панцеров и водителям грузовиков требуется с особым тщанием чистить воздушные фильтры от набившейся пыли. Эти «четверки», из-за которых танковая группа генерала Гота двигалась так медленно, представляли собой ее основную ударную силу, потому что больше половины состава ее танковых полков составляли слабо вооруженные и плохо бронированные чешские танки 1_Т-38.

Даже сами немцы признавали, что это убогое изделие чешского панцерпрома на Восточном фронте годилось к применению только там, где не ожидалась встреча с новыми русскими танками Т-34 и КВ. А если по-хорошему, то применять их было желательно только там, где основным противником немецких танкистов мог стать только русский Иван с трехлинейной винтовкой, ибо этому недопанцеру была страшна даже русская «сорокопятка» с ее бракованными бронебойными снарядами.

По словам знаменитого немецкого танкиста Отто Кариуса:

«Мы проклинали хрупкую и невязкую чешскую сталь, которая не стала препятствием для русской противотанковой 45-мм пушки. Обломки наших собственных броневых листов и крепежные болты нанесли больше повреждений, чем осколки и сам снаряд.»

Одним словом, то, что третью танковую группу, в которой нормальных «четверок» едва хватало на комплектование одного танкового полка, бросили под Гомель против ударной группировки «марсиан», говорило только о той глубине отчаяния, в которую впало немецкое командование после окружения основных сил 2-й армии. А быть может, причина такого решения немецких генералов в том, что в состав третьей танковой группы помимо танков входили моторизованные пехотные полки общей численностью в семьдесят тысяч солдат и офицеров, которых можно было быстро перебросить по рокадной дороге Невель-Орша-Могилев-Гомель для затыкания дыры, зияющей в германском фронте.

Но даже двойная колонна (когда движение по шоссе идет по обеим сторонам в одном направлении) растягивалась на марше на семьдесят-восемьдесят километров. То есть головные подразделения 12-й танковой дивизии 57-го моторизованного корпуса уже подходили к Могилеву, а замыкающие части 20-й моторизованной дивизии, 39-го моторизованного корпуса были еще за Оршей. Уже несколько раз (правда, пока без особого эффекта) колонны танков и грузовиков бомбила советская авиация. Устаревшие советские бомбардировщики с большой высоты сбрасывали на колонны пятидесяти- и стокилограммовые фугасные бомбы, а потом торопились удрать, пока их не перехватили «эксперты» люфтваффе.

При этом основной целью советских бомбардировщиков являлись почти неуязвимые для бомбового удара танцеры, для своего поражения требующие прямых попаданий, а не гораздо более легкая цель в виде колонн грузовиков моторизованной пехоты и артиллерийских тягачей. Такова была установка советского командования, не понимавшего, что танки без мотопехоты, артиллерии и колонн снабжения теряют значительную часть своей пробивной мощи и с упорством, достойным лучшего применения, колотило полками дальнебомбардировочной авиации именно по танковым

Но генерал Гот думал сейчас не о сталинских соколах, время от времени высыпавших бомбовый груз на колонны его танцеров. Потери от этих налетов были весьма терпимыми, а «эксперты» люфтваффе брали свою дань кровью с дерзких Иванов. Он с тревогой думал о том, что это сейчас его Третья Танцегруппа является грозной силой, способной сокрушить любую большевистскую оборону, но никто не знает, что с ней станет в тот момент, когда она войдет в зону ответственности «марсиан», уже доказавших, что они могут терзать насмерть и более мощные моторизованные соединения. У Гудериана во Второй Танцегруппе в составе трех (а не двух, как у него, Гота) моторизованных корпусов нет ни одного чешского танка, а одни только крепколобые и надежные германские «тройки» и «четверки», а все равно при столкновении с «марсианами» один моторизованный корпус был почти полностью уничтожен, а два других понесли тяжелые потери, не выполнив поставленной задачи.

Но в любом случае, следуя поступившему от верховного командования приказу, Третья Танцегруппа с рассветом построится в колонны и двинется дальше на юг, навстречу громящей огнем Сцилле и Харибде фронта под Гомелем и своей неминуемой смертной судьбе.

27 августа 1941 года, 05:35. Брянская область, Унечский район, полевой аэродром окрестности поселка Красновичи, 266-й ШАП ВКС РФ.

Еще в этот ранний час не спят пилоты и технические специалисты 266-го штурмового авиаполка воздушно-космических сил Российской Федерации. Этот полк был переброшен в Брянскую область из-под Читы всего два дня назад, а вчера вечером пилоты, технические специалисты и материальная часть были введены в сорок первый год и дислоцированы на припортомальном полевом аэродроме. К тому моменту аэродром у Красновичей был оборудован ВПП с временным сетчатым покрытием и кроме 266-го ШАП на нем базировались эскадрилья штурмовиков из Липецкого центра боевого применения, а также несколько эскадрилий

ударных и транспортных вертолетов.

Итак, только вчера российские штурмовики прибыли на прифронтовой аэродром Великой Отечественной, а уже сегодня утром им предстояло первое боевое крещение. Главной целью запланированного штурмового авиаудара должны были стать колонны танков, артиллерии и мотопехоты той самой Третьей Панцергруппы генерала Гота. В первую очередь командующий экспедиционной группы российских войск поставил штурмовикам задачу уничтожать не танки, а именно живую силу противника и средства ее доставки (грузовики).

Две российские дивизии, уже находящиеся в районе Гомеля, с легкостью перестреляют все «ролики» Гота, так что тот и икнуть не успеет. Проверено в бою с ворвавшейся в 2018 год 3-й танковой дивизией. Немецкая артиллерия, уступающая российской в дальности (почти в два раза) и в средствах артиллерийской разведки, при серьезном подходе к контрбатареинной борьбе тоже не представляет большой угрозы. Проверено при обороне Суражского направления 144-й мед. Там немецкие артиллеристы стараются без нужды лишний раз рот не открывать, ибо знают, что ответ будет почти мгновенный, весомый и прилетит с недостижимого для них расстояния. А вот немецкая мотопехота — это совсем другое дело, даже при отсутствии танков и артиллерийской поддержки немецкие солдаты сорок первого года дерутся упорно, до полного истребления, а потому хоронить их желательно подальше от фронта.

Именно поэтому под пилоны «сушек» 266-го ШАПа подвесили блоки НАР с ракетами С-8, по сто шестьдесят реактивных снарядов на машину — каждый штурмовик, как летающая батарея капитана Флерова; а штурмовики эскадрильи Липецкого центра боевого применения оснастили стрелково-пушечными контейнерами, частью с двуствольными пушками ГШ-23, частью со скорострельными пулеметами крупного и винтовочного калибра. Привет немецким зольдатенам, которые сегодня попадут под этот бодрящий свинцовый душ.

И вот первый луч солнца брызнул из-за горизонта, окрасив все вокруг в алые тона, такие же, как и на вновь врученном полку перед прибытием в сорок первый год боевом красном знамени 266-го Краснознаменного авиационного истребительного полка. Командир полка, гвардии подполковник Андреев, зачитал своим подчиненным боевой приказ на первый боевой вылет. Прозвучала команда «по местам», пилоты во главе со своим командиром разбежались по своим машинам, раздался оглушительный свист турбин — и вот ровно в шесть утра по Москве

первые штурмовики пошли на взлет под лучами восходящего на востоке солнца. А от аэродрома в Красновичах до точки перехвата головной колонны разведбата 12-й танковой дивизии всего сто семьдесят три километра или четверть часа лета штурмовику Су-25 на крейсерской скорости в семьсот пятьдесят километров. При этом за этой боевой машиной будет не в состоянии угнаться ни один немецкий истребитель, ибо максимальная скорость сто девярых мессершмидтов на двести километров в час меньше.

Построившись в ударную формацию, ушла к цели первая эскадрилья 266-го полка. За ней пошла на взлет вторая эскадрилья, а уже за ней готовилась к вылету эскадрилья из Липецкого центра, готовая причесать свинцовым ливнем то, что останется после первого удара НАРами, от следующих на грузовиках двух моторизованных стрелковых полков вермахта, назначенных целью первого удара. Эти немцы только что сожрали свой плотный завтрак из вареного картофеля с мясом, сложили остаток в котелки и, сыгго рыгнув, расселись по машинам, которые при первых лучах солнца тронулись в путь. Они еще дышали, пердели, дожевывали свой хлеб со свиным смальцем, жаловались приятелям на «колотье в боку» от тяжелой жирной пищи — и при этом большая их часть должна была умереть в течение нескольких ближайших минут. Так уж получилось, что именно после этого первого для себя налета Су-25 заработал у немецких солдат «почетное» прозвище "Адский Потрошитель" (НоИе Иррег), с которым и проходил весь остаток войны до самой Победы. Но давайте по порядку.

Стремителен бреющий полет краснозвездных бронированных штурмовиков, маршрут которых проложен над лесисто-болотистой местностью с редкими деревеньками, в которые, наверное, никогда не заглядывали даже монгольские баскаки. И лишь только седой дед, казалось, помнящий еще княгиню Ольгу и князя Игоря Старого, проводит взглядом промелькнувшие над головой боевые машины, и, перекрестившись, от греха подальше, скроется во вросшей в землю по самую крышу древней хате.

На немецкую почти бесконечную колонну, где минимальный интервал отделял одну часть от другой, развернувшиеся строем фронта «сушки» вышли ровнехонько со стороны восходящего солнца. Мгновение — и из-под крыльев штурмовиков, оставляя за собой дымные следы, брызнули вперед к дороге первые НАРы. Еще несколько мгновений, которые потребовались первым ракетам, чтобы преодолеть два километра — и на дороге и вокруг нее воцаряется огненная сарабанда разрывов. Часть ракет

имеет боевые части фугасного действия, снаряженные объемно-детонирующей смесью, часть несут в себе каждая по две тысячи оперенных игл из сверхтвердого пластика, не обнаруживаемого радаром, ой, простите, рентгеном. Но в данном случае это без разницы. Привет немецким хирургам, которые, как и в девятнадцатом веке, будут ковыряться в тушках немецких солдат и офицеров, на ощупь пытаясь извлечь проникшие туда русские гостинцы. Это, разумеется, в том случае, если данный военный вермахта налет переживет и попадет на операционный стол к хирургу, а не к прозектору, который будет потрошить уже мертвое мясо.

Выпустив примерно половину ракет и не входя в зону действия немецких двухсантиметровых автоматических зениток, штурмовики заложили крутой левый разворот, который выведет их на рубеж следующей атаки. В это время правее (севернее) этого места, на только начавшие останавливаться автомашины вышла в атаку вторая эскадрилья, отработавшая НАРами по противнику, который уже понял, что его убивают, но еще не начал сопротивляться... Тем временем первая эскадрилья закончила разворот и обрушилась на следующий (еще более северный) участок дороги, где немецкие зольдатены (как тараканы, разбегающиеся из-под тапка) уже прыгивали с остановившихся машин и стремились залечь в любом удобном месте. Вон там было первое сопротивление; правда, давший короткую пристрелочную очередь флакк почти сразу же попал под накрытие, заткнулся и больше никак себя не проявлял.

Потом во вторую атаку дошла вторая эскадрилья и тоже чего-то там погрозила — скорее, остановившиеся на шоссе грузовики, чем попрятавшуюся по кюветам и канавам вражескую живую силу. Правда, раненых в этом случае все же было немало, и раненых в такое место, которое при попытке укрыться в неглубокой канаве хочешь не хочешь останется торчать над поверхностью. Я, если что, не про голову. Она у немецких солдат сплошная кость, как бильярдный шар, и к тому же в каске, а потому пластиковыми иглами и мелкими осколками не пробивается. Я про альтернативную часть тела, расположенную на противоположном конце туловища. И вроде ранение совершенно нетяжелое, а вот сесть немецкому солдату, пока не заживет вообще невозможно — если только вообще заживет...

И в довершении сей концертной программы уже вдоль дороги промчалась эскадрилья из Липецкого центра и причесала все, что уцелело и всех, кто выжил из стрелково-пушечных подкрыльевых установок. После этого российские штурмовики улетели, но обещали вернуться, потому что

очень короткое подлетное время позволяло им сделать еще несколько подходов к растянувшейся вдоль дороги бесконечной колбасе под названием Третья Танковая Группа.

27 августа 1941 года, 11:30. Окрестности Могилева, населенный пункт Мирный, командующий Третьей танцергруппой генерал Герман Гот.

«Потрошители» «марсиан» возвращались к колоннам Третьей танковой группы еще не раз и не два, каждый раз оставляя за собой горы трупов и десятки единиц сгоревшей и подбитой техники. Генерал Гот лично насчитал пять налетов с интервалом примерно час с четвертью. При этом они, за редким исключением, не трогали колонны танцеров и броневицков, а все свое злобное внимание обрацали исключительно на грузовики, перевозящие пехоту и припасы третьей танковой группы. И вот теперь примерно десять-пятнадцать километров дороги, заставленные сгоревшими и разбитыми грузовиками и усыпанные телами погибших немецких солдат, стали неодолимым препятствием. Южнее этого места пока сумели прорваться только разведбат 12-й танковой дивизии, отдельные подразделения 29-го танцерполка и одна батарея 105-мм гаубиц 2-го моторизованного артполка, а все остальные остались здесь, на этом смертном куске дороги, где горелое железо перемешано с человеческими останками, а небо затянуто черным коптящим дымом от горящих грузовиков и тягачей. К настоящему моменту потери 57-го моторизованного корпуса в живой силе составили до трех тысяч человек убитыми, в основном за счет первых налетов, когда «Потрошителям» удавалось застичь немецкую пехоту в кузовах грузовиков, и почти десяти тысяч ранеными. Потеряны около четырех сотен грузовиков, подбиты и получили повреждения сто сорок восемь танцеров. Да, «марсиане» нарушили свое правило и атаковали колонну техники 27-го танцерполка. Скорее всего, это было сделано для создания еще большего хаоса и заторов на дороге, ведь одно дело растаскивать преградившие путь сгоревшие грузовики, а совсем другое — когда дорога запружена подбитыми танцерами. При этом еще дополнительно разбиты и получили повреждения одиннадцать гаубиц калибра сто пять миллиметров и двенадцать полугусеничных тягачей. Танковая группа еще не вступила в сражение, а ее состав уже уменьшился почти на целую танцердивизию.

В результате уже после четвертого по счету налета генерал Гот отдал подчиненным ему частям и соединениям приказ прекратить марш и укрыться в ближайших лесных массивах. После этого он, позвонив командующему второго воздушного флота фельдмаршалу авиации

Кессельгингу, от души выматерил коллегу из люфтваффе и потребовал от него нормального истребительного прикрытия, а иначе он будет жаловаться в ОКХ, штаб-квартиру фюрера, да самому Господу Богу.

— Последнее скорее всего... — буркнул Кессельринг, вешая трубку.

«Эксперты» люфтваффе все-таки прилетели, успев к шапочному разбору в конце пятого налета, и тут выяснилось, что по прямой «Потрошитель» уходит от «Фридриха», делая ручкой как от стоячего. Более того, «Фридрих» не может догнать его даже на пикировании в своей коронной атаке сверху-сзади, а от идеи атаковать со стороны передней полусферы асы люфтваффе отказались после первой же попытки. Затея была самоубийственной, потому что «Потрошители», оказавшись с «экспертами» на встречном курсе, тут же начали запускать самонаводящиеся противосамолетные ракеты, уйти от которых оказалось практически невозможно. Гибель целого истребительного звена послужила уроком всем остальным, и больше немецкие летчики никогда так не делали. Дальнейшие их действия напоминали договорной матч, когда «Потрошители» почти беспрепятственно осуществляли штурмовку, а люфтваффе только имитировало бурную деятельность по их перехвату и преследованию.

В результате переброски Третьей Танковой Группы к Гомелю была фактически сорвана, уцелевшие части и соединения отстаивались в лесах севернее Могилева. Возобновить движение в таких условиях генерал Гот планировал не раньше, чем с наступлением темноты, с горечью отметив, что настало время, когда уже немецким войскам требуется прятаться по лесам от вражеской авиации.

27 августа 1941 года. 15:35. Брянская область, райцентр Сураж.

Патриотическая журналистка Марина Андреевна Максимова, внештатный корреспондент «Красной Звезды».

Ура! К нам приехал сам Константин Симонов и меня закрепили за ним кем-то вроде гида. Между прочим, для того, чтобы Симонов смог побывать в нашей экспедиционной группе войск, его сначала подводной лодкой вывезли из осажденной Одессы в Севастополь, откуда уже на самолете с несколькими посадками доставили в Брянск, и уже из Брянска на машине к нам.

Я с негодованием подумала: «Такой человек несколько часов трясся по местным дорогам в тесной и неудобной «эмке» только потому, что никто не догадался дать его борту посадку в Красновичах. Идиоты — и только!»

И лишь полчаса спустя после приезда Симонова из розданных на брифинге дневных «информашек» я узнала, что сегодняшним утром

Красновичи не принимали никаких посторонних бортов, потому что с рассвета и до полудня базирующиеся там штурмовики наносили удары по перемещающимся по рокадным дорогам гитлеровским танкам и мотопехоте. Константин Симонов тоже присутствовал на этом брифинге. Я видела, как он, не веря своим глазам, вертел в руках выданную ему «информашку» с кратким перечнем за истекшие сутки всех мало-мальски заметных боестолкновений, авиа, ракетных и артиллерийских ударов, а также прочих событий, вроде захвата разведывательно-диверсионной группы из полка Бранденбург-800. И я видела, что для него все это крайне дико и невероятно.

Местные генералы в своем большинстве не только линию фронта, но и свою задницу двумя руками найти не могут, генерал Жуков — это редкое исключение; какие уж там офицеры, то есть командиры, по связям с прессой. Вот и работает пропагандистская машина только за счет таких энтузиастов, как Симонов, который сам лезет в пекло и привозит оттуда репортажи, которые потом потрясают мир. А ведь он может, и еще как может; и, наверное, потому к нам прислали именно его, а не кого-то другого. А то местные бойцы идеологического фронта, мягко выражаясь, не впечатляют. В Гражданскую комиссары, небось, поинтересней встречались.

Кстати, сам Симонов сказал, что он отнюдь не в обиде за ту поездку на «эмке», ведь ехать им с фотокорреспондентом Трошкиным пришлось через Почеп и Мглин, а там повсюду следы жизнедеятельности нашей армии в виде разбитой и сгоревшей немецкой техники, а местные жители, только ты их спроси, наперебой начинают рассказывать, «как все было». Врут, конечно, больше половины, но без этого на войне никуда. Таким образом, впечатлений у Симонова даже по дороге к нам было выше крыши, а тут еще этот брифинг и «информашка».

Кстати, нам без таких брифингов и раздаваемых на них «информашек» вообще никуда.

Маленькую заметку для газеты можно написать только на основании предоставленной краткой информации, а вот для более-менее серьезной работы, да еще и для телеканала, выезд на место обязателен, но для этого надо знать, куда выезжать и кого опрашивать. Но везде и всюду не успеть, поэтому сразу после брифинга все «свои» собираются в кучу и распределяют, кто куда поедет. Естественно, что Константина Михайловича тут же записали в почетные «свои» и включили в наш тесный круг, попросив меня взять над человеком шефство, пока тот не освоится в нашей среде. Это значит, что два-три дня мы с его фотокорреспондентом должны

были вместе ездить по одному маршруту.

Естественно, что товарищу Симонову и, соответственно, моей группе отдали самое «вкусное» — то есть поездку на аэродром в Красновичах и разговор с нашими летчиками-штурмовиками, которые с утра третировали немецкую третью танковую группу. В конце брифинга нам, кстати, на большой плазменной настенной панели продемонстрировали несколько отрывков записей с нашлемных камер наших пилотов, атаковавших немецкие колонны. Симонов с большим удовольствием наблюдал за тем, как к немецким танкам и грузовикам тянутся длинные белые следы авиационных ракет, как сраженные осколками падают на землю только успевшие выпрыгнуть из кузовов немецкие солдаты, как вспыхивают объятые пламенем грузовики и как черный дым от горящих машин траурной пеленой затягивает небо. Можно сказать, что это траур по вермахту, который сейчас жрет то, чем раньше щедро кормил других. На некоторых кадрах было видно, что черный дым от большого количества горящих машин заметен с расстояния в несколько десятков километров.

Одним словом, сразу после брифинга мы всей компанией, состоящей из водителя Василия Жилковича, Константина Симонова, фотокорреспондента Павла Трошкина, меня, любимой, нашего оператора Сергея Дьяченко и его помощника Дмитрия Корнеева загрузились в УАЗ и выехали в Красновичи. Как говорится — в тесноте, но не в обиде, тем более что и теснота тоже была относительной, ибо эта модель внедорожника вмещала до семи человек включительно вместе с водителем, ну а нас было только шестеро. Да ехать здесь минут двадцать, не больше, причем, считай, в самой защищенной части территории, но все равно наш водитель в багажнике возит ПЗРК, а в специальных креплениях на дверце маленький такой складной автомат Калашникова. Василий считает, что лучше перебдеть чем недобдеть, а еще мечтает сбить этой старенькой «Иглой» мессершмитт. Может, у него что-нибудь и получится, потому что в последнее время немецкие летчики когда видят, что по ним пустили ракету, то тут же стараются выпрыгнуть с парашютом. И неважно, попадет в него ракета или нет, но неуправляемый самолет все равно расшибется вдребезги.

Пока мы ехали, я, полуобернувшись, рассказала Симонову и Трошкину историю нашего водителя, который в нашем времени служил сержантом полиции (я говорила милиции) в тех самых Красновичах. Одним словом, он и его начальник были первыми, кто встретил немцев на нашей земле, но так уж получилось, что при первой же встрече с немцами Васю ранило в плечо и дальше с фашистами до полной их ликвидации в нашем времени воевал его начальник. И хоть ранение было очень легким, пуля не задела

ничего важного, в военкомате Василия завернули «до полного выздоровления» и вообще сказали, что дополнительные штаты экспедиционного корпуса по ВУСу мотострелок уже укомплектованы. При этом на службе посоветовали не дергаться и выполнять свои обязанности, ибо и в охране правопорядка работы хоть отбавляй. Тогда Василий взял отпуск для поправки здоровья и через меня (каюсь, брала у него интервью) устроился работать в нашу группу водителем. Такая вот история с почти счастливым концом. Почти — это потому что Василий хотел все же на фронт, а не водителем в нашу группу.

Выслушав этот рассказ, Симонов и Трошкин с одобрением посмотрели на нашего водителя. Впрочем, для СССР, наверное, такие истории были совсем не удивительными, поэтому большого ажиотажа мой рассказ не вызвал. Впрочем, к тому времени, как я закончила говорить, мы уже подъехали к аэродрому, и, может быть, причина достаточно низкого интереса к истории нашего водителя как раз в этом.

На аэродроме я, вся из себя решительная и пробивная, первым делом нашла командира штурмового полка, о котором нам предстояло снимать сюжет — подполковника Андреева и представилась ему как корреспондент «Красной Звезды». В ответ тот, вусмерть замотанный сегодняшним днем, доверху заполненным боевой работой, со всей решительностью послал корреспондентку Максимову, сказав, что два часа назад его парни вернулись из крайнего^[9] боевого вылета, час назад пообедали, после чего получили команду «отбой до двадцати ноль-ноль», ибо вечером-ночью, когда немцы, решившие что «уже можно», снова выйдут на большую дорогу, им всем предстоит вторая часть большого марлезонского балета. Да и ему самому тоже не мешало бы как следует поспать.

В ответ корреспондентка Максимова разъяренной коброй прошипела подполковнику Андрееву, чтобы тот не хамил девушке и не позорил доблестных Российских ВКС, особенно в тот момент, когда на него смотрит сам Константин Симонов, да не наш, из Газпрома (есть такой персонаж), а самый настоящий, из сорок первого года, писатель, поэт и журналист...

— Симонов? — только и спросил подполковник, разом забывший о своем желании спать. — Где?

— А вон тот, — говорю я, — молодой и чернявый, который так смешно кагтавит. Да вы не сомневайтесь, товарищ подполковник, просто ему сейчас нет еще и двадцати шести лет и он еще в самом начале своей карьеры.

— Это ты, Максимова, в начале своей карьеры, — подколот меня подполковник сменивший гнев на милость, — а Симонов — это цельная

глыба таланта. Если он о нас напишет, то мы тебя до конца жизни коньяком поить будем.

— До конца чьей жизни, товарищ подполковник, моей, или вашей? — с ехидцей спросила я и махнула рукой, — Константин Михайлович, идите, пожалуйста, сюда, товарищ подполковник согласен дать вам интервью...

М-да, надо было видеть то, как подполковник Андреев в течение почти полутора часов давал интервью Константину Симонову, рассказывая и показывая все перипетии утренних ударов по моторизованным колоннам немецко-фашистских захватчиков. А наш оператор в это время снимал свой фильм «визит Константина Симонова в Н-ский штурмовой авиаполк ВКС в составе экспедиционной группы войск». Зрителям должно понравиться. Кстати, в процессе этого действия нас покормили обедом, позволили поближе подойти к накрытым масксетями капонирам со стоящими в них «сушками», которые сейчас были буквально облеплены людьми в синих комбинезонах техников.

— Товарищ подполковник, — вдруг спросил фотокорреспондент Павел Трошкин, — скажите, что тут можно фотографировать, а что нет?

— В принципе, — ответил командир полка, — в нашем времени внешний вид этих самолетов уже давно не секретный, все секретное оборудование находится внутри. У вас здесь после сегодняшнего утра о секретности внешнего облика этих штурмовиков тоже говорить не стоит. Наши машины могли неплохо разглядеть немецкие солдаты, разумеется, те кому повезло выжить, и «эксперты» люфтваффе, которые не могли догнать наши «сушки» даже в пикировании. Они же не знают, что наша крейсерская скорость на пятьдесят километров в час больше, чем рекордная скорость их специально переоборудованного мессершмитта, с которого ради постановки этого рекорда было снято вооружение и радиатор.

— А почему радиатор? — грассируя спросил Константин Симонов. — Ведь тогда мотор быстро перегреется и заглохнет.

— А это такая арийская хитрость, — ответил подполковник Андреев, — радиатор создает достаточно большое сопротивление воздушному потоку и если его снять, можно получить дополнительно двадцать-тридцать километров скорости. А чтобы мотор не перегревался, они один из двух крыльевых баков заправили водой, которую напрямую направляли на охлаждение мотора с последующим выбросом в атмосферу. На двадцать минут полета хватит и ладно, это же не боевой самолет, а рекордный. Но зато Геббельс на весь мир во всеуслышание заявил, что немецкий истребитель самый быстрый в мире.

— Интересно, — хмыкнул Симонов, — век живи, век учись. Ну ладно, товарищ подполковник, спасибо вам за вкусный обед и интересный рассказ, но нам пора...

— Товарищ Симонов, — вдруг официально сказал подполковник Андреев, — официально приглашаю вас приехать к нам в полк сегодня вечером и обещаю лично свозить вас на охоту за фашистами во второй кабине «спарки». Поверьте мне, вы получите незабываемые впечатления, которых хватит на всю жизнь. Да и наши парни, тоже, наверное, хотели бы с вами поговорить, а будить их сейчас нельзя. Предстоит большая ночная работа. Будем низводить и курощать зазнавшихся выше всякой меры арийских юберменшей.

— Я думаю, — сказал Симонов, переглянувшись с фотокорреспондентом, — что обязательно приеду. От такого предложения очень трудно отказаться. Всю жизнь мечтал посмотреть, как это бывает, когда низводят и курощают.

27 августа 1941 года, 23:15. Брянская область, Унечский район, полевой аэродром окрестности поселка Красновичи, 266-й ШАП ВКС РФ.

Поэт, писатель и журналист Константин Михайлович Симонов.

Героический сержант Василий, который не мьггьем, так катанием все же пробился поближе к фронту (я о нем еще напишу) привез нас с Павлом в штурмовой полк потомков в тот момент, когда на западе раскаленный шар солнца уже закатывался за горизонт. Едва мы вышли из машины, как сразу попали с корабля на бал. Подготовка полка к ночной боевой работе была в самом разгаре, но и наше прибытие тоже не осталось незамеченным. Подполковник Андреев тут же появился как чертик из табакерки и объявил, что для обещанного им полета на боевое задание все готово, и теперь дело только за мной.

Оказалось, что перед тем, как сесть в кабину реактивного самолета, необходимо надеть на себя противоперегрузочный костюм, чтобы при резких маневрах отлившая от головы кровь не приводила к потере сознания. Страшновато было узнать, что во время особо резких эволюций самолета мое тело может весить до шести половиной раз больше, чем обычно, и противоперегрузочный костюм, создавая давление на нижнюю половину тела, препятствует отливу крови от головного мозга. Ну что же, надо так надо, тем более что надели и подогнали его на меня достаточно быстро. В последнюю очередь на меня надели белый защитный шлем, в лобной части которого на шарнире был закреплен прибор, похожий на небольшой бинокль, в нерабочем положении откинутый наверх. Оказалось,

что это так называемые панорамные очки ночного видения, позволяющие пилотам их самолетов и вертолетов видеть в ночной темноте почти как днем.

И вот, немного неуклюже из-за непривычного и сковывающего движения костюма, по приставной лестнице я поднимаюсь в заднюю кабину штурмовика и усаживаюсь в глубокое кресло с подголовником, стараясь ничего не трогать руками. Следом заглядывает техник — он пристегивает меня к креслу ремнями и соединяет штекера самолетного переговорного устройства, питания очков ночного видения и переходник пневматики противоперегрузочного костюма. Убедившись, что все в порядке, техник желает мне успеха и закрывает заднюю часть фонаря кабины.

Пока на своем месте устраивается подполковник Андреев, при тусклом дежурном освещении осматриваюсь в кабине. И тут у потомков тоже не все как у людей. Во-первых — циферблаты приборов и какие-то регулирующие ручки, рычажки и переключатели расположены не только на передней панели, но и на бортах по обеим сторонам пилотского места. Во-вторых — самое заметное место на передней панели занимают два больших экрана, симметрично расположенных с правого и левого края. Если на левой панели выведены изображения самых главных приборов, которые имеются и на наших самолетах: спидометра, высотомера, указателя крена и авиагоризонта, то правую панель занимает очень четко изображенная рельефная карта с отметкой положения самолета, указателя направления на цель и многими другими вещами, так милыми сердцу военного летчика. Но вот включается внутреннее переговорное устройство и после небольшого прокашливания меня приветствует подполковник Андреев:

— Ну что, Константин Михайлович, освоились?

— Осваиваюсь, товарищ подполковник, — ответил я, — пока все, что я вижу, выглядит чистойшей фантастикой.

— Фантастика у нас на втором этаже, — непонятно хмыкнул подполковник Андреев, — а сейчас приготовьтесь, мы запускаемся.

И в этот момент подо мной и чуть сзади разом завывли одна, потом другая турбины, а на передней панели ожили указатели мощности двигателей. Немного погнав двигатели в капонире, подполковник Андреев отпустил тормоза — и штурмовик выкатился из капонира и по рулежной дорожке с временным металлическим покрытием покатился к началу взлетной полосы. Я посмотрел по сторонам и, насколько смог, назад. Было видно, как вслед за своим командиром и другие штурмовики вырываются

из своих капониров. Перед самым взлетом легкий свист турбин перешел в оглушительный рев, стрелки указателей мощности дрожали где-то посреди красного сектора; и тут подполковник Андреев сказал: «Поехали!» — и отпустил тормоза. В этом все сокрушающем реве штурмовик покатился вперед — сначала медленно, а потом все быстрее и быстрее. Вот тут я почувствовал, что такое настоящая перегрузка — невидимая рука вдавила мою грудь в кресло так, что было не пошевелиться, потом земля провалилась куда-то назад и вниз, после чего давящая на грудь сила ослабла. Мы были в воздухе. Почувствовав, что я снова могу двигаться, я поднял руку и со щелчком опустил на глаза очки ночного видения, превратившие мрак, окружающий самолет, в неяркие зеленоватые сумерки.

Место пилота находилось ниже моего, поэтому я достаточно хорошо мог наблюдать все происходящее как прямо вперед, так и по обоим бортам. Поэтому через четверть часа полета, когда мы подошли к цели, мне было прекрасно видно, как у нас из-под крыльев срываются огненные капли реактивных снарядов, которые слепя глаз ярким выхлопом, уносятся вперед, к дороге, по которой, едва различимые даже в ночные очки, ползут темные силуэты вражеских машин. Едва мы выпустили первые ракеты, как впереди тут же зажглись прожектора, и пока не прицельно, куда-то в нашу сторону потянулись пунктирные нити трассирующих снарядов. Но жить этим немцам, в том числе и зенитчикам, оставалось не больше трех секунд, пока в их направлении мчится неумолимая реактивная смерть. Вот эти секунды истекли — и впереди запылало так, что почти все изображение слилось в одну сплошную ярко-зеленую засветку. Прожектора мгновенно потухли, а зенитки прекратили стрельбу. Первый же залп атакующих штурмовиков потомков принес гитлеровцам сплошное уничтожение.

После первой атаки мы возвращались к дороге еще четыре раза, и каждый раз я с удовлетворением отмечал, что так и надо воевать — разносить врага вдребезги, заставляя выживших бояться любой тени и любого шума, похожего на свист турбин реактивных штурмовиков потомков.

И ведь уму непостижимо — если под наши самолеты подвешивают от шести до восьми реактивных снарядов калибра восемьдесят миллиметров, то штурмовик потомков несет таких снарядов сто шестьдесят штук. Вот и получается, что удар одного самолета равен удару полка, а их полк из трех эскадрилий это чуть ли не воздушная армия. Ну, тем хуже для немцев, сами виноваты, что напали на СССР. Ведь мы уже один раз победили их без помощи потомков, а теперь, значит, как говорил подполковник Андреев, опять победим их нокаут и с особым цинизмом.

28 августа 1941 года, 03:05. Окрестности Могилева, населенный пункт Мирный, командующий Третьей танцергруппой генерал Герман Гот.

Ночь для солдат третьей танцергруппы оказалась страшнее дня. Едва только стемнело, и наши колонны вышли из своих лесных убежищ, в которых они прятались в светлое время суток, как в воздухе снова появились стаи «Потрошителей». Как оказалось, их пилоты ночью могли видеть ничуть не хуже, чем днем. Наши зенитчики, напротив, пока противник не принимался пускать свои ракеты, даже не видели, куда стрелять. Увы, зенитные прожектора не пережили первой же атаки, потому что «Потрошители» охотились за ними с особой настойчивостью. Первое, что сделала их первая волна, это подавила всю нашу зенитную артиллерию и создала на дороге несколько заторов из горящих машин. Одновременно радиоэфир оказался так плотно забит помехами, что управлять движением войск с помощью радиосвязи стало невозможно. Очевидно, что командование «марсиан» поставило перед своими летчиками целенаправленную задачу сорвать переброску моей группы к этому самому Гомелю, и те добивались поставленной цели со всем возможным усердием.

Но и это было еще не все. Горящие автомашины, ночью видные издалека (особенно с большой высоты) привлекали к себе внимание обычных большевистских бомбардировщиков, которые еще совсем недавно не казались нам большой проблемой. Но после того как по нашим колоннам поработали «Потрошители», сделав недееспособной всю зенитную артиллерию и дополнительно подсветив цели, большевистские бомбардировщики получили возможность бомбить наши войска с горизонтального полета в упрощенно-полигонных условиях. Потери были страшные. Дорога, которую нашим солдатам удалось понемногу расчистить в дневное время, снова оказалась забита обгорелыми обломками автомашин и корпусами подбитых и сожженных дотла танцеров. Некоторые подразделения пытались сойти с дорожного полотна, чтобы обойти заторы по целине, но застревали в придорожных канавах, или, уже выйдя в поле, попадали под удары «Потрошителей» и бомбы обычных большевистских самолетов.

Но самое страшное и невероятное случилось севернее Могилева с 25-м танцерполком 7-й танцердивизии 39-го моторизованного корпуса, который в отличие от частей движущегося в авангарде 57-го моторизованного корпуса совершенно не подвергался дневным налетам. Сначала колонну танцеров и автомашин, перевозящих полковое имущество, атаковали несколько «Потрошителей» которые подожгли

несколько танков и создали на узкой лесной дороге два затора — в голове и хвосте полковой колонны, в результате чего из этого аппендикса ходу не было ни туда, ни сюда. Но когда они улетели, оказалось, что еще ничего не кончено. Вслед за ними, как пираньи на запах крови, явились большевистские истребители-бипланы, которые ориентируясь на свет от огня уже горящих танков, принялись запускать по колонне свои реактивные снаряды и обстреливать ее из пулеметов.

Вроде бы все ничего, ведь из пулемета невозможно повредить даже наши самые слабые и устаревшие танцы типа «единичка», а большевистские реактивные снаряды, в отличие от «марсианских», давали очень большой разброс^[10] и фактически не давали прямых попаданий. Но пули, выпущенные из пулеметов (в своем большинстве бронебойно-зажигательные), и осколки реактивных снарядов повреждали канистры, в которых наши танкисты прямо на броне перевозили запасной бензин, который тек на броню танков и вспыхивал от малейшей искры. Будь проклят недостаточный запас хода наших машин, который в опасной прифронтовой зоне не позволяет иметь весь бензин залитым в баки. В первую очередь от того налета пострадали наши самые лучшие танки типа Т-IV (имевшие самую малую дальность хода и потому возившие на броне самый большой запас бензина. При движении по плохим русским дорогам бензин в баки иногда приходилось подливать прямо на переходе, во время коротких получасовых остановок. Если до вражеского авианалета «четверок» в том танкере было тридцать машин (две роты), то после не осталось ни одного годного к маршу и бою танка этого типа. Впрочем, и экипажам остальных танков 25-го танкера тоже пришлось несладко.

Прошли почти сутки, а моя танкергруппа не смогла продвинуться южнее Могилева и на несколько километров, при этом потери за это время составили до половины наличного количества танков и две трети всего грузового автотранспорта. Потери в живой силе после продолжающихся ночных налетов еще не подсчитаны, но уже и без того понятно, что из-за того, что санитары в ночном хаосе не имеют возможности своевременно обнаружить всех раненых, эти потери, особенно безвозвратные, будут очень и очень значительными.

28 августа 1941 года, 13:15. Москва, Кремль, кабинет Верховного Главнокомандующего

Посасывая трубку, Верховный разглядывал доставленные из Красновичей фотографии. Рано утром, едва встало солнце, один из самолетов потомков слетал к месту ночного побоища и все

задокументировал с помощью фото и видеоаппаратуры. К разборам нагромождений сгоревшей техники немцы приступить еще не успели, так что фотографии дорог, запруженных обгоревшими автомобильными остовами и мертвыми бронированными коробками, доставляли вождю чувство глубокого морального удовлетворения и высокого эстетического удовольствия, ведь труп врага не только всегда хорошо пахнет, но еще и красиво выглядит. Особенно если это труп третьей танковой группы, которая уже не раз доставляла РККА множество проблем.

Первые же сутки боевой работы штурмового полка потомков полностью сорвали переброску третьей танковой группы гитлеровцев к Гомелю и нанесли ей тяжелейшие потери, вызвавшие значительное падение ее боеспособности. Нет, с самого начала было понятно, что даже во встречном сражении против двух дивизий из двадцать первого века (одной мотострелковой и одной танковой) третья танковая группа обречена на поражение и разгром. Но теперь, после авиаударов штурмовиков из будущего, ее возможностей не хватило бы и против перешедших к полевой обороне стрелковых дивизий РККА. Слишком большие потери в артиллерии и танках, слишком сильный и внезапный стресс пережили вчерашние победители всей Европы, белокурые бестии и сверхчеловеки — ведь под крыльями неуязвимых штурмовиков из будущего они одновременно превратились в забитые ничтожества.

Нет, если дать немцам время, чтобы оклематься и зализать раны, юберменши снова могут воскреснуть и попереть вперед на восток за рабами и жизненным пространством. Но такого времени Сталин им давать не собирался, фашизм обязательно должен быть разгромлен и уничтожен прямо в собственном логове. Идея восстановить статус-кво, отбросив немцев до госграниц СССР, и заключить там с ними мирный договор — изначально ублюдочная и мертворожденная. Только полная Победа и красное советское знамя над рейхстагом, только полное уничтожение военной и политической машины Третьего рейха, только окончательное осуждение человеконенавистнических идей, от рождения делящих людей по сортам. Иначе все жертвы, победы и помощь потомков будут просто бессмысленны, а зализавшая раны германская военная машина еще раз нападет позже, когда посчитает себя готовой к реваншу. Такого исхода следует избегать любой ценой, это хуже любой холодной войны, поэтому сила ударов будет только нарастать, а конечным рубежом продвижения РККА уже назначено атлантическое побережье континентальной Европы.

Вождь вздохнул и положил погасшую трубку в пепельницу. Конечно, было бы лучше, если бы СССР добился успеха самостоятельно, если бы

созданные перед войной мехкорпуса с легкостью громили врага, а доблестные сталинские соколы вдребезги разгромили люфтваффе, завоевав полное господство в воздухе. Но вождю уже объяснили и даже, более того, показали на наглядных примерах, почему это невозможно и с точки зрения далекой от совершенства техники, и из-за неоптимальной, не до конца отработанной тактики, и из-за человеческого фактора, частично основанного на непрофессионализме командиров, частично на прямом предательстве высшего командного состава.

Кстати, о предательстве. Вон она, на столе — газета «Правда» за сегодняшнее число с некрологом на Никиту Сергеевича Хрущева. Мол, верный сын партии пал смертью храбрых во время выезда на фронт под бомбами немецко-фашистских захватчиков. И нашли в воронке от бомбы только гимнастерку с окровавленным партбилетом. На самом деле Никитка был жив и даже частично здоров, сидел в тайной тюрьме НКВД, жрал улучшающие память и откровенность мозговойные таблетки, из-под которых активно делился со следствием (тоже тайным) особенностями своих прошлых походов, начиная с периода гражданской войны.

Списки всплывших фигурантов вместе с краткими характеристиками (в том числе добытыми в будущем) ежедневно доставлялись в этот кабинет. Потом Вождь брал привезенные из будущего маркеры и подчеркивал. Если синим — то ничего. Если зеленым — то карьера этого человека должна была быть заморожена. Если желтым — то, одним словом как обычно, исключить из партии, снять с работы, отдать под следствие, осудить и расстрелять, только статьи должны быть не политические, а экономические: «хищение в особо крупных размерах» и «халатность в особо крупных размерах», которая в военное время его, Сталина, Указом приравнивалась к хищению. А вот если в ход шел красный маркер, то помеченный им персонаж шел по пути Никитки — то есть прекращал свое существование без суда и следствия по естественным якобы причинам. До сантиментов ли тут, когда спасают страну. Кстати, у красного маркера перед желтым был один неоспоримый плюс в сфере гуманности. Многочисленные родственники фигурантов, подчеркнутых красным, не получали на всю жизнь клеймо ЧСИР и продолжали жить обычной жизнью, всего лишь скорбя по безвременно усопшим.

Но Никитка, как и его подельники-попутчики из недобитых троцкистов и приподнявшейся новой поросли, отнюдь не был той главной головной болью, которая беспокоила сейчас товарища Сталина. Этой линией в настоящий момент занималось ГУГБ НКВД и занималось вполне успешно. Редели ряды предателей, да и просто людей, которые ради своего

благополучия были готовы сдать страну врагу, но оставалась та самая главная проблема, с которой СССР столкнулся 22 июня. Рабоче-крестьянская Красная Армия и такой же Флот оказались не готовы к войне и, неся чудовищные потери, откатывались от пограничных рубежей вглубь страны. Какое уж «малой кровью и на чужой территории»... Кадровые дивизии и корпуса, в том числе и механизированные, дотла сгорали в боях, не в силах не то что разгромить, но даже просто остановить врага. И одной из причин тому было закрепившееся за немцами подавляющее превосходство в воздухе.

Советские ВВС еще на рассвете 22 июня вдвое превосходившие врага, к настоящему моменту были почти полностью разгромлены. Уцелели в основном бомбардировочные дивизии, дислоцированные в глубине страны, но и они из-за отсутствия истребительного прикрытия несут огромные потери. А то как же — за первый день войны советские ВВС потеряли тысячу двести боевых самолетов, четыреста в воздухе и восемьсот на земле. Но если верить книгам потомков (а не верить им у Вождя не было никаких оснований), «уничтоженные» на земле самолеты были просто брошены на аэродромах из-за отсутствия горючего и запчастей и уничтожали их несколько суток спустя уже немецкие танкисты и пехотинцы. Также потомки писали, что германское люфтваффе за 22 июня сего года понесло крупнейшие разовые суточные потери за всю войну, не исключая и самые тяжелые дни битвы за Англию. Пока советские истребители из смешанных авиадивизий дрались в небе над границей, это самое небо для немцев было залито кровью, но потом их отозвали, приказав перелететь на тыловые аэродромы, где для них не было ни запчастей, ни топлива ни боеприпасов, и именно в тот момент люфтваффе получило свободу действий в воздухе, а советским ВВС все надо было начинать заново, да еще прямо во время тяжелейшей войны.

Сталин задумался. Фактически Красную Армию предстояло создавать заново. Стрелковые и кавалерийские дивизии усиливать артиллерией, а также средствами ПВО и ГГГО, и переобучать, а танковые, мотострелковые, и авиационные части создавать с нуля. А то какая может быть боеспособность у танковой дивизии, если новые танки, которые на равных могут драться с немецкими «тройками» и «четверками», составляют меньше четверти всего танкового парка? Если по уму, то пушечные ВТ и Т-26 можно использовать по противнику только из засад, а орлы-командиры, показывая свой героизм, выводят их во встречные атаки. И в результате после пары суток боев дивизия, не выполнив задачу, вынуждена прорываться из окружения из всего списочного состава более

чем в сотню машин, имея на вооружении по три КВ, и по пять тридцатьчетверок — и усе. А немцы задачу выполнили — и прорвались куда надо, и разгромили кого хотели.

И вообще, как говорил товарищ Ленин по похожему поводу, о перевесе качества над количеством — «лучше меньше да лучше». Слушались бы классика и основателя — не сидели бы сейчас в такой глубокой ж..., вынужденно прося помощи у потомков. Что касается танковых войск, то им в настоящий момент необходимо уделить особое внимание. Во-первых — производство легких танков Т-60 и Т-70 — это профанация и самоуспокоение количеством, вместо них на той же базе создавать 76-мм самоходку с орудием ЗИС-3, а также 37-мм зенитную спаренную самоходку для сопровождения тех самых механизированных частей, которым остро не хватает подвижных средств ПВО. Во-вторых — на первом этапе войны основной тактической единицей должна стать танковая бригада. Средняя — укомплектованная танками Т-34 и тяжелая — укомплектованная танками КВ. Также необходимо немедленно дать команду немедленно приступить к проектированию на шасси КВ самоходных орудий с пушками-гаубицами А-19 и МП-20, которые понадобятся при прорыве вражеской долговременной обороны. Ими следует комплектовать артсамоходные полки, которые усилят боевые возможности танковых бригад. Срок исполнения — по танковым бригадам нового облика — конец октября, начало ноября этого года. По артсамоходным полкам — весна следующего года.

С мотострелками все обстояло гораздо тяжелее. Товарищ Сталин понимал, что производить массово свои бронетранспортеры или боевые машины пехоты СССР пока не в состоянии, а американские, если они опять будут предложены по ленд-лизу, более пригодятся в качестве артиллерийских тягачей.

Отсюда вывод: часть пехоты следует посадить на броню, признав очевидное и изменив для этого устав, а вместо другой части придать танкистам кавалерию, которая все же подвижнее пехоты. Что же касается авиации, то ее необходимо создавать заново, опираясь на лучшие, а не на худшие образцы, одновременно убрав ненужные административные препоны с пути действительно успешных конструкторов. Перечень необходимых модернизаций на каждый тип машин уже получен и передан в КБ, теперь осталось дожидаться их внедрения и развертывания массового производства модернизированных самолетов.

И вообще. Самая главная задача на осенне-зимнюю кампанию — это разгромить германскую ударную группировку под Смоленском и не

допустить дальнейшего продвижения германских фашистов вглубь СССР, а также дальнейшего снижения советского промышленного потенциала. Чтобы Ленинград, Харьков, Донбасс, Киев, Одесса (и так далее) ударным трудом крепили обороноспособность СССР, а не оказались бы в блокаде или достались врагу.

Часть 6 «Час Отмщения»

29 августа 1941 года. 13:45. Третий Рейх, Восточная Пруссия, Ставка Гитлера «Вольфшанце».

Известие о воздушных ударах, приведших к срыву переброски третьей танцergруппы в южном направлении и тяжелым потерям входящих в нее частей, привело Гитлера к очередному приступу бешенства. Совсем недавно была трагедия под Коростенем, и вот опять. Его тупоумные генералы (самый тупоумный из них — фельдмаршал Федор фон Бок) в очередной раз не смогли исполнить его гениальный план раздавить «марсиан», используя многократное численное превосходство. Каждая задержка приводила к тому, что и «марсиане» подтягивали к линии фронта из своего мира все больше своих войск, и опомнившийся Сталин гнал к ним на помощь по проходящей вдоль фронта железной дороге одну свою дивизию за другой. Раньше у «марсиан» не было авиации, только винтокрылые каракатицы, которые при всем своем вооружении и маневренности могли действовать только над линией фронта и в ближнем тылу, а вот теперь на фронте отмечено появление большого количества самолетов неизвестного типа с огромным разрушительным потенциалом, принадлежащих явно «марсианам».

Именно эти самолеты, прозванные в вермахте «Адскими Потрошителями», в течение двух суток действуя по колоннам и путям снабжения, нанесли третьей танцergруппе Гота такие серьезные потери, что ее пробивной потенциал оказался почти полностью уничтоженным. Досталось от них и Могилевскому железнодорожному узлу, который оказался полностью разрушен после двух бомбоштурмовых налетов «марсиан» и массовой, в несколько часов, долбежки двухмоторными большевистскими бомбардировщиками, когда одна группа самолетов сменяла другую. Такие наглые бомбежки стали возможны потому, что прикрывающие станцию зенитки были уничтожены налетами «Потрошителей», которые не боялись ни Бога, ни черта, ни зенитного огня, ни прославленных (хвастливых) экспертов люфтваффе.

Досталось и дислоцированному в окрестностях этого русского города штабу группы армий «Центр». Фельдмаршал фон Бок уцелел и даже не был ранен, но потери в штабных офицерах, транспорте и средствах связи были очень значительными. По сути, управление ГА «Центр» как единой структурой было полупарализовано, и каждая армия или танцergруппа

оказывались предоставленными самим себе. При этом надо было учесть, что в ближайшее время в зону ответственности ГА «Центр» собираются войти прибывающая с севера четвертая танцергруппа Гепнера, и передислоцируемые с юга части первой танцергруппы Клейста. И как вы прикажете всем этим управлять, когда «марсиане» господствуют даже в радиоэфире, в самые критические моменты с помощью постановки помех отключая немецким командирам связь, без которой никуда.

Все происходящее на южном фесе Смоленского выступления, у самого его основания, наводило германское командование на весьма мрачные мысли и еще более мрачные выводы из этих мыслей.

— Мой фюрер, — сказал срочно прибывший в ставку фюрера генерал Йодль, — почти со стопроцентной вероятностью «марсиане» и большевики готовят удар под основание Смоленского выступления. Поскольку попытки организации воздушного моста к окруженным южнее Гомеля частям нашей второй армии оказались сорваны, то их сопротивление с каждым днем слабеет из-за того, что в частях подходят к концу боеприпасы, продовольствие и медикаменты. Когда окруженная группировка будет окончательно уничтожена, через некоторое время следует ждать удара по расстроенным боевым порядкам третьей танцергруппы, вразбивку подходящей сейчас к линии фронта под Гомелем. С прискорбием вынужден сообщить, что отразить такой удар будет почти невозможно, и положение, которое сейчас выглядит как тяжелое, станет просто критическим.

— Но почему, почему, мой добрый Альфред, — воскликнул Гитлер, — почему мы терпим поражение там, где раньше у нас были сплошные победы, а сейчас мы терпим одно поражение за другим? Неужели доблести германского солдата, его готовности нести потери и терпеть лишения ради победы, гения германских инженеров и таланта наших генералов недостаточно для того, чтобы одержать окончательную победу над большевиками и их пособниками?

Генерал-лейтенант (и генерал артиллерии) Йодль посмотрел на своего фюрера почти с жалостью. Тот действительно не понимал того, какую борьбу ведет теперь Германия и что эта борьба также безнадежна, как и описанная Гербертом Уэллсом война с вымышленными натуральными марсианами. И нет надежды даже на доблестные бациллы, которые доделают то, чего не мог сделать вермахт, потому что эти «марсиане» — пришельцы из другого времени, а не с другой планеты. Хуже всего то, что, по данным разведки, на тех участках фронта, где большевистские войска действуют заодно с «марсианами», им тоже передается неколебимая уверенность в победе, кураж и, можно сказать, наглость, с которой

«марсиане» проворачивают все свои операции. Впрочем, уже несколько раз было отмечены случаи, когда небольшие подразделения «марсиан», как кастеты в сжатых кулаках, скрывались внутри крупных масс большевистской пехоты. И каждый раз их вмешательство в ход боя неизменно приносило большевикам победу.

Вместо боевых треножников у этих «марсиан» тяжелые пантеры, от толстой брони которых снаряды немецких пушек отскакивают как горох от стенки. Вместо тепловых лучей — насыщенность автоматическим оружием и чудовищная точность артиллерийского, танкового и зенитного огня. Танковые пушки способные за два километра точно положить фугасный снаряд в амбразуру дота или бронебойной болванкой навывлет продырявить башню немецкого танка. Связь, сообщения которой невозможно перехватить и радиоразведка, которая читает все немецкие сообщения, будто они сделаны открытым текстом, иначе никак не объяснить осведомленности «марсиан» обо всех немецких планах.

Не далее сегодня утром радио Коминтерна, а вслед за ними, по поручению «марсиан», шведское радио передали обращение к германскому командованию и немецкому народу, в котором Сталин и Путин, вожди антигитлеровского альянса, предупреждали германское руководство и всю немецкую нацию, что если будут приведены в жизнь людоедские планы верхушки НСДАП и СС по истреблению населения города Коростеня, то на территории Германии будут проведены акции возмездия с кратно большим количеством жертв среди немецкого гражданского населения. Такое же предупреждение через шведский МИД было передано и в посольство Третьего Рейха в Стокгольме. Среди переданных бумаг имелось переведенное на немецкий язык краткое описание результатов применения тех систем вооружений, которые могли быть задействованы в ответном ударе, и примерный расчет количества жертв. Типа — если вы хотите получить тотальную войну на истребление, вы ее получите, но только потом не жалуйтесь, что с вами обошлись негуманно.

Когда об этом ультиматуме доложили Гитлеру, тот, как всегда, пришел в неистовую ярость, рвал и метал, орал на Гиммлера, который не смог сохранить планируемую экзекуцию втайне, но все-таки дал свое согласие на отмену операции. Даже ему было понятно, что «марсиане» не произносят пустых слов и не предъявляют ультиматумов, которые не смогут привести в исполнение. И после всего этого фюрер смеет спрашивать, почему все сложилось именно так, а не иначе? Неизвестное оружие, с помощью которого был полностью разрушен железнодорожный узел Коростеня. Неизвестное оружие, с помощью которого «марсиане»

планировали мстить за население Коростеня. И вот теперь ко всему этому добавились бомбардировщики, которых немецкие истребители не могут даже догнать, а не то что сбить. И что дальше^[11]? Понятно, что в любом случае для вермахта и всего Третьего Рейха ничего хорошего. Драться придется насмерть, и при этом без всякой надежды на победу. А не драться тоже нельзя, ибо в спину дышит тайная военная полиция, которая уничтожит любого, кто проявит малейший намек на слабость. Единственное, что пока спасет Третий рейх, это то, что «марсиан» очень мало и действуют они пока только на одном участке фронта. Правда, очень ответственном и опасном участке, где их действия грозят крахом всей кампании против Советской России.

Отделавшись от Гитлера ничего не значащими словами, Йодль убыл в расположенную неподалеку ставку командования Сухопутных войск, а его место в кабинете Гитлера заняли немецкие авиационные генералы Мильх и Удет, вызванные для разъяснения истории с «Адскими Потрошителями». Им обоим заранее было понятно, что разговор будет нелегким и бесполезным. Покрыть одним рывком в ходе войны почти восемьдесят лет форы германским генералам не представлялось возможным. По донесениям зенитчиков (тоже входили в систему люфтваффе) снаряды двухсантиметровых зенитных пушек были в состоянии только отколупать краску с бортов «Потрошителей» и ничего более. Пушки такого же калибра и пулеметы под винтовочный патрон были установлены и на германские истребители, что делало их совершенно бесполезными в борьбе против авиации «марсиан». Если даже «сто девятому» и удавалось обстрелять «Потрошителя» на пересекающихся курсах, то, как правило, тот этого даже не замечал.

Можно было, конечно, форсировать работы по перспективному реактивному истребителю Хуго Мессершмита, который, по расчетам, должен иметь возможность догонять «Потрошителей» в воздухе. Но, во-первых — для окончательной доработки самого самолета и хотя бы начала испытаний опытного образца потребуется как минимум год, и неизвестно, проживет ли столько Третий Рейх под натиском неумолимых «марсиан». Во-вторых — реактивный двигатель Jumo-004, хоть и обладает требуемой мощностью (двигатели Су-25 в любом случае в пять раз мощнее), но требует при своем производстве дефицитных стратегических материалов и не обладает должной надежностью. Одним словом, этой работой заниматься требуется, но никто не гарантирует результатов в сколь-нибудь приемлемые сроки. И вообще никто ничего не гарантирует, потому что в любой момент на фронте могут появиться самолеты, многократно

перекрывающие скорость звука, а эта проблема для своего решения может потребовать гораздо больше времени, чем просто постройка реактивного истребителя.

Отпустив авиационных генералов, Гитлер задумался. С военной точки зрения проблема решения как бы не имела. «Марсиане» талантливо соединили свое техническое превосходство с огромной численностью большевистских армий и теперь не спеша могли давить этим паровым катком вплоть до границы Советской России, границы Рейха. Берлина или даже до Ла-Манша. Но только какой им в этом смысл? Наверняка они мстят за то, что натворила вторгшаяся к ним дивизия генерала Моделя и хотят обезопасить свои территории на будущее. Ну что же — он, Гитлер, будет готов разделить с той Россией бремя мирового господства и огромную добычу, награбленную в побежденных странах. Пусть сотрудники Министерства Пропанды выдумают какую-нибудь красивую теорию, что настоящие русские никакие не славяне, а произошли от германоскандинавского племени руссов^[12], укротившего мятущуюся славянскую стихию. Если Альфред Розенберг будет возражать, ведь он не любит как раз русских и терпимо относится к тем же украинцам и прибалтам, тогда о нем надо будет позаботиться, так же, как однажды позаботились о Реме. Если благополучие Великой Германии зависит от смерти одного человека, то этот человек должен обязательно умереть.

Теперь нужен человек, которого можно было бы послать к «марсианам» парламентаром. Это должно быть доверенное лицо, которое не разгласило бы данные ему тайные инструкции и в то же время чтобы от него не зависел ход боевых действий. Еще немного подумав, Гитлер остановился на Гейдрихе. Жалко, конечно, мальчика, если что-то пойдет не так, но, с другой стороны, такие тайны Гитлер мог доверить только ограниченному кругу лиц, и Гейдрих был как раз из них. Нужно было вызвать его для разговора, отозвав из отпуска по ранению (в июле 1941 года Гейдрих, пытавшийся изображать обычного строевого летчика, был сбит восточнее Березины и чудом не попал в плен). Пусть попытается склонить господина Путина если не к союзу с Германией, так хотя бы к нейтралитету в этой войне. Перед началом кампании на Востоке он, Гитлер, пытался договориться с англичанами, послав к ним Гесса, которого потом пришлось объявить изменником Великой Германии. Теперь пришло время жертвовать вторым своим соратником, но там, слава Богу, можно будет имитировать то, что Рейнхард залетел вглубь русской территории совершенно случайно, а потом был принужден к посадке. Ну что же, так он и поступит, а дальше будет видно, удачной была эта попытка или нет.

29 августа 1941 года. 21:15. Брянская область, райцентр Сураж.

Учительница немецкого языка и дворянка Варвара Ивановна Истрицкая.

Прошла неделя с того вечера, как мы с Мариной Андреевной подрались из-за этого злосчастного со всех сторон Николая, а потом взяли и помирились. И вот ведь что удивительно — когда этот «мужской вопрос» оказался полностью исключен из наших отношений, мы как-то сразу стали закадычными подружками. Хотя коньячок под копченую колбаску я с ней больше не пила. Хорошего понемножку, и вообще, хоть Марина Андреевна никогда не кичилась своим благосостоянием, чай, все-таки она дочь офицера (настоящая), а не нувориша, я тоже не желаю роли бедной родственницы и никогда не буду специально напрашиваться на угощения — один раз угостили от души и хватит. Вместо того уже на следующий день я познакомила мою новую подругу с мамой, и с тех пор Марина Андреевна каждый вечер участвует в наших традиционных ежевечерних чаепитиях. Надо сказать, что сначала мою маму шокировали некоторые привычки девушки из будущего, но потом она к ним притерпелась.

Итак, каждый день, едва зайдет солнце, у большого пышущего жаром самовара, помимо меня и мамы, рассаживаются мадмуазель Марина, а также наши с мамой солдаты-спасители, разумеется, если в этот день они не в «наряде». Среди солдатиков особой словоохотливостью обычно отличается студент Миша, которого я уже перекрестила в Мишеля. Разговаривали мы обо всем сразу, причем на политические темы ровно с той же степенью откровенности, что и на любые другие. При Советской власти такое невозможно — даже случайно услышав что-нибудь крамольное, здешние люди обязательно бегут с доносом в НКВД.

Правда, Марина Андреевна сказала мне, что, как правило, те, кто при советской власти стучали чекистам, те же потом, в оккупацию, доносили на советских подпольщиков в немецкую администрацию. Такая же картина будет отмечена в Германии, когда туда войдут наши войска. Те немцы, которые поддерживали гитлеровский режим и доносили на своих соседей за невосторженный образ мыслей, после прихода советских войск начнут делать то же самое, но в прямо противоположном направлении, донося в советскую военную администрацию на членов фашистских организаций и скрывающихся представителей прежней власти. Так уж, мол, устроены эти люди, которые не могут не доносить об образе мыслей своих соседей и сослуживцев, причем в Германии таких людей многократно больше из-за склонности немцев к орднунгу и сотрудничеству с любой властью.

Марина Андреевна говорит, что у них такого нет. Жесткая

политическая цензура отбивает у людей чувство меры в восприятии всяческой неофициальной информации, которая априори кажется людям честнее, чем официальная. А это в большинстве случаев совсем не так, особенно если против вашего государства идет информационная война. И это не шутки, потому не имеющее такого иммунитета общество, дезориентированное ложными слухами и враждебными информационными установками, может вдребезги разнести свою собственную страну.

Но самые большие разговоры и самые ожесточенные споры у нас велись о сущности большевизма и его пригодности для русского народа. Вот и сегодня разговор зашел на эту вечную для нас тему, тем более что там, у них, в настоящий момент был полдень тридцатого апреля, канун одного из двух главных революционных праздников, отмечающихся у нас тут с особой помпой. Там, в двадцать первом веке, этот праздник говорят, тоже празднуют, но он из главного весеннего официоза превратился в повод и себя показать, и людей посмотреть. На Первомайские демонстрации, как говорят мои новые друзья, там ходят все — от недобитых временем большевиков до разных желающих политической известности дурачков, которых Марина Андреевна назвала иностранным словом «фрики».

Мы с мамой считали и считаем большевизм чуждым России явлением, теорией, завезенной к нам из Европы. И прижилась-то эта теория на нашей почве лишь благодаря неимоверной жестокости марксистского кагала-интернационала, который во время Гражданской войны и после безжалостно перебил почти всех лучших людей России. Дворянство и интеллигенция либо эмигрировали, оставив Родину, в одночасье ставшую им постылой мачехой, либо погибли в бесчисленных подвалах губернских чрезвычайек и на фронтах гражданской войны.

— Две трети офицеров Русской армии, — парировала слова моей мамы Марина Андреевна, — записались добровольцами не в белую, а в красную армию, составив костяк ее командного состава, которому просто больше неоткуда было взяться. У моего отца один дед, фронтовой офицер, в Гражданской войне сразу и до конца воевал за красных, а другой дед, тоже фронтовик, сначала за белых, а после Новороссийского разгрома Добровольческой армии уже за красных. Оба командовали кавалерийскими эскадронами и оба в сабельных походах немало погуляли по российским просторам — сначала между Орлом и предгорьями Кавказа, а потом почти до самой Варшавы. И не их вина, что комфронта Тухачевский так и остался в душе туповатым поручиком. Так вот, они оба ему рассказывали, что белые — тех, кого вы называете лучшими людьми — вешали с еще большим азартом, чем красные, справедливо считая их виновниками

гибели старой России. А то кто же пел осанну демократическим сладкоголосым говорунам и бесновался, крича в адрес свергнутого царя с семейством: «Распни его, распни!».

На этом месте в разговор вступил Мишель, который, как я поняла, состоял с Мариной Андреевной в одном молодежном клубе.

— Белые проиграли, а красные, соответственно, выиграли, — безапелляционно заявил он, — потому что крики разного рода демократов и либералов о деньгах германского Генштаба, якобы переданных Ленину на организацию революции, являлись ярчайшим примером художественного свиста, а вот английская, французская, американская и японская помощь различным антибольшевистским силам, как и прямые военные интервенции этих стран на территорию России скрыть было невозможно. Неоспорима также роль в разжигании русской смуты так называемого чехословацкого корпуса. Господа союзники уже успели поделить нашу территорию. Север с Мурманском, Петроградом и Архангельском должен был стать британской колонией, Юг России, с Украиной, Донбассом, Крымом, отходил к Франции, а Дальний Восток — к Японии.

Одни большевики последовательно выступали защитниками национальных интересов, сохранив единое государство, которое господа в Лондоне, Париже, Токио и Вашингтоне уже мысленно раскромсали на множество кусков. При этом вожди белого движения, попавшие в зависимость от иностранных симпатизантов, даже не заикались о воссоздании единого русского государства, и так и были разбиты большевиками поодиночке — Юденич, Колчак и в самом конце Деникин. Так уж устроено сознание русского народа, что он всегда отдает поддержку той политической силе, которая опирается на чисто отечественную почву. Ну а с кагалом-интернационалом товарищ Сталин расправился еще в конце тридцатых. Как говорится, лучше поздно, чем никогда, потому что эти, в кавычках, товарищи, если бы им дали волю, действительно могли разнести нашу страну в клочья...

И на этой оптимистической ноте мы все вдруг замолчали, услышав, как где-то вдалеке, на юге, нарастает тяжелый гул множества работающих моторов и металлический лязг гусениц. Было понятно, что к нашему городу от пункта перехода приближается еще одна крупная механизированная часть потомков, и может даже, не одна; а это значит, что в скором времени так «любимым» мною немцам в очередной раз придется сильно пожалеть о том, что они незваными пришли на нашу землю. Там, куда потомки перебрасывают свои крупные механизированные соединения, по выражению Марины Андреевны, врага всегда ждет внезапный лютый

гнездец.

Точно такой же гнездец, какой недавно случился с ними под Гомелем. Сначала о той победе мне рассказала Марина Андреевна, а потом, через два дня, Совинформбюро подтвердило, что действительно, наши совместно действующие войска одержали над врагом крупную победу, разгромив прямым ударом один армейский корпус гитлеровцев и полностью окружив другой. Сейчас, как говорят потомки, бои там уже затихают, потому что окруженные немецкие солдаты и офицеры частью погибли в боях, частью без тяжелого вооружения и техники сумели просочиться на север к своим, а остальные, поняв безнадежность сопротивления, уже начали сдаваться в советский плен, потому что потомки пленных не берут. А если и берут, то тут же передают советскому командованию. Не их это дело — возиться с пленной германской сволочью.

30 августа 1941 года, 01:15. Брянский фронт, Унеча, штаб Брянского фронта

Командующий Брянским фронтом генерал армии Георгий Жуков

Этой ночью генерал армии Жуков находился в самом благостном расположении духа. Гомельская наступательная операция, подготовку к которой брали на себя союзные войска потомков, закончилась решительным успехом советско-российских войск и сокрушительным поражением гитлеровцев. Враг был разгромлен, Гомель освобожден, также в результате этой победы появилась возможность приступить к пополнению и переформированию изрядно потрепанной и дезорганизованной 21-й армии РККА, у которой на момент начала Гомельской операции даже не было полноценного командующего, а только Вр. И.Д. ^[13] генерал-майор Гордов.

В настоящий момент с командованием у 21-й армии все в порядке, новый командующий, генерал-лейтенант Василий Иванович Кузнецов свое дело знает, маршевые пополнения так же поступают, согласно составленного графика. Таким образом, есть все основания рассчитывать, что к решающей фазе смоленской операции 21-я армия будет полностью готова своими действиями поддержать удар механизированных соединений потомков в направлении Могилева и далее Орши. За левый фланг фронта генерал армии Жуков был спокоен, тем более что попытка вражеского контрудара на этом направлении была сорвана авиацией потомков, на марше раздолбившей передислоцируемую к Гомелю третью танковую группу немцев. И Гот, ранее попивший советской кровушки, тоже стал уже не тот. Его соединение понесло тяжелые потери, а подчиненные солдаты и офицеры научились бояться любой промелькнувшей в воздухе

стремительной краснойзвездной тени.

Но все равно внимание немецкого командования от левого фланга фронта, где чуть позже будет нанесен главный удар, следовало отвлечь. Для этого командование Брянского фронта и экспедиционная группа войск потомков разработали совместную рейдовую операцию, на первом этапе предусматривающую стремительный прорыв к Кричеву одной танковой и одной мотострелковой бригады потомков, действия которых в полном составе поддержит переброшенная в сорок первый год группировка российских ВКС. Основной целью поставленной перед войсками в этой операции являлся разгром расположенного в этом белорусском городе штаба 2-й танковой группы и штабов, приданных ей 34-го и 35-го армейских корпусов, а также уничтожение накопленных немецкими тыловыми службами запасов боеприпасов и вещевого снабжения.

Кроме всего прочего, в Кричеве, на территории цементного завода, немцы разместили лагерь советских военнопленных, в котором, по предварительным оценкам, могли находиться до пятнадцати тысяч советских бойцов и командиров, попавших в плен в период с восьмого по четырнадцатое августа. А этого количества военнослужащих достаточно для укомплектования полнокровной стрелковой дивизии РККА по штатам военного времени, и еще останется народа на формирование одного запасного полка и числа тех, кто в плену настолько ослабел, что не сможет сразу занять свое место на передовой.

И самое главное — исполнив свою задачу, уничтожив все, что требуется уничтожить и эвакуировав все, что требуется эвакуировать, ударная группировка немедленно отступит на исходные позиции, дабы из-за открытых флангов не попасть под удары противника одновременно с трех сторон. Именно по этой причине двумя неделями ранее под тем же Кричевым был окружен, разгромлен и уничтожен 45-й стрелковый корпус РККА, вынужденный сражаться с открытыми флангами, и военнопленные в Кричевском лагере — это как раз результат тех самых боев. Потомки считают излишними любые потери своих войск, если их можно избежать без ущерба для выполнения основной задачи. Поэтому, как бы ни хотелось удерживать Кричев, после завершения операции его придется оставить, чтобы снова освободить (уже окончательно) после начала основной фазы операции по разгрому группы армий Центр.

А задачи перед войсками стоят простые. Во-первых — дезориентировать вражеское командование и нарушить его планы, вызвав ненужные и даже вредные перегруппировки войск. Пусть за этим ударом Фон Бок увидит попытку повернуть на Рославль и отрезать от основных

немецких сил часть 4-й армии, а также пока еще частично боеспособные 46-й и 47-й моторизованные корпуса. Пуганная ворона любого куста боится, а после произошедшего под Гомелем немецкое командование пугливее любой вороны. Самое главное, чтобы немецкие резервы пришли в движение и начали передислокацию. Во-вторых — войска должны нанести противнику максимальный ущерб, а сами понести от его ответных действий минимальные потери. На выполнение этих двух основных задач сработает внезапность удара, а также мощь и подвижность осуществляющей операцию ударной группировки. Не успеют немцы опомниться, а дело уже будет сделано. И совсем хорошо, если потомкам удастся тепленьким сцапать Гудериана, который будет весьма неплохо смотреться в качестве преподавателя тактики в бронетанковой академии РККА.

Генерал армии посмотрел на часы — до начала операции, когда перед рассветом на направлении главного удара заговорит сведенная в один кулак гаубичная артиллерия потомков, осталось меньше четырех часов. Пора и ему садиться в машину и выдвигаться на передовой НП группы войск потомков, откуда они с генералом Матвеевым вдвоем смогут дирижировать предстоящим концертом.

30 августа 1941 года, 04:35. Брянский фронт, граница между РСФСР и БССР, линия фронта по речке Клинна

Батальонный командир 125-го стрелкового полка 6-й стрелковой дивизии РККА старший лейтенант Виктор Петрович Ростовцев

Ну нет, товарищи, честное слово, я вам не вру! Над нами даже «мессеры» не летают — боятся, потому что у потомков «стрел» и «игл», как у дурака махорки. Говорят, что для их мира они устаревшие и самолеты противника могут обмануть их плохонький электронный мозг, а у нас они ужас и гроза люфтваффе — то есть немецких военно-воздушных сил. И «шторьх», корректировщик, за неделю показался только один раз. Короче, где показался, там и остался. Но даже я, провоевавший бок о бок с потомками целых десять дней, пока не наступило сегодняшнее утро и не началось решительное наступление потомков, предположить не мог, что бывает на свете такая мощь. Еще под покровом темноты к нашему рубежу с тыла подошли танковая и мотострелковая бригады потомков, причем не какие-нибудь, а, как говорит старший лейтенант Голубцов, одни из самых лучших, и вместе с ними две наших кавалерийских дивизии.

А потом, как только на востоке забрезжила полоска зари, в тылу у нас взревела артиллерия потомков. Били и обычные ствольные гаубицы, которых у них было тоже немало, но главными на этом празднике огня

были отнюдь не они. Самый ужасающий эффект, буквально сносящий вражеские позиции с лица земли, производили так называемые реактивные системы залпового огня с метеорологическими названиями «Град», «Ураган» и «Торнадо» (мои новые знакомые из будущего сказали, что есть еще и какой-то «Смерч», но это так страшно, примерно как главный калибр у линкора, что совершенно не про наш случай). Калибр у них целых триста ме-ме и бьют они на сто двадцать километров... Да ладно, пусть даже на девяносто — в любом случае, фрицы на таком расстоянии совсем непуганые, и удар, к примеру, по железнодорожной станции или аэродрому подскока для истребителей может быть внезапным и уничтожающим, но, как я уже говорил, по вражеским позициям, расположенным на самой линии фронта, «Смерчами» не бьют. Не для того они предназначены.

Итак, к тому моменту, как артиллерия отбушевала и прекратила огонь, окружающая нас атмосфера посветлела, но при этом затянулась утренним туманом.

В такой обстановке даже выжившие немецкие солдаты не знали, куда стрелять, а вот для потомков, точнее, для наводчиков их боевых машин этот туман большого значения не имел. Если где-то в полуразрушенных окопах и оставался кто живой и способный вести огонь, то его судьба была печальна. В ответ на короткую пулеметную очередь, пущенную наугад, просто предположительно в направлении атакующих, на ожившем пулеметчике скрещивались несколько прицельных очередей автоматических пушек и спаренных с ними пулеметов, после чего из того места по нам больше никто не стрелял.

Впрочем, в этот день печальна она была у всех немецких солдат, потому что вслед за боевыми машинами потомков в атаку поднялся наш полк, более чем на треть состоявший из уже битых войной бойцов и командиров, многие из которых отступали от самой границы, а некоторые даже успели побывать в немецком плену. У тех на мышастую форму и гортанный германский говор один рефлекс: «Коротким коли»; удар штыком — и нет немца, был живой, а стал мертвый. В этом тумане по-другому нельзя, потому что если ты сохранишь ему жизнь, он может попытаться удрать, чтобы потом снова начать убивать наших советских людей. Поэтому — никакой пощады фашистским захватчикам. Шевельнулось что-то под ногами или мелькнул в тумане серый силуэт — удар штыком или (если ты командир) выстрел из нагана. Они сейчас — те, кто выжил после огневого удара, все контуженные, будто вареные заживо. И это к лучшему. Смерть проклятым фашистским оккупантам! Никто их к нам сюда не звал!

Ближе к концу, на третьей траншее, где немец меньше пострадал от

артподготовки (да и туман к тому моменту уже начал рассеиваться), разгорелось нечто вроде настоящего боя. Но и этих немцев мы тоже с помощью потомков перебили всех до последнего человека, после чего снова ворвались в деревню Смольки, оставленную нами несколько дней назад ради выравнивания линии фронта. Сейчас я думаю, что это была такая мелкая хитрость, чтобы нанести уже запланированный удар через ослабленный участок обороны с необорудованными позициями.

Кстати, в этих Смольках мы (с потомками) застали штаб немецкого полка, который немножечко готовился к эвакуации, и также основательно его разгромили. Те немецкие офицеры, которые остались в живых, оказались у нас в плену, остальные не пережили этого утра, взяли и неожиданно умерли.

— Война, однако, — как сказал мой друг из будущего, старший лейтенант Голубцов, — они что, думали, что они на нас немножко нападут и им за это ничего не будет? А вот хрен им на лысый череп, тоже мне «онижедети» нашлись.

Кстати, наш полк и связанная с ним батальонная тактическая группа в прорыв не пошли, а принялись обустриваться на своих старых рубежах в Смольках. Как нам объяснили, это пока не настоящее наступление, а только прорыв к Кричеву с целью разрушить немецкую штабную и тыловую инфраструктуру, уничтожить хранящиеся там складские запасы боеприпасов и амуниции, освободить из лагеря наших пленных товарищей и по возможности сцапать в плен кого-нибудь из нашего же немецкого начальства. Если ударная группировка попытается задержаться в районе Кричева, то попадет под одновременный удар с трех сторон и будет вынужден сражаться с открытыми флангами. Так тут же, под Кричевом, две недели назад попал под удар, был окружен и полностью разгромлен наш пятидесятый стрелковый корпус, и пленные, которых собираются освобождать потомки, это наши же товарищи, которым повезло меньше, чем нам.

30 августа 1941 года, 06:15. Брянский фронт, НП Экспедиционного корпуса

Командующий Брянским фронтом генерал армии Георгий Жуков

Операцию по прорыву фронта, спланированную по его же собственным канонам, генерал армии Жуков наблюдал от начала и до конца во всем ее великолепии. И вот когда пала третья и последняя траншея и над редющим утренним туманом взлетела зеленая ракета, означающая, что путь для вводимой в прорыв группировки свободен, в тылу советско-российских позиций взревели несколько сотен моторов. Это в прорыв

пошли 27-я отдельная гвардейская мотострелковая и 6-я отдельная танковая бригады ВС РФ. Генерал Жуков не мог даже себе представить, что должны выставить немцы против этой мощи, чтобы попытаться хотя бы замедлить ее наступательный порыв. Против идущих в первых рядах основных российских танков немецкие «колотушки» помогают не больше, чем трубочки для плевания жеваной бумагой.

Жуков уже видел фильм, снятый под Гомелем российскими военными корреспондентами, о том, как танковый батальон, будто нож сквозь масло, проходит через позиции немецкого отдельного противотанкового дивизиона, оставляя за собой только вмятое в землю железо и мертвые раздавленные гусеницами и расстрелянные из пулеметов тела немецких противотанкистов. Кстати, показухи в этой атаке было самый минимум, уничтоженный противотанковый дивизион больше не сможет открыть огонь ни по советским танкам старых моделей, которые как раз уязвимы для калибра «колотушек», или по российским бронетранспортерам, БМП и грузовикам.

Да и офицеров и унтер-офицеров довоенной выучки у Гитлера, конечно, много, но не бесконечные количества. Каждый убитый немецкий солдат теряет возможность в будущем убивать уже советских и российских бойцов и, что самое главное, совершать зверства над мирным населением. Даже там, где немцы пробыли совсем недолго, предостаточно примеров их скотского обращения с советскими людьми. Поэтому у пленных немцев при обыске, помимо каких-либо секретных документов, особисты ищут личные фоточки. Немцы просто обожают фотографироваться на фоне замученных и убитых советских людей, еще окончательно не поняв, что правила игры изменились, и что теперь, попав в плен, вполне можно встать к стенке за то, за что вчера родная германская фельджандармерия не вынесла бы им даже общественного порицания.

Как раз в тот момент, когда мимо Жукова закончила проходить танковая бригада и пошла мотострелковая, мимо НП, на некотором удалении от шоссе, пролетела плотная группа российских штурмовиков. Видимо, беспилотник обнаружил цель и уже вызвал авиационную поддержку, или, напротив, это должен был быть плановый удар по какой-то очень важной цели. Но, скорее всего, эти Сушки полетели в направлении Кричева — наносить бомбоштурмовой удар по железнодорожным веткам, связывающим его с окрестными узлами: Рославля, Могилева и Орши. Было бы нежелательно, если при приближении российских танков немцы сумели спасти хотя бы часть своих запасов. Сейчас эти самолеты нанесут по станции бомбоштурмовой удар и приведут ее в неработоспособное

состояние, а потом подошедшая пехота и танкисты вручную исправят недоделки.

30 августа 1941 года, 11:35. Кричев, походный офицерский бордель при штабе 2-й панцергруппы

Паулина Липсиус, 25 лет, проститутка, работница офицерского дома терпимости

Скажите на милость, куда податься бедной девушке, когда все вокруг сходит с ума? Раньше жизнь наша была размеренна и понятна. Непобедимый вермахт устанавливал в Европе наш немецкий новый порядок, а мы переезжали с места на место вслед за передислокациями штаба 2-й панцергруппы, исполняя при этом свои служебные обязанности. Бордель у нас элитный, предназначенный только для старших офицеров. И в составе у нас только арийки, нет никаких славянок или француженок. И клиенты у нас все больше оберсты и оберст-лейтенанты, не брезгают нами и генералы.

Таким образом, переезжая от города к городу, две недели назад наше заведение добралось до заштатного русского городка с названием Кричев. И после этого, как говорится, из этого городка больше ни взад, ни вперед, потому что в округе завелись «марсиане», а значит стало не до поездок. И хорошо, что так, а то в самом начале нас чуть было не отправили прямо в пасть марсианско-большевистскому зверю — это когда 24-й моторкорпус был уже разгромлен, но мы об этом ничего не знали, и чуть было не въехали прямо в «марсианский» передовой моторизованный дозор. Хорошо, что прежде нас панцерам «марсиан» попала какая-то кавалерийская часть, в которую они начали стрелять и тем самым выдали свое приближение. Наш водитель тогда немедленно развернул автобус и погнал его обратно. Вот тогда мы натерпелись настоящего страха в первый раз.

Второй раз настоящий страх нам пришлось испытать сегодня утром, когда два или три десятка совершенно незнакомых нам с виду самолетов с красными звездами на крыльях, наверное тоже «марсианских», совершили налет на штаб панцергруппы, железнодорожную станцию и склады. Нам тоже досталось из-за близости штаба. Когда этот налет начался, мы все еще мирно спали после тяжелой трудовой ночи. Вскочив по сирене тревоги, мы только и успели, что накинуть свои халатики да сбежать в подвал. Тут земля затряслась, и с потолка подвала посыпался какой-то мусор, а когда все успокоилось и мы вышли наружу, то увидели, что дом, где мы ночевали, разрушен, наш автобус сгорел, и все мы остались в пикантном виде «халатик на голое тело». А тут еще известие, что панцеры «марсиан»

прорвали фронт и на большой скорости идут в нашу сторону. Быстроходный Гейнц пытается сколотить из тыловиков хоть какое-то подобие воинской части, но получается у него плохо. Поэтому мы думаем, что русские вместе с «марсианами» скоро придут сюда и захватят нас в плен. Но, пусть лучше меня изнасилуют извращенно и неоднократно, лишь бы не попадать в плен к «марсианам», которые обязательно выпьют мою кровь и высосут костный мозг.

30 августа 1941 года, 14:15. Кричев, штаб 2-й панцергруппы Командующий 2-й панцергруппой генерал-полковник Гейнц Гудериан

С той поры, как «марсиане» вмешались в те игры на свежем воздухе, которые вермахт вел с русскими большевиками, прошло всего десять дней, а обстановка на фронте уже в корне поменялась. Вынужденно сконцентрировав все свои резервы на тех участках фронта, где действовали «марсиане», вермахт остановил наступательные операции на остальных направлениях, что позволило большевистским войскам стабилизировать обстановку на подступах к Таллину, сохранив контроль над Нарвским коридором. Также в отчаянных встречных боях большевикам удалось купировать прорывы на лужском рубеже и восстановить линию фронта. Теперь, когда 4-я панцергруппа генерала Гепнера спешно перебрасывается на юг, немецкая пехота, оставшаяся без поддержки подвижных частей, отступила с позиций, завоеванных таким трудом, не сумев выдержать осатаневшего натиска так называемых дивизий народного ополчения, а на самом деле отборных большевистских фанатиков, которых русское командование бросило на фронт в самый решающий момент.

К нашему ужасу, к большевикам из глубины страны все время подходят свежие части, и если раньше у нас хватало сил последовательно дивизия за дивизией громить эту лезущую на нас человеческую массу, то теперь, когда основные силы требуется держать против «марсиан», эти свежие части врага начинают представлять собой большую опасность. Тем более что у большевиков куда-то делся русский маршал Тимошенко, который скармливал нашим войскам эти силы небольшими порциями, и это исчезновение привело в уныние знакомых мне офицеров абвера.

«Сейчас, когда в игре «марсиане», — говорят они, — черт знает что может случиться дальше. Мы о них не знаем ничего, а они о нас знают все».

К тому же, как оказалось, большая концентрация войск — это отнюдь не гарантия против «марсиан». Сегодня, применив большое количество артиллерии, они вместе с большевистскими войсками сумели взломать наш фронт на бывшем направлении главного удара 24-го моторизованного

корпуса, и, профессионально оседлав роллбан, стремительно продвинуться вперед почти на сотню километров. При этом надо отметить, что заслоны, которые мы пытались выставить на их пути для замедления движения, оперативно выжигались их авиацией еще до того, как «марсине» успевали вступить с этим заслоном в огневое взаимодействие. Примерно так же год назад мы мчались через Францию, благословляя мальчиков Геринга, оперативно расчищавших перед нами дорогу.

Но теперь дорогу расчищали не перед нами, а к нам. Фронт был прорван на рассвете, и бронированный таран «марсиан» преодолел сто километров по дорогам, отделявших линию фронта от Кричева, всего за одиннадцать часов, при этом в девять часов утра разгромив гарнизон Костюковичей и стоявший там штаб 35-го армейского корпуса. Находящийся там разведывательный батальон сумел занять пришельцев из преисподней всего на четверть часа, после чего был полностью уничтожен. Но в ходе этого боя от храброго гаугтмана Кригера (пока он был жив) мы узнали, что на нас идет больше сотни тяжелых и легких панцеров, а также огромное множество колесных бронетранспортеров высокой проходимости, и все это в сопровождение большого количества большевистской кавалерии.

Панцеры и мотопехота «марсиан» вкупе с большевистской кавалерией — это настоящая адская смесь. Пока наши солдаты при помощи имеющихся в их распоряжении противотанковых «колотушек» и легких пехотных пушек пытались остановить или хотя бы задержать панцеры «марсиан», большевистские кавалеристы лесами просочились в обход населенного пункта и перерезали ведущую в тыл автодорогу, перехватив отступающий штаб корпуса. Эти конкретные казаки оказались довольно неплохо вооружены пулеметами вроде наших немецких МГ-34 и ручными реактивными гранатометами, что явилось ужасной неожиданностью для наших солдат, ожидавших, что вооружением «Иванов» будут только револьверы, карабины и сабли.

Теперь, после этого боя, мы знаем точно, что в бою с танками «марсиан» от «дверных колотушек»^[14] проку не больше, чем от привязанной к ноге консервной банки. Единственное средство, которое нам осталось попробовать — это зенитные пушки «ахт-ахт», которые имеются в зенитном прикрытии местной железнодорожной станции. Что же касается живой силы, то здесь, в глубоком тылу, у меня нет под рукой никого, кроме тылови́ков, интендантов и недавно поступившего маршевого пополнения. Безусые белобрысые мальчики двадцать третьего года рождения, лишь слегка разбавленные вернувшимися из госпиталей прожженными

ветеранами французской, греческой и югославской кампаний.

Кого только сейчас не посылают на Восточный фронт, чтобы компенсировать просто чудовищные потери двух месяцев русской кампании, которые за последнюю неделю стали совсем уж неприличными. Конечно, этим мальчикам кажется, что сейчас они своими маузеровскими винтовками победят всех «марсиан», но мы-то знаем, что будет, скорее всего, с точностью до наоборот. Наивные мальчики окажутся намотанными на чудовищные гусеницы, задержав наступательный порыв «марсиан» на полчаса или на час. После налета «марсианских» штурмовиков, недавно получившие еще одно прозвище «Чертов гребешок», из двенадцати орудий дивизиона «ахт-ахтов», прикрывавших станцию, осталось только девять. Два орудия вышли из строя безвозвратно, еще одно можно отремонтировать в походных мастерских в течение трех дней. Благодарю покорно, у нас нет этих трех дней, и все, что нам осталось — это час-полтора времени.

Позицию мы заняли почти идеальную — на правом, сухом и высоком берегу, на котором и был расположен город Кричев. «Марсиане» будут наступать на нас со стороны низкого и заболоченного левого берега, где единственными доступными путями для движения техники являлись насыпи шоссейной и железной дорог, подходящие к мостам.

При попытке наступления вражеские танки, не имея возможности маневра, метров семьсот вынуждены будут идти по прямой прямо на мои «ахт-ахты». Пять орудий я поставил у шоссейного моста и четыре — у железнодорожного. Стрелять им предстоит из засады, с пятисот-семисот метров. Тогда я полагал, что, подбив два-три тяжелых танка, наши артиллеристы сумеют закупорить противнику пути движения и сорвать его наступательный порыв.

Вы спросите, почему я занимался все этой ерундой, почему сразу не отступил вместе со всем своим штабом. Во-первых — отступить было особо некуда. В Кричеве находились запасы для снабжения моей панцергруппы, и их утрата была невосполнимой потерей для вверенного мне соединения. Во-вторых — я, наконец, хотел лично, своими глазами, увидеть как воюют «марсиане», при этом находясь на относительно безопасных позициях. В-третьих — и это самое главное — я давно уже осознал, что в настоящий момент и фюрер, и ОКХ, и весь вермахт занимаются дурацким делом — доигрывают давно проигранную кампанию. В таких случаях нормальные люди бросают карты и признают свое поражение. Я понимаю, что есть такие политические моменты, по которым на такой шаг не может пойти фюрер, но у меня-то подобные

осложнения отсутствуют, особенно если брать не большевистский режим в Москве, с которым у меня действительно мало общего, а обращаться непосредственно к «марсианам». Если я правильно понял покойного ^[15] гауптмана Зоммера, то это вполне приличные парни, которым, конечно, не по душе расистские заскоки Розенберга, но в то же время ничего не имеющие против немецкой нации в целом.

Но, как это обычно бывает, мой гениальный план просуществовал только до прибытия передовых частей противника. Вместо того чтобы лезть в лобовую атаку, как это сделали бы большевики, «марсиане» обозначили свой передний край по опушке леса спешенными мотопехотными подразделениями, после чего принялись обстреливать наш передний край пятнадцатисантиметровыми самоходными пушками с позиций, расположенных километрах в десяти от моста. Огонь был очень редкий, но чрезвычайно меткий, и вскоре три орудия из пяти на этой позиции были разбиты, а еще одно потеряло почти весь свой расчет. Виной всему — высокий силуэт зенитных пушек и небрежность их маскировки, вызванная недостатком времени.

Но и это было еще не самым главным. Пока внимание занимали демонстрационные действия вдоль шоссе, большая группа «марсианских» колесных бронемашин и до дивизии большевистской кавалерии, форсировали реку чуть южнее того места, где мы устроили позиции и, смяв слабые заслоны, вышли во фланг и тыл нашей основной группировке. Оказалось, среди топких и болотистых берегов нашелся такой небольшой участок, где твердый берег был по обеим берегам реки. При этом колесные машины «марсиан» неплохо плавают, а большевистская кавалерия и подавно с легкостью переправляется через реки.

Хорошо, что колесные машины «марсиан», заходя нам в тыл, несколько опередили большевистских кавалеристов, и я имел возможность, подняв белый флаг, сдаться российскому офицеру в «марсианской» экипировке, который обещал не отправлять меня в застенки НКВД.

Тогда же и там же

Паулина Липсиус, 25 лет, проститутка, работница офицерского дома терпимости

Все вышло именно так, как мне и представлялось в самых мрачных фантазиях. Русские пришли. Вместе с так называемыми «марсианами», которые прибыли, сидя верхом на бронетранспортерах с огромными колесами. Они в своей массе были похожи на карающий меч господень — суровые, самоуверенные, беспощадные. Я не могла подолгу задерживать взгляд на их лицах — казалось, что мои глаза обжигает исходящее от них

невидимое свечение.

— Вот они — «марсиане»! — шептались наши девочки, дрожа от мистического ужаса, поглядывая на мужчин в невиданной зелено-пятнистой форме совершенно немыслимого покроя.

Впрочем, «марсиане» с виду оказались вполне себе обычными людьми — ну, то есть, у них не имелось ни рогов, ни хвостов, ни вертикальных зрачков, ни прочих адских признаков, о которых нам так вдохновенно вещал душка Йозеф Геббельс. Обычные с виду люди в необычной одежде, которые, правда, между собой все время говорят по-русски. Тем не менее было в них нечто такое, что наводило на мысли о их принадлежности какому-то иному миру. Лежала на них какая-то печать зла, или напротив, благословение Господне.

Я никак не могла понять, что же это за существа такие, эти «марсиане», чего они хотят, и почему без всякой пощады убивают немецких солдат? Я была уверена, что и мои товарки озадачены тем же вопросом. Но вслух никто из нас не высказывал никаких догадок. Находясь в окружении вооруженных до зубов мужчин враждебной нам нации, мы с замиранием сердца и чувством обреченности ждали, когда над нами начнут проделывать нечеловеческие эксперименты или подвергать чудовищным пыткам. Ведь все наши защитники были убиты или, подобно нам, попали в плен, и вместо звуков боя мы теперь слышали только отдельные выстрелы, которые можно было счесть бессмысленным сопротивлением. Становилось ясно, что вермахт потерпел очередное сокрушительное поражение, и никто на помощь к нам так и не придет.

Как я уже говорила, с виду эти «марсиане» не были похожи на монстров, но при этом смотрели на нас с жесткими презрительными усмешками, как будто для них унтерменшами были не русские, а как раз мы, немцы. Однако я знала, что это совсем не так. Русские — это подлый, коварный, опасный и непредсказуемый народ. Не зря же фюрер вознамерился стереть эту нацию с лица земли. Но почему-то именно к русским всей своей мощью пришли на помощь таинственные «марсиане». Наверное, потому, что эти адские создания тоже являются русскими, ведь они совершенно свободно общаются с обычными русскими кавалеристами и вместе с ними смеются одним и тем же шуткам... Я же вижу, что они одного корня. Я ведь девушка образованная, закончила Берлинский университет, а на эту работу пошла только потому, что во время войны нации ни к чему бакалавры философии. Но даже со всем своим образованием я никак не могу понять — кто же они такие, эти «марсиане»? Может быть, и не люди вовсе? А кто же тогда? Может быть, демоны,

получившиеся из русских после того, как в аду их долго вываривали в котлах со смолой? Наверное, для того, чтобы ответить на этот вопрос, в университете мне нужно было изучать богословие, а не философию.

Девочки ежились, испуганно поглядывая в сторону тех, в чьих руках находились наши жизни. Сейчас в нас не было ничего игривого, ничего кокетливого. Любые попытки возбудить мужское внимание, тем самым попытавшись добиться каких-то послаблений, выглядели бы жалко и неестественно. Сейчас мы были просто сборищем испуганных, почти раздетых женщин... Для них, для русских, мы были врагами, и, возможно, сейчас они как раз обсуждали между собой, каким способом нас умертвить. Они не выказывали никакого намерения жестоко нас изнасиловать, как это обещала наша пропаганда. Наверное, они брезгуют нами — чистокровными арийками, представительницами высшей расы... Впрочем, похоже на то, что высшей расой они считают именно себя, а все остальные для них как грязь под их высокими ботинками.

В этот момент, когда моя жизнь, вероятно, висела на волоске, я думала о том, насколько мы, немцы, заблуждались в отношении русских. Где обещанные фюрером молниеносное наступление и быстрая победа? Вместо этого, после вмешательства в войну «марсиан» наши солдаты всегда бывают повержены, а враги торжествуют и готовятся к новым ударам. И вообще — русских я представляла себе совершенно по-другому. Думала, что у всех у них грубые туповатые лица, на которых может быть лишь одно выражение — озлобления и свирепости. Нет, лица этих людей были другими. И я непроизвольно вглядывалась в них, стараясь хотя бы приблизительно предугадать нашу дальнейшую участь. Но время шло, а ничто не предвещало нам близкой расправы. «Марсиане» продолжали совещаться между собой и еще с кем-то через чрезвычайно маленькиерации — при их помощи они, видимо, связывались со своим начальством. Мне показалось, что они сами были в какой-то степени растеряны и обескуражены, потому что наш захват совсем не входил в их планы. И начальство, как мне кажется, тоже не знает, что с нами делать.

В какое-то мгновение мне стало казаться, что, возможно, нас пощадят и не лишат жизни. Такую иллюзию создавало их отношение к нам. Я ожидала глумления, издевательств, унижений, но вместо этого они выказывали к нам лишь снисходительное любопытство, словно к экзотическим зверькам. И вот это сбивало меня с толку... Быть может, нас все же отпустят на свободу? Я огляделась вокруг и покачала головой. Нет, только не это, Господи. Вокруг полно большевистских казаков, и стоит нам оказаться без охраны, как мы тут же попадем к ним в лапы — и тогда плен

у «марсиан» нам покажется сущим раем. К тому же в этом городке находился лагерь для русских пленных, в котором в течение двух недель двадцать тысяч бывших большевистских солдат держали на голой земле, давая одну буханку хлеба в день на пятерых. Теперь эти люди, выпущенные «марсианами» на свободу, будут жаждать мести; и горе любому, кто будет говорить при них по-немецки.

Но нет — для нас подадут большой тентованный грузовик, и солдаты «марсиан» жестами показывают, чтобы мы забирались внутрь кузова. Тех, у кого это не получается, довольно деликатно подсаживают под зад. Ура, мы едем в «марсианский» плен! По крайней мере, это лучше, чем остаться во власти большевистских казаков, которых вокруг становится все больше и больше.

31 августа 1941 года. 14:15. Третий Рейх, Восточная Пруссия, Ставка Гитлера «Вольфшанце».

Тот, кого некоторые по ту сторону фронта почти ласково прозывали Адиком (то ли по имени, то ли потому что тот весь мир собирался превратить в филиал ада) — короче, этот человек с нехорошей кармой и смешными маленькими усиками на верхней губе снова переживал не самые лучшие минуты своей жизни. В холодном поту он разглядывал карту, на которую были нанесены новые направления разящих ударов ужасающих «марсиан», против которых бесполезными оказались и мужество германских солдат, и мастерство немецких генералов и даже гений его, фюрера германской нации. А ведь перед этим гением уже склонилась вся Европа, включая даже такого старого врага Германии, как Франция.

Нет, Вольфшанце пока еще не бомбили армады реактивных краснотелных бомбардировщиков и ревущие огромными турбинами белоснежные «Бэкфайры» не несли к резиденции фюрера вся Германия папу всех бомб, чтобы раз и навсегда покончить с мировым злом, и мобильный «Яре», носитель смертоносной ярости, еще не выплюнул на баллистические траектории мегатонные маневрирующие боеголовки, целью которых должны были стать первые пять важнейших городов Германии^[16]... В лесу под Растенбургом даже еще не слышна предвещающая возмездие отдаленная канонада, но огненные письма «мене, текел, фарес» начертаны на карте восточного фронта не вчера, когда случился очередной прорыв, жертвой которого пал храбрый Гудериан, и даже не позавчера.

Восточный фронт, который до этого вел себя достаточно скромно, с появлением «Марсиан» превратился в неистового кровожадного идола, способного с легкостью пожрать любое количество германских солдат,

которых он, Гитлер, бросит в огонь сражений. «Марсиане» могущественны и беспощадны, многие германские части были растрепаны и разбиты на марше ударами их авиации, не давшей немецким солдатам даже вступить в соприкосновение с противником. Впрочем, дело было не в одной авиации. Артиллерия «марсиан», открывая огонь с недостижимых дистанций, градом пятнадцатисантиметровых снарядов с легкостью одну за другой подавляла немецкие батареи и огнем валом расчищала путь своим панцерам и пехоте.

Панцеры «марсиан» и вовсе сводили Гитлера с ума. Фанатик механизированной войны, он делал ставку на быстроту маневра, броню и огневую мощь артиллерии, но «марсиане» переигрывали его «панцерваффе» сразу по всем параметрам. Их панцеры были неуязвимы для огня немецкой противотанковой артиллерии, а попытки ставить на прямую наводку огромные пятнадцатисантиметровые пушки не привели ни в чему, кроме дополнительных потерь германской артиллерии. В то же время двенадцатисантиметровые пушки «марсианских» панцеров обладают просто чудовищной мощностью и способны не только уничтожать все типы немецких танков, но и с легкостью разрушать деревоземляные оборонительные сооружения немецкой пехоты. При этом панцеры «марсиан» имеют мощные двигатели и почти совершенную ходовую часть, что делает их непревзойденными противниками немецких панцеров и в области подвижности на поле боя. Конечно, танкер без экипажа — это всего лишь мертвый кусок железа, но и с этим у «марсиан» тоже все в порядке, их танкисты являются опытными, хорошо обученными, злыми бойцами, предназначенными для того, чтобы доминировать на поле боя.

И вот теперь новое неприятное известие пришло из маленького русского городка Кричева, чье название пренебрежительно напоминает скрежет железа по стеклу. Вражеская подвижная танкер-кавалерийская группировка неожиданно прорвала фронт и, совершив стремительный бросок на сто километров по дорогам, внезапным ударом захватила этот маленький городок, считающийся таковым только из-за узловой железнодорожной станции. Все бы ничего, но в этом Кричеве располагались тыловые учреждения, запасы и штаб второй танкергруппы. Гейнц Гудериан героически возглавил сборную кампфгруппу из тыловиков и маршевых пополнений, пытавшуюся задержать вражеский прорыв, и то ли погиб, то ли в тяжелораненом состоянии был взят «марсианами» в плен. Это было печально. Гудериан являлся одним из немногих немецких генералов, не потерявших присутствие духа с началом известных событий, и вот теперь он больше не сможет сражаться за Фатерланд.

Нет, решил Гитлер, так воевать нельзя. В смысле нельзя воевать с будущим, которое знает о тебе все, а ты о нем ничего. Будь проклят этот дурак Модель, который разбудил дракона и вызвал его из бездны, и из-за которого эта война, поначалу неудержимо победоносная, превратилась в угрозу для самого существования Третьего Рейха. С «марсианами» надо мириться, и как можно скорей. По счастью, с аэродрома сообщили, что самолет Гейдриха уже совершил посадку, так что несколько минут спустя один из самых доверенных соратников будет уже в его кабинете.

несколько минут спустя, там же.

Группенфюрер СС Гейдрих буквально ворвался в кабинет Гитлера, небрежно махнул правой рукой в нацистском приветствии и с козлиным блеянием в голосе (был у него такой недостаток) произнес:

— Мой фюрер, вы меня звали и я пришел! Я готов выполнить любое ваше поручение — спуститься в ад или достать звезду с неба!

— Рейнхард, мой мальчик, — растрогался Гитлер, — как твое здоровье после того инцидента в Белоруссии? Ты был настолько неосторожен, что позволил себя сбить. Запомни, что ты давно уже далеко не рядовой член партии и СС, а посему не имеешь права рисковать собой в различных мелких боях местного значения в то самое время, когда у меня есть для тебя действительно очень важное поручение, с которым, кроме тебя, не сможет справиться больше никто.

— Я весь внимание, мой фюрер, — воскликнул Гейдрих, — сообщите же, наконец, что вы хотите мне поручить, чтобы я перестал теряться в догадках...

— Рейнхард, мой мальчик, — сказал Гитлер, — мое поручение будет не из легких, и даже, более того, должен тебя предупредить, что выполнить его правильным образом будет почти невозможно. Но ты справишься, я знаю.

— Да, мой фюрер, — воскликнул Гейдрих, — если это дело выполнимо хотя бы в принципе, то я обязательно добьюсь успеха. Но говорите же, не томите, в чем все-таки заключается мое особое задание?

— Дело в том, мой мальчик, — патетически произнес Гитлер, — что тебе действительно придется спуститься в ад для того, чтобы Германия могла заключить мир с русскими выходцами из будущего, с этим воинством Сатаны, которое внезапно обрушилось на нашу голову. Если это будет необходимо, то я согласен даже разделить с пришельцами из будущего власть над миром. Поскольку между нашими сторонами сейчас идет ожесточенная и очень кровопролитная война, я не могу послать тебя с обычной дипломатической миссией. Чтобы выполнить мою задачу, тебе

придется как-нибудь ненароком попасть в плен к пришельцам из иного мира — да так, чтобы тебя не расстреляли и не передали в распоряжение местных большевиков. В сражениях с пришельцами Германия буквально истекает кровью, и в твоей власти остановить эти кровавые потоки, текущие по нашей^[17] земле.

— Яволь, мой фюрер! — не задумываясь, выкрикнул Гейдрих, — я обязательно выполню это ваше поручение максимально точно и в срок. В этом вы можете на меня полностью положиться. А сейчас позвольте мне удалиться, ибо, оставшись в одиночестве, я должен тщательно обдумать, какими должны быть мои действия для наилучшего выполнения задания.

— Иди, мой мальчик, — сказал Гитлер, — я надеюсь, что некоторое время спустя ты вернешься в этот кабинет победителем, и тогда я устрою тебе настоящий триумф.

31 августа 1941 года. 14:55. Третий Рейх, Восточная Пруссия, Ставка Гитлера «Вольфшанце».

Начальник главного управления имперской безопасности, президент германского бюро Интерпола, группенфюрер СС и генерал-лейтенант полиции, Рейнхард Тристан Ойген Гейдрих

Выйдя из кабинета Гитлера, Гейдрих ни на мгновение не прекратил раздавать во все стороны сияющие улыбки и излучать в окружающее пространство уверенность и оптимизм, а в голове билась только одна мысль: «Проклятье!!! Ишачье дерьмо!!! Меня подставили, как Гесса!!!». По долгу службы главный безопасник Третьего Рейха теми или иными путями знал о «марсианах» даже несколько больше, чем Гудериан, и значительно больше, чем фюрер, некоторые вещи которому просто нельзя было докладывать, потому что за ними раскрывалась бездонная бездна, полная не звезд, а всяческого дерьма. И вот теперь ефрейтор, презрев годы былого сотрудничества, посылает его, Гейдриха, прямо в окровавленную пасть неистово рычащему зверю, который с одинаковым аппетитом пожирает и молодцеватых бравых панцергренадеров и престарелых ветеранов прошлой великой войны.

Нет, конечно, сразу понятно, что пока он не покинет резиденцию фюрера, он должен продолжать излучать всяческий оптимизм и уверенность в успешном выполнении задания. Иначе завистники и недоброжелатели, которых у Гейдриха, как у всякого успешного человека, больше чем достаточно, сожрут его с потрохами и не оставят на развод даже косточек. Но эта нарочитая показная лихая придурковатость актуальна только здесь, по эту сторону фронта, в общении с соратниками, существующими согласно закону курятника «подтолкни ближнего, обосри

нижнего», а там, у «марсиан», то есть у русских из будущего, в ход пойдут совсем другие приемы. Хотя задача номер один у него — не просто живым и здоровым пересечь линию фронта, а еще оказаться в руках именно представителей буржуазной России будущего, а не в окровавленных лапах большевистских сатрапов.

Что бы там ни говорила геббельсовская пропаганда, Гейдрих знал, что никаких массовых кровавых жертвоприношений пленных немецких солдат так называемые «марсиане» не совершают. По большей части, подобно Понтию Пилату, они просто умывают руки, передавая немецких пленных в руки большевистского командования. Впрочем, по некоторым данным его службы, к большевикам не поступают самые ценные захваченные в плен кадры, то есть генералы и старшие офицеры. При этом агенты в рядах большевиков даже не знают, в каком именно месте подвластной им территории большевистской России русские из будущего содержат своих особо важных пленных. Такая секретность могла указывать на то, что такие важные пленники могли быть вывезены на ту сторону барьера и размещены там, где их не найдет никакая германская разведка. В принципе это могло значить, что русские из будущего посвящают своих союзников-большевиков далеко не во все свои политические планы. Это было хорошо, потому что давало надежду на то, что его, Гейдриха, переговоры с начальством русских из будущего окажутся по-настоящему.^[18]

Но, в любом случае, в успех своей тайной миссии Гейдрих не верил с самого начала. Это фюрер может тешить себя разными политическими иллюзиями о возможности установления мира между Третьим Рейхом и Россией из будущего, а он, Гейдрих, человек трезвомыслящий и к тому же достаточно осведомленный. В том числе, осведомлен он и о том, что изначально и без вмешательства извне национал-социалистический проект Тысячелетнего Рейха был обречен на крах и катастрофу, причиной которой стали пролив Ла-Манш и необъятные русские просторы^[19], в которых просто растаяла отлично вышколенная германская армия, растворившись без остатка, как кубик сахара в ведре воды.

Теперь, когда к этим естественным причинам добавились еще и русские из будущего, процесс разгрома вермахта должен был принять просто лавинообразный характер. С того момента, как в войну вмешались русские из будущего, среднесуточные потери вермахта возросли в несколько раз и постоянно продолжали увеличиваться. Один только фланговый удар по 2-й армии и ее последующий разгром стоили германским войскам таких же потерь, какие они понесли за все

предыдущие операции в Европе, вплоть до нападения на СССР. А ведь это только начало, дальше будет хуже. Если сначала пришельцы из будущего предпочитали действовать самостоятельно, то в последние дни они уже включали в состав сводных кампфгрупп крупные большевистские соединения, в первую очередь кавалерию и пехоту.

И, судя по тому, что эти операции были вполне успешны, большевики, в первую очередь генералы, очень быстро учились у своих дальних родственников. При этом такая перемешанность войск — русских из будущего и большевиков — представляла собой дополнительную сложность в выполнении его миссии. Ведь никто не даст гарантий, что, выбросившись с парашютом в районе предполагаемой концентрации войск пришельцев из будущего, он не окажется в лапах сотрудников НКВД или просто в расположении большевистских воинских частей. Одним словом, эту задачу еще предстояло решить. К тому же Гейдрих догадывался, что пока еще не все демоны выбрались на поверхность из межвременной дыры — уж слишком быстро там, в будущем, была уничтожена панцердивизия генерала Моделя.

Добравшись до аэродрома, Гейдрих сменил «Хорьх» из личной «конюшни» Гитлера на любимый «Фридрих», и со всей возможной быстротой вылетел в юго-восточном направлении. Дорогой он обдумывал окончательные черты своего будущего плана. Вопрос о том, вести ему или нет свою личную игру, на повестке дня даже не стоял. Конечно же, вести, двух мнений тут быть не могло. В конце концов, когда веселая карусель начинает превращаться в беспощадную мясорубку, с нее требуется спрыгивать, и как можно скорее; и такого рода переговоры — это замечательный повод покинуть уже проигравший лагерь под вполне благовидным предлогом и без потери лица. Несмотря на то, что он был одним из осведомленных людей в Третьем Рейхе, Гейдрих даже приблизительно не мог сказать, как отнесутся к его визиту по ту сторону времени. Все зависело только от того, насколько суровы с ним на допросах будут русские из будущего, будут ли они видеть в нем живого человека и сторону для переговоров или же только внезапно ожившего мертвеца, которого следует запихать обратно в его могилу.

В конце концов, он, Гейдрих даже немного сочувствует той России, которая там, у себя в будущем, в одиночку противостоит всей мировой плутократии. Точно так же, как веймарская Германия, та Россия, лишившись своей большевистской Империи, утратила многие исконные территории, была политически раздавлена и унижена. Точно так же, как и в Веймарской Германии, это чувство национального унижения подняло на

вершину власти сильного национального лидера, который принялся поднимать страну из праха унижения. И даже национальный состав внутренней контрэлиты, ставшей главной противницей этого возрождения, не сильно отличался от национального состава германской контрэлиты образца начала тридцатых годов. Вся разница только в том, что одна группа людей общалась на русском языке, а другая на немецком, ибо свой собственный язык был ими давно и прочно забыт.

Эти начальные условия были для двух государств общими, а вот дальше с самого начала начались фундаментальные расхождения, причиной которых была разница в национальных характерах и личных качествах лидеров, и эти расхождения превратили их в непримиримых антагонистов и даже, более того, в смертельных врагов. Гейдрих сомневался, найдут ли русские в себе хоть капельку милосердия и понимания для того, чтобы понять и принять Третий Рейх таким, какой он есть. Пока все говорило об обратном — Россия из будущего есть непримиримый враг, который не успокоится до тех пор, пока над разрушенным рейхстагом не взметнется алое Знамя Победы.

Зачем им останавливаться, когда они идут к этой цели семимильными шагами? Стратегия и тактика блицкрига уже потерпели крах, вермахт буквально истекает кровью в тяжелейших боях, что, вполне очевидно, в не столь отдаленном будущем приведет к вполне неизбежному поражению и капитуляции. Ведь и на прошлой Великой войне Германия капитулировала еще тогда, когда ее войска стояли на чужой территории, и причиной тому стало истощение экономики и людских ресурсов, и на этой войне обстановка может сложиться точно так же. В кровавой круговерти под Смоленском могут быть растрочены накопленные для войны материальные запасы и людские резервы, после чего германскому командованию останутся только два варианта — либо идти на почетную капитуляцию, либо готовиться к ответному вторжению русско-большевистских войск на немецкую территорию. И, как всякие победители, они будут безжалостны к побежденным врагам.

Также весьма сомнительна идея фюрера поссорить русских с их предками. Ведь это именно их предки; и когда они шли им на помощь, они заранее знали обо всех их достоинствах и недостатках. Иначе были бы невозможны смешанные подразделения, где солдаты двух армий перемешаны настолько тесно, насколько вообще это возможно. Нет, заниматься этим дурацким делом он не будет, а займется лучше устройством своей личной судьбы и судьбы своей семьи. Для этого он, Гейдрих, готов сделать буквально все. Надо еще обдумать, как это

провернуть, но желательно сделать так, чтобы фюрер думал, что он так и не добрался до русских из будущего, пропав без вести. Ему есть? что предложить русским из будущего и, не имея возможности спасти всю Германию, он спасет себя, свою жену и детей. Ничего личного, господа, такова жизнь.

31 августа 1941 года. 16:45. Брянская область, райцентр Сураж.

Патриотическая журналистка Марина Андреевна Максимова, внештатный корреспондент «Красной Звезды».

Известие о том, что нашим войскам удалось взять в плен самого Гудериана, прозвучало для меня как гром среди ясного неба. Неужели очередь дошла до фигур такого масштаба и близок тот час, когда мы вдребезги разгромим врага и погоним его на запад, до самого Берлина?

— Нет, — сказали мне знающие люди из штаба дивизии, с которыми я тут уже свела знакомство, — разгромить-то мы их тут, под Смоленском, разгромим, но погнать далеко на запад не получится, ибо Красная Армия еще далеко не та, какую бы хотелось. Хотя наши и стараются, обучая и вооружая своих предков, но пока даже лучшие части и соединения РККА не способны на то, на что они были способны в сорок пятом, или хотя бы в сорок третьем. А на одной экспедиционной группе российских войск войну не выиграть. Бьют наши солдаты гитлеровцев хоть и аккуратно, но больно, и все равно перемолоть весь вермахт они не в состоянии ^[20].

Но вернемся к милашке Гудериану с его седоватой прилизанной прической и наглой, улыбающейся во весь рот физиономией. Варвара, которая участвовала в допросе этого «сокровища», плевалась не переставая, как будто попробовала на язык ужасную гадость. Наглец, которому просто нет равных. Арийская спесь из него так и прет. Считает, что за то, что он сдался нам в плен, мы должны ему быть благодарны по гроб жизни. Мол, он настоящий гений применения танковых войск и глубоких операций, который сам пошел на сотрудничество с нами, и мы за это должны любить его, холить и лелеять.

Интервью, которое я с позволения армейского начальства при помощи Варвары взяла у этого деятеля, касалось в основном польской кампании тридцать девятого года и французской кампании сорокового года. Хвастливый рассказ о том, как он громил этих спесивых пшеков и заносчивых пожирателей лягушек, меня совершенно не впечатлил.

Надеюсь, хоть читатели и телезрители (процесс интервью снимал наш оператор), оценят этого «героя» по достоинству. Ну не любят у нас ни тех, ни других, особенно по жизни обиженных поляков. Или, возможно, публике понравится тот факт, что Быстроходный Гейнц свое уже отбегал и

больше не кусается. Короче, пока не знаю, потом увидим; хотя это все-таки первое интервью с немецким генералом такого уровня, захваченным в плен нашими экспедиционными войсками.

Рассказывая о двух месяцах войны на Восточном фронте, Гудериан скромно заметил, что невосполнимые потери в технике в его танковой группе за это время даже без нашего вмешательства составили сорок процентов. Еще он сказал, что если бы поле боя каждый раз не оставалось за германской армией, что позволило немецким ремонтникам чинить подбитые танки (некоторые по несколько раз), то техники в его танковой группе к настоящему моменту не осталось бы и вовсе^[21].

— Так одна победа питала следующую победу, — сказал он, — после каждого сражения мы теряли только часть сил, а большевики теряли все, ибо они не могли отремонтировать свои подбитые пантеры или хотя бы просто отвести в тыл исправную технику, потому что у нее закончилось горючее, которое никто не подвез. Ваши генералы как будто забывают о том, что пантеры нужно регулярно заправлять, что они нуждаются в запчастях и боеприпасах. Еще в ваших пантерах имеется много технических дефектов, а также различных конструкционных недоработок, что очень плохо. Русские пантеры, Т-34 или КВ — это очень хорошие танки с толстой броней, хорошей пушкой и мощным двигателем, но у них множество мелких недостатков, которые требуют обязательного устранения хотя бы в условиях походных мастерских, а еще лучше на ремонтном заводе с квалифицированным персоналом. Вы так торопились сделать побольше новых пантеров, что начали игнорировать качество сборки и задачу выпуска запчастей, а это неправильно...

Все это нам и нашим читателям (а также телезрителям) было хорошо известно, поэтому я попробовала изменить тему разговора, спросив душку Гейнца о том, как ему понравилась встреча с нашими российскими танкистами и мотострелками.

— О! — воскликнул Гудериан, — ваша армия — это шик, блеск, красота. Фигаро здесь, Фигаро там. Ужасная разрушительная мощь сочетается со стремительной быстротой. Подчиненные мне войска были просто уничтожены прежде, чем я успел это понять. Даже находясь в меньшинстве, вы способны разбить любую современную нам армию. Будь у меня такие войска, я бы, наверное, считал себя непобедимым. Ваша проблема в том, что вы выбрали себе не того союзника. Большевики не очень умны, поскольку идеологическую накачку они предпочитают боевой подготовке. Еще они подвержены марксистским догмам, которые мешают им рационально мыслить, а их тайная полиция уничтожает всех

талантливых командиров.

— Знаете, герр генерал, — рассвирепела я от пренебрежительного тона Гудериана по отношению к нашим предкам, — наша армия есть производная от Красной Армии. Наши непобедимые для вас дивизии и бригады есть плоть от плоти и кровь от крови той непобедимой и легендарной Красной Армии, которая в нашем прошлом в ходе боев с вермахтом набрала такую мощь, что вдребезги разгромила ваш хваленый вермахт без всякой посторонней помощи извне. Вся наша тактика и стратегия растут именно оттуда. Наши предки сражались за свои дома и семьи, а не за поместья с рабами, как ваши солдаты. Когда наш народ приходит в состояние благородной ярости, это действительно страшно. Столица вашего Рейха, город Берлин, тогда был просто уничтожен, и на его развалинах в глубоком бункере Рейхсканцелярии, ваш вождь Адольф Гитлер принял яд, находясь в состоянии отчаяния и страха перед возмездием за совершенные преступления. Его примеру последовали Геббельс и некоторые иные ваши бонзы. Остальных повесили по приговору специального международного трибунала в Нюрнберге, чтобы другим было неповадно повторять такие зверства.

Что касается вашего вермахта, то для него тоже все только начинается. Пришло время возмездия за все, что вы уже совершили или только собирались совершить. Поверьте мне, что пройдет еще немного времени, и встречи на поле боя с обычными красноармейцами ваши солдаты будут бояться не меньше, чем с нашими солдатами. Особенно с теми, кто побывал в вашем плену и не понаслышке узнал о том, что такое «новый арийский порядок». Такие бойцы хотят видеть немцев только мертвыми и не берут пленных. Ибо сказал о вас, о немцах, поэт: «Там, где ты его увидишь, там ты его и убей». Благородная ярость — она такова, свирепа и беспощадна. Наши предки будут вас убивать, а мы им в этом поможем — всей своей мощью и опытом, потому что такие, как вы, болваны, свято уверенные в своей национальной исключительности и праве на любые зверства, не должны существовать на этом свете ни в каком виде. И вот, когда мы — и предки и потомки вместе — разгромив ваш вермахт и убив всех немцев, способных носить оружие, придем к вам в Германию, на руины Фатерлянда, когда Третий Рейх будет повержен и его труп уже начнет вонять, когда ваши голодные старики, женщины и дети выстроятся в очередь к нашим полевым кухням за порцией бесплатного супа — только тогда мы позабудем о ярости и вспомним о милосердии к ближнему. Только тогда, и ни минутой раньше, герр Гудериан!

Говорят, что когда я произносила свою отповедь, то была похожа на

разъяренную фурию, готовую лично вцепиться в лицо германскому генералу и выцарапать его мерзкие бесцветные глазенки. После этих моих слов, которые Варвара переводила на короткие, будто нарубленные топором немецкие фразы, из улыбающегося самодовольного болванчика Гудериана будто выпустили воздух. Он весь как-то сник, плечи его опустились, а нарисованную на наглой морде лица улыбку будто стерли ластиком. Видно, сильно я достала его спесивое и самодовольное внутреннее я. Так ему, гаду, и надо, тоже мне — гений танковой войны.

А ведь я знала, о чем говорила. За день до этой встречи я с разрешения командования на несколько часов выезжала в Брянск нашего мира прошвырнуться по магазинам, ибо девушке в походной жизни нужно множество простых и вроде бы незаметных вещей — от, простите, прокладок с «крылышками» и свежего нижнего белья, до пакетиков растворимого кофе. Эта поездка произвела на меня неизгладимое впечатление, потому что до нее я целых десять дней была отрезана от жизни в нашем времени, погрузившись в проблемы сорок первого года. Жаль только, что Варвару мне с собой взять не разрешили. Во-первых — у нее еще не были готовы документы, необходимые для пребывания на российской территории, а во-вторых — после того как наши прорвали фронт и как следует звизданули гитлеровцев промеж глаз, у переводчиков стало слишком много работы.

Я видела, что наша база у портала растет как на дрожжах, что взлетную полосу временного аэродрома из сборных металлических элементов спешно заменяют на собранную из уложенных в пять-шесть слоев бетонных плит. А это значит, что достаточно скоро на этой стороне, в сорок первом году, смогут работать наши самые тяжелые самолеты. Я видела, как в экстренном порядке специально к portalу через леса, болота и реки тянут высоковольтную ЛЭП. Я видела, как идут в портал колонны груженных всем необходимым для войны окрашенные в армейскую расцветку «Уралы», и ни один из них не возвращается назад. Говорят, эти машины хорошо подходят для буксировки советских орудий крупного калибра, которые по характеристикам мало чем отличаются от наших, только уж больно тяжелые. Ярость, она ведь может иметь и чисто материальное измерение.

Кроме материальной ярости, бывает и чисто человеческая. Вся страна в едином порыве (кроме группки мерзких отщепенцев) считает, что враг непременно должен быть разгромлен и победа должна быть за нами. Я видела не уменьшающиеся с начала операции очереди у военкоматов, в которых стояли и взрослые солидные мужики, и совсем еще молодые

пацаны. Говорят, что раньше искали механиков-водителей, наводчиков и командиров орудий, а теперь из приходящих на переключку выкликают командиров запаса на уровне — взвод, рота, батарея, батальон, дивизион. Во время последних рейдов освобождено много рядовых и сержантов, а вот командирский состав или погиб в боях, или был расстрелян немцами перед самым освобождением. Мы победим, несмотря ни на что, и отомстим врагу за всех невинно замученных советских людей. Обязательно отомстим!

31 августа 1941 года, 22:45. Москва, Кремль, кабинет Верховного Главнокомандующего Присутствуют:

Генеральный секретарь ЦК ВКП(б), председатель Совнаркома и нарком обороны — Иосиф Виссарионович Сталин;

Председатель Президиума Верховного Совета СССР — Михаил Иванович Калинин;

Нарком иностранных дел — Вячеслав Михайлович Молотов;

Начальник генерального штаба РККА — маршал Борис Михайлович Шапошников.

Делегация СССР-1941, побывавшая с официальным визитом в РФ-2018, сразу после возвращения, прямо с самолета, явилась к Вождю для отчета. Так уж получилось, что с первых же минут разговор пошел о праздновании Первомая в 2018 году, на котором неофициально побывала советская делегация.

— Ну в самом деле, товарищ Сталин, что попало — как говорится, и смех и грех, — посмеиваясь, сказал Калинин, — представьте — на Первомайской демонстрации колонна монархистов под желто-бело-черными прапорами, портретами Петра Первого, Екатерины Второй и вашими. И черно-желтый лозунг «Верните народу Сталина!»

— И лесбиянки, идущие практически в одной колонне с коммунистами! — угрюмо добавил Молотов. — Хотя, какие это коммунисты? Один грех, без всякого смеха!

— Одним словом, — подвел итог маршал Шапошников, — не первомайская демонстрация, а бродячий цирк на колесах. Хотя ваших портретов было предостаточно не только в колоннах у монархистов. Повсюду значки со Сталиным, открытки, обложки журналов. На Красной площади фотографы предлагают всем желающим сфотографироваться с картонным Сталиным в мундире генералиссимуса образца сорок пятого года. Особенно на это падки всяческие иностранцы: англичане там, американцы, французы и прочие участники антигитлеровской коалиции. Но попадаются и немцы с итальянцами. То ли потомки разных там антифашистов, то ли желающие просто пощекотать себе нервы.

Вождь вытащил изо рта погасшую трубку и, ухмыльнувшись в рыжие усы, произнес:

— Прямо какая-то сталиномания вперемешку с культом личности получается, товарищи. Нам, конечно, приятно, что товарища Сталина уважают и даже любят, но это не отменяет того факта, что вся эта любовь и уважение предназначены товарищу Сталину, так сказать, лично и даже самая малая их толика не достались партии большевиков, которую товарищ Сталин возглавлял на протяжении почти тридцати лет своей жизни...

— Все дело в том, Коба, — ответил опутивший голову Молотов, — что эта самая партия отреклась от товарища Сталина, низвергла его статуи с пьедесталов и сняла его портреты со своих знамен. Да и на настоящих большевиков тамошние коммунисты похожи не больше, чем курица на могучего орла. Какое же у этой партии теперь право хотя бы на тень его славы?

— А, ладно, Вячеслав, — махнул рукой Сталин, — что было ТАМ, в будущем — то было. Кто убит — тот убит, кто бежал — тот бежал. Мы этого ТАМ уже никак не изменим и можем изменить только у СЕБЯ. Настоящих большевиков из тамошних коммунистов все равно уже не сделать, поэтому, товарищи, давайте лучше вернемся к нашим текущим проблемам. Вячеслав, скажи, как обстоят наши дела на дипломатическом фронте?

— Нормально обстоят, Коба, — ответил Молотов, — большой любви, кроме как у коммунистического китайского руководства, мы там нигде не снискали, но и особой враждебности, за исключением Украины, Грузии, Молдавии и стран Балтии, которые выдумали себе советскую оккупацию, тоже не имеется. Уж слишком мрачную и неприятную память оставил после себя Гитлер, и любой, кто хотя бы косвенно встанет на его защиту, рискует навсегда испортить себе политическую карьеру. Германия — та, например, делает вид, что ей сейчас не до нас, и вообще ничего особенного не происходит. Тем более что гитлеровская армия успела очень нехорошо отметиться и на той стороне, и этим фактом уже ткнули в лицо тамошнему немецкому руководству, робко поинтересовавшемуся судьбой своих соплеменников, якобы случайно вторгшихся в двадцать первый век.

— Пока вы, Вячеслав, — ехидно сказал Вождь, — прохлаждались на первомайских демонстрациях и любовались на шествия монархистов, лесбиянок и недокоммунистов, тут у нас российский экспедиционный корпус нанес германцу контрудар под Кричевым, смял боевые порядки и разгромил вторую танковую группу гитлеровцев. Удар был настолько внезапным и таким стремительным, что в Кричеве российскими

танкистами были захвачены врасплох ее штаб и тыловые учреждения вместе с огромными материальными запасами. Вместе со всем своим штабом в плен попал сам Гудериан, и одна ушлая российская журналистка даже успела взять у него интервью. Вот полюбуйте, прислали для ознакомления.

С этими словами Сталин передал Молотову два листа писчей бумаги, склотых скрепкой и испещренных красными пометками поверх текста, отпечатанного с помощью лазерного принтера. Молотов прочел переданные бумаги, удовлетворенно хмыкнул, и со словами: «Все, отбегался, подлец, больше гадить не будет» передал текст интервью маршалу Шапошникову.

В ответ на вопросительный взгляд последнего Сталин пояснил:

— Есть мнение, что необходимо немного подкорректировать этот материал и в самое ближайшее время поставить его в «Красную Звезду». Уж больно хорошо товарищ Максимов в конце повозила спесивого германца мордой по столу. Да и чисто в психологическом плане нашим людям будет полезно узнать из первых рук, что победили бы мы германца в любом случае, и помощь потомков — это не вопрос жизни и смерти нашего государства рабочих и крестьян, а вопрос большего или меньшего количества людских потерь и материальных разрушений. Кроме Гудериана и его штаба, в Кричеве был захвачен и сопровождавший их повсюду походный бордель. Так вот, теперь есть мнение, что этих дамочек, которые ни в коем случае не являются комбатантами, следует передать Германии двадцать первого века — так сказать, в знак доброй воли. И российские товарищи тоже не против такого хода. Посмотрим, как на этот шаг отреагирует Берлин две тысячи восемнадцатого года.

Молотов кивнул — мол, он понял, и все сделает, Сталин же перевел взгляд на маршала Шапошникова.

— Борис Михайлович, — сказал он, — доложите, как обстоят дела по части военного сотрудничества с нашими российскими союзниками.

— Во-первых — доложил начальник Генерального Штаба РККА, — новых сухопутных частей и соединений в составе экспедиционной группы войск не будет. Три дивизии, две бригады и несколько спецчастей усиления, и на этом все. В дальнейшем усиливаться будет только ракетная и авиационная компонента. Во-вторых — пропускная способность того, что потомки называют межвременным порталом, увеличилась, и дополнительные мощности будут использованы для того, чтобы поставить нашей армии вооружение и боеприпасы с их мобилизационных складов.

В первую очередь это будут единые пулеметы Калашникова под

винтовочный патрон образца восьмого года и ручные противотанковые гранатометы для нашей пехоты, которые сильно осложняют жизнь немецким танкистам, а также средства связи с системой кодирования для танковых и авиационных войск. В-третьих — идут переговоры о формировании своего рода интербригад. Бойцы и командиры с боевым опытом и не только российским гражданством согласны воевать на нашей стороне под полностью нашим командованием. Просто лимиты на пополнение экспедиционной группы войск достаточно жесткие, и желающих воевать на нашей стороне гораздо больше, чем вакантных мест.

— Ну это же просто замечательно, — воскликнул вождь, — то, что люди на демонстрациях таскают портреты товарища Сталина — это одно, а вот то, что они рвутся в бой с немецкими фашистами и это явление достаточно массовое — это совсем другое дело. С портретом ходить может каждый, а вот воевать пойдет только настоящий человек.

Закончив эту фразу, Сталин вопросительно посмотрел на Михаила Ивановича Калинина, но тот легким пожатием плеч дал понять, что его встречи с руководством Госдумы, Совета федерации и правящей партии «ЕР» носили исключительно рабочий характер, и отдельно докладывать пока что нечего. После этого Верховный дал понять присутствующим, что аудиенция завершена и всем пора покинуть его кабинет.

Когда товарищи, собрав свои бумаги, вышли, Сталин принялся не спеша набивать свою любимую трубку, при этом продолжая размышлять, как бы ведя диалог с самим собой. Ведь хоть Махатма Ганди еще не умер, откровенно поговорить товарищу Сталину зачастую также было не с кем. Некоторые вопросы он не мог обсудить даже с Берией, которому доверял почти безгранично.

«А если серьезно, — думал он, — то мы с вами, товарищ Сталин, прекрасно знали о том, что некоторые наши не такие уж и далекие потомки, большая часть из которых уже ходит по нашей земле своими ногами, а других мамы еще возят в колясках, просрали большевистскую идею, оставив от нее пустую выхолощенную догмами оболочку. Мы в том мире сумели выиграть войну и защитить страну от первого самого страшного натиска мирового империализма, а они, имея уже наработанный нами фундамент, вдребезги проиграли мирное соревнование двух систем. В результате краха большевистской, коммунистической идеи случился крах СССР, который, как говорит коллега Путин, стал величайшей геополитической катастрофой двадцатого

Вы спросите, что из этого следует, товарищ Сталин? А следует то, что нам надо гораздо серьезней отнестись к кадровому вопросу. Сейчас мы

занимаемся подбором кадров, но, как показала будущая история, все это полумеры. Кадры для руководства партией и государством надо специально выращивать, и при этом не бояться того, что на десять тысяч тонн руды, взятой в первоначальную обработку, выйдет только один грамм драгоценного радия. Сейчас мы обдумываем целую систему, которая позволяла бы брать людей из народа и при наличии соответствующих качеств обучала бы их и продвигала на вышестоящие посты. А если таких качеств нет или они оказались исчерпаны, автоматически сбрасывала бы неподходящих людей на нижележащие уровни, не доводя дело до судебных процессов и расстрелов.

Иначе никак, товарищ Сталин! Потому что, когда мы чистим партию, как говорят в будущем, с помощью репрессий, то вместе с грязной водой выплескиваем и множество полезных людей, на которых написали доносы разные карьеристы. И эти кампании внушают нормальным людям страх и отвращают их от партии. А когда мы вообще не чистим партию от враждебных элементов или просто бездельников, то она очень быстро начинает гнить, и сгнивает в итоге до основания, как это и произошло в восьмидесятых годах в прошлом наших потомков. Сейчас последнюю чистку производит война. Она же показывает нам, кто из наших товарищей чего стоит, и она же, с другой стороны, забирает у нас самых лучших и достойных людей. Так вот, сейчас наша задача, как настоящих большевиков, сделать так, чтобы эти лучшие и достойные смогли себя показать и в то же время чтобы они остались живы, а трусы, паникеры, бездельники, дураки и карьеристы были бы беспощадно отсеяны и больше не засоряли собой нашу партию. И решить эту задачу не менее важно, чем выиграть войну. Иначе чего мы стоим как большевики, если не сможем избежать уже известных нам ошибок и ловушек...»

1 сентября 1941 года, 10:15. Ближние окрестности Кричева

Командующий 56-м моторизованным корпусом генерал пехоты Эрих фон Манштейн

Вот уже второй день, в окрестностях этого небольшого городка (16 тысяч жителей) шли ожесточенные бои, сковывающие все больше и больше резервов вермахта. На Мстиславльском направлении действовал 56-й моторизованный корпус (8-я панцердивизия, 3-я моторизованная дивизия и моторизованная дивизия СС «Тотенкопф»), который был срочно переброшен из-под Старой Руссы, где осталась недобитая им 34-я армия большевиков, которая в итоге сумела вырваться из окружения, сохранив костяк своего боевого состава.

Передовые части 56-го моторного корпуса (разведывательные и

мотоциклетные батальоны), продвигающиеся к Кричеву со стороны Мстиславля, по своему обыкновению, с ходу атаковали позиции большевиков, но большого счастья им это не принесло. В частности, многострадаальный^[22] 3-й мотоциклетный батальон СС моторизованной дивизии СС «Тотенкопф» вечером 30-го августа под селением Лобковичи с ходу влетел в грамотно организованную стрелково-артиллерийскую засаду, где и был истреблен до последнего человека. Как там доподлинно было дело, никто не знает, но шквальная стрельба из пулеметов и автоматических мелкокалиберных пушек (что обычно характерно для «марсиан») разносилась очень далеко.

Следовавший в авангарде основных сил дивизии 1-й мотопехотный полк дивизии СС «Тотенкопф», попытался прийти на выручку попавшей в неприятности разведке, но при попытке приблизиться к деревне Селец сперва напоролся на плотный заградительный огонь артиллерии, а потом на перекрестный обстрел из стрелкового оружия, станковых пулеметов и автоматических пушек. Ожесточенный бой с применением всех видов оружия шел до темноты, после чего пехотные части большевиков при поддержке моторизованных подразделений «марсиан» перешли в ночную контратаку, закончившуюся разгромом 1-го мотопехотного полка дивизии СС «Тотенкопф» и его беспорядочному отступлению по направлению обратно к Мстиславлю. При этом большие потери понес также артиллерийский полк дивизии СС «Тотенкопф», ввязавшийся в контрбатареиную борьбу с артиллерией «марсиан», имевшей более совершенные средства артиллерийской разведки и управления огнем и большую дальность стрельбы.

Примечание авторов: на самом деле в контрбатареинной борьбе участвовала сводная гаубичная артиллерийская бригада, имевшая в своем составе 18-ть российских САУ2 СЗ и 18-ть советских пушки-гаубицы МЛ-20 буксируемых трехосными полноприводными тягачами «Урал». Еще одна такая сводная артиллерийская бригада действовала на Славгородском (Пропойском) направлении против 41-го моторизованного корпуса генерала Рейнхарта. Сильно потрепанные в предыдущих боях с частями экспедиционной группы войск 46-й и 47-й моторизованные корпуса, дислоцированные в районе Рославля, тоже перешли в наступление в направлении Кричева, но поскольку лесисто-болотистая местность на том направлении не благоприятствовала действиям подвижных соединений, потери на этом направлении были велики, а темп продвижения незначителен и без привлечения сил экспедиционной группы войск.

Немного больше повезло разведке 3-й моторизованной дивизии — в районе села Ходосы она наткнулась на спешно оборудуемый рубеж полевой обороны большевиков (при поддержке несколько моторизованных подразделений «марсиан») и после короткого боя тут же отскочила обратно. Как доложил командир моторизованного разведывательного батальона вермахта, его часть была не в состоянии бодаться лоб в лоб с мотострелковой ротой и танковым взводом «марсиан», которые поддерживали окапывающийся стрелковый полк РККА. В этом месте немцы отделались легким испугом, а также четырьмя сожженными грузовиками и тремя бронетранспортерами. А может, эта легкость потерь в разведывательном батальоне вермахта объяснялась тем, что все самое лучшее было выделено для как можно более полного уничтожения именно эсэсовской части.

В итоге, как уже говорилось, и у Селец, и Ходосы уже двое суток шли вязкие, как патока, бои на прорыв обороны большевиков, которая пока держалась, а все вклинения и тактические успехи немецких войск тут же парировались действиями механизированных подразделений «марсиан», находящихся во втором эшелоне. Впрочем, иметь дело с окопавшейся большевистской пехотой тоже оказалось не так легко. Почти сразу выяснилось, что большевистская оборона оказалась насыщена большим количеством пулеметов, по своим тактическим характеристикам ничуть не уступающим знаменитому немецкому пулемету МГ-34. Шквальный пулеметный огонь не особо способствует успеху пехотных атак, когда цепи в фельдграу либо прижимаются очередями к земле, либо скашиваются под корень, как пшеница косой.

Попытка поддержать действия пехоты самоходной артиллерией и танкерами тоже обернулась конфузом, потому что в руках у большевиков в большом количестве оказалось совершенно новое оружие — скорее всего, переданное им «марсианами». Реактивные противотанковые гранатометы на расстоянии сто-двести метров с легкостью расправлялись даже с крепколобыми «штугами», что было не под силу «сорокопяткам», с которыми немецкие танкисты имели дело ранее. Попытка ввести в бой со стороны Мстиславля 8-ю панцердивизию не привела ни к чему, кроме дополнительных потерь в людях и технике. То, что у немецких зольдатенов легко получалось всего две недели назад, теперь оказалось невозможным. Несмотря на весь тевтонский натиск, фронт большевиков держался, а в самые критические моменты в дело вмешивались «марсиане» и нейтрализовали многообещающий прорыв. К тому же большевистская пехота дралась яростно-самоотверженно, то и дело поднимаясь в короткие

злые штыковые контратаки и категорически отказываясь сдаваться в плен [23].

Кроме всего прочего, сущим наказанием для частей вермахта и СС стали налеты авиации «марсиан», которые от действий большими группами перешли к нанесению ударов парами и четверками. От этих стремительных машин, подкрыльевые пилоны которых, как правило, были сплошь увешаны различными вооружениями, немецкой пехоте и панцерам не было никакого спасения. Да что там говорить — немецкие зенитки могли лишь слегка оцарапать их броню, а истребители просто не догоняли их на прямой, в то время как эти машины оказались настоящими королями поля боя, уничтожая на марше целые подразделения вермахта, а также колонны с топливом и боеприпасами.

В то же время поддержка сухопутных частей со стороны люфтваффе упала почти до нуля. Генерал Манштейн с горечью отмечал, что немецкие летчики просто отказываются даже близко подлетать к тем местам, где могут оказаться подразделения «марсиан», потому что у тех в больших количествах имеются ракетные противосамолетные снаряды, которые вроде бы даже сами наводятся на немецкие самолеты. По крайней мере, иначе объяснить точность, с которой они попадают в цель, просто невозможно. А в последнее время такие снаряды стали появляться и руках большевистской пехоты — правда, не везде, а только там, где она действует рука об руку с «марсианами». Но даже это означает, что немецкие войска на самых важных участках фронта полностью лишились авиационной поддержки.

С точки зрения военного офицера-профессионала, которым, несомненно, был Манштейн, ситуация выглядела даже более чем безнадежно, но, в отличие от Гудериана, у него ни на секунду не возникало даже мысли о сдаче в плен к большевикам или даже «марсианам». Все дело было в том, что по приказу Манштейна подчиненные ему войска активно участвовали в репрессиях против мирного советского населения, выискивая и уничтожая евреев, коммунистов, комсомольцев и политработников, из-за чего генерал вполне обосновано опасался, что сразу после попадания в плен (без разницы — к большевикам или к «марсианам»), его неминуемо ждет расстрел.

1 сентября 1941 года. 14:55. Аэродром люфтваффе в окрестностях Могилева.

группенфюрер СС Рейнхард Тристан Ойген Гейдрих

Перед полетом, который должен был стать для него последним, Гейдрих вместе с механиком тщательнейшим образом проверил готовность

к вылету своего истребителя. Таков незыблемый порядок в военной авиации любой страны, без различия того, какие опознавательные знаки нанесены на плоскости и хвостовое оперение летательных аппаратов, и его нарушение немедленно становится предметом служебного расследования. Гейдрих, естественно, не хотел привлекать к себе лишнего внимания и делал все по инструкции. Кроме всего прочего, ему не удалось отделаться от навязанного ему ведомого.

Теперь у молодого (чуть за двадцать) белобрысого парня по имени Михель могло быть только две судьбы. Или он гарантированно погибнет еще до того, как Гейдрих приведет в исполнение свой замысел, или, вернувшись из боевого вылета, сообщит, что группенфюрер СС Рейнхард Тристан Ойген Гейдрих героически погиб в жестоком бою с большевиками.

При этом, разумеется, на самом деле Гейдрих и не собирался умирать, и поэтому крайне тщательно обдумывал эту почти неразрешимую задачу. По всему у него выходило, что мальчишке лучше бы умереть сразу, а то, пытаясь имитировать свою смерть, можно гробануться самым настоящим образом, чего Гейдрих делать не собирался. В последнее время немецкие пилоты старались даже близко не подлетать к линии фронта, которая выгнутой внутрь дугой протянулась от Гомеля до Брянска, потому что эта черта и лежащее за ней пространство превратились для люфтваффе в территорию смерти. Любой появившийся над ней германский самолет будет немедленно сбит — неважно, окажется это высотный разведчик-бомбардировщик «Юнкерс-86» или легкий связной «Шторьх». И при этом зенитчикам «марсиан» не требуется огромного количества орудий, заляпывающих небо шапками разрывов.

Пилоты люфтваффе уже знали, что в таком случае на земле появляется рукотворная туча дыма и пыли, отмечающее то место, где прячется «марсианская» пусковая установка зенитных ракетных снарядов. Потом из этой тучи в небо возносится стремительный снаряд, сияющий яростным факелом реактивного выхлопа и, разматывая за собой белую, чуть курчавую полосу дыма, устремляется в голубые небеса навстречу очередному немецкому самолету. Конец таких историй неизбежно одинаков — вспышка разрыва мощной боеголовки гораздо мощнее, чем у любого зенитного снаряда, и беспорядочно падающие вниз обломки того, что еще недавно было разведчиком, бомбардировщиком или истребителем. Спасти от таких снарядов не удавалось еще никому.

А иногда, когда речь идет о небольших снарядах, предназначенных для борьбы с низко летящими самолетами, на земле вообще может не быть никакой установки для пуска ракет. Их прямо из стрелковой цепи или с

брони танков запускают солдаты, имеющие в руках характерную толстую трубу. В последнее время такие стрелки с трубами в большом количестве стали появляться не только у «марсиан», но и у сражающихся рядом с ними большевиков, что означало, что в любом случае полет в запретную зону будет с билетом только в один конец. Конечно, такая насыщенность боевых порядков противника средствами ПВО облегчает задачу устранения ведомого, но в то же время увеличивает ненужный риск, что зенитные стрелки «марсиан» или большевиков устранят не ведомого, а самого Гейдриха, или же их обоих.

Выход в таком случае у Гейдриха был только один — сбить Михеля самому, а потом огородами, то есть болотисто-лесистыми массивами, на высоте бреющего полета попытаться проникнуть вглубь запретной зоны и там выброситься с парашютом или попробовать совершить вынужденную посадку на подходящем месте. При этом ему еще надо будет умудриться сделать так, чтобы не просто остаться в живых, но еще и попасть в руки русских из будущего, а не банальных большевиков. От последних Гейдрих вообще не ждал ничего хорошего, а русские из будущего казались ему людьми разносторонними и идеологически не зашоренными, раз уж они в конце концов отказались от коммунизма. В любом случае ему надо постараться подлететь как можно ближе к главной базе пришельцев из будущего, расположенной прямо возле пункта перехода, и лишь потом переходить к выполнению остальных пунктов своего гениального плана.

Подумав об этом, Гейдрих пожелал, чтобы находящемуся сейчас в аду генералу Моделю черти подкинули свежих дровишек под котел и пошерудили в углях кочергой. Угораздило же именно этого тупицу и фанатика найти проход в иной мир и наломать там ужасных дров. Сам Гейдрих считал, что он не меньше таких, как Модель, предан национал-социалистической идее, но при этом ведь ради пользы дела в любой идее нужно уметь делать исключения, а то можно случайно разбудить такое лихо, которое сожрет и саму идею, и ее последователей. Но после того, как отвалилась голова, уже поздно рвать волосы на заднице.

Потом он подумал, что всего, что может с ним произойти, заранее не предусмотреть, а поэтому, как говорил Наполеон, надо сперва ввязаться в бой, а там будет видно. Он, Гейдрих, умный и везучий, и поэтому непременно выкрутится из любого, даже самого опасного, положения.

час спустя, примерно в сорока километрах западнее межмирового портала.

группенфюрер СС Рейнхард Тристан Ойген Гейдрих

Все оказалось даже проще, чем Гейдрих первоначально планировал.

Позади остался рухнувший в бездонное болото объятый пламенем мессершмидт Михеля, доверчиво подставившего хвост своему именитому ведущему. От очереди из пушки и двух синхронных пулеметов в упор не спасает никакая броня. Гейдриха «утешало» то, что мальчишка, скорее всего, был убит сразу и нисколько не мучился, а скорее всего, не успел даже испугаться. Избавившись от спутника, группенфюрер СС вышел на связь и взволнованным голосом сообщил, что атакован группой большевистских истребителей, после чего прострелил рацию из своего парабеллума и, снизившись до высоты бреющего полета, взял курс на юго-восток.

Изучив перед полетом карту, Гейдрих установил, что ему предстоит пересечь три крупных реки, и что русло последней из них, с названием Ипуть, приведет его почти туда, куда надо, надо только вовремя взять курс ровно на запад от одной очень приметной излучины. Да-да, в те времена, до изобретения спутниковой навигации именно так и летали, по наземным ориентирам: шоссейным и железным дорогам, руслам рек, берегам морей и озер, линиям электропередач, и так далее и тому подобное. Во время массовых бомбежек городов ориентиром для следующих волн бомбардировщиков в дневное время становились дым, а в ночное — зарева пожаров. Именно поэтому особо сложными считались полеты над открытым морем, на поверхности которого вообще нет видимых ориентиров, и в ночное время, когда противник применяет светомаскировку. Впрочем, малонаселенная, почти без дороги и деревень, болотисто-лесистая местность очень бедна на ориентиры, и в этом отличается от открытого моря только наличием речных русел, которыми для ориентировки и собирался воспользоваться Гейдрих.

Но, впрочем, его полет по столь скудным ориентирам привел к довольно неожиданному, хотя и достаточно благополучному финишу. Когда его «Фридрих» еще не долетел до русла третьей реки, опираясь на которое, он собирался начать поиск базы пришельцев, навстречу ему попала винтокрылая каракатица. Из инструктажа, который ему пришлось прослушать после возвращения на фронт, Гейдрих знал, что эта тварь очень опасна — при первом же удобном случае она пускает в самолеты люфтваффе самоприцеливающиеся ракетные снаряды, а также ведет огонь из мощной и очень точной пушки. Первая очередь, сверкая яркими огоньками трассеров, прошла выше мессершмидта Гейдриха, вторая — ниже. Пилот «марсиан» играл с ним, как кот с беспомощной мышью. Конечно, дав полный газ мотору, Гейдрих имел все шансы оторваться от решившего поиграть охотника, но тогда вслед ему полетела бы

самоприцеливающаяся ракета, от которой «Фридриху» было уже не уйти.

Тогда группенфюрер СС в знак сдачи выпустил шасси, а потом, не будучи уверен, что «марсианин» поймет его жест правильно, сорвал с шеи белый шелковый^[24] пилотский шарф и, приоткрыв «форточку» фонаря кабины, выпустил наружу его трепещущий конец, как некоторый эрзац белого флага капитуляции. Пилот «марсиан» этот намек понял и еще одной очередью трассеров указал Гейдриху направление, в котором тому следует лететь. Вот так, время от времени подправляя курс своей жертвы короткими пушечными очередями, «марсианин» и привел Гейдриха на свой аэродром.

В последний момент перед посадкой заместитель Гиммлера еще успел удивиться открывшейся ему картине с рядами самолетов весьма угрожающего вида, непонятным сооружением с вращающейся плоской панелью и старым русским трехцветным флагом на высоком флагштоке. Но выпущенные колеса «Фридриха» уже чиркнули по металлическим плитам сборного покрытия, Гейдрих выключил мотор, и постепенно замедляющийся мессершмидт покатился по полосе прямо к группе бегущих ему навстречу солдат в незнакомой военной форме.

В этот момент Гейдрих подумал, что первая часть его плана успешно выполнена, теперь осталась сушая мелочь — показать пришельцам из будущего, что живой и добровольно сотрудничающий он будет им полезней, чем мертвый или переданный в руки большевиков.

1 сентября 1941 года. 17:25. Брянская область, райцентр Сураж.

Учительница немецкого языка и дворянка Варвара Ивановна Истрицкая.

— Варвара Ивановна, — сказал мне начальник разведки экспедиционных сил полковник Семенцов, — сегодня, пожалуйста, задержитесь на службе. К нам везут очень важного клиента, который нуждается в экстренном допросе. Если вы голодны, то у вас еще есть четверть часа, чтобы перехватить чего-нибудь в буфете и вернуться на рабочее место. Одним словом — одна нога здесь, другая тоже здесь.

Как говорила моя подруга из будущего Марина Андреевна: «Именно такой образ жизни и приводит к преждевременному гастриту и язвам. Кушай быстро, кушай всухомятку, кушай не в одно и то же время — и больничная койка вперемешку с мучительными болями тебе обеспечены...». Но что поделать, если я сама напросилась на такую службу с ненормированным рабочим временем... но зато тут хорошо платят, и уже на свой первый аванс я смогла закупить в «Военторге» потомков столько всякой всячины, что мама чуть не упала от вида всего этого в обморок. А

как же иначе — ведь тащить пакеты, кульки и свертки мне помогали сразу трое парней.

Одним словом, быстро, просто стремительно, перекусив, я торопливо допила свой стакан какао, и, цокая каблучками, взбежала по лестнице на второй этаж, где в комнате для допросов меня уже ждал полковник Семенцов и молодой юноша-сержант по имени Сергей, который вел протоколы допросов, несмотря на то, что все фиксировалось на аудио-видео записи. И я пришла как раз вовремя. Через окно было видно, как к зданию штаба подъехала бронированная легковая машина потомков, которую они называют «Тигр», и оттуда двое крепких бойцов вывели худого высокого человека в немного помятой черной форме.

— Жирный нам, однако, попался сегодня лосось, — в предвкушении потер руки полковник Семенцов, как будто и в самом деле собирался съесть этого пленного.

— Да какой же он жирный, Павел Сергеевич, — наполовину в шутку, наполовину всерьез возразила я полковнику Семенцову, — вы посмотрите на него — кожа да кости, и нос торчит, как плавник. И не понимаю — чему вы так радуетесь? Он же эсесовец — а значит, упрямый и злой как собака. Помните того унтерштурмфюрера? Сколько вы с ним мучились, а заговорил он только после укола...

— Варенька! — воскликнул неожиданно развеселившийся полковник Семенцов, — жирный этот эсесовец не свои телом, а тем, что мы можем из него выжать. Поверьте, тем, что мы с него возьмем, можно будет намазать не один бутерброд. И вообще, этот тип не такой храбрый и упрямый, как вам это кажется. Он, можно сказать, сам сдался нам в плен, но весь цимес даже не в этом, а в том, как этого персонажа зовут. Это, собственной персоной, начальник главного управления имперской безопасности группенфюрер СС, то есть генерал-лейтенант, Рейнхард Тристан Ойген Гейдрих, чтоб ему было пусто. То ли третий, то ли четвертый человек в Рейхе — и у нас в гостях. При этом надо понимать, что он сам, добровольно, перелетел на своем мессершмigte через линию фронта и, совершив посадку на нашем аэродроме, добровольно сдался к нам в плен.

— Ничего не понимаю, — сказала я, — как же это получается, что такой важный человек — то ли третий, как вы сказали, то ли четвертый человек у фашистов — вдруг сам перелетает через фронт и сдается в плен?

— Варенька, — уже серьезно спросил Семенцов, — вам такая фамилия «Гесс»

В ответ я только замотала головой, потому что не знала никакого Гесса.

— Ох, — вздохнул полковник, — это такая важная персона в окружении Гитлера, которая накануне нападения Германии на СССР на самолете перелетела в Англию с целью сдаться британским властям и предложить им варианты действий — от временного перемирия до совместного нападения на СССР. Черчилль посадил этого Гесса в тюрьму, где он сейчас и сидит. Если Гейдрих, подобно Гессу, привез нам предложения, от которых нельзя отказаться, то это значит, что там, в Берлине, уже поняли, насколько близко к их задницам подкрался суровый Полярный Лис, и, отчаянно не желая признавать реальность, послали к нам этого Гейдриха с предложением договориться.

Я не поняла и половины из того, что мне говорил полковник Семенцов, особенно про полярного лиса, но главное все же уловила, и потому спросила:

— И что, Павел Сергеевич, вы действительно будете договариваться с этими фашистами?

— А вот черта с два, — ответил полковник, — никаких переговоров. Нацизм — это такой зверь, который хорош только мертвым. Впрочем, наше начальство может поморочить Гитлеру голову видимостью таких переговоров, но и видимость штука рискованная, потому что даже видимости такого поворота народ не поймет — ни здесь, ни там, у нас. А сейчас т-с-с, формальности в канцелярии закончены и клиента уже ведут к нам бриться.

Мне, сказать честно, с одной стороны, было интересно посмотреть, каков он из себя — третий или четвертый человек в Рейхе, а с другой стороны, от ожидания прихода этого Гейдриха мне было боязно и немного противно. Не выветрились еще страх и отвращение, навеянные немецкой оккупацией. И вот открылась дверь — и вошел высокий, худой как цапля, лохотный персонаж с прилизанными светлыми волосами, на лице которого, подобно горному пику на равнине, выделялся огромный, немного помятый румпель горбинкой. Очевидно, в недалеком прошлом его и так не вызывающее симпатий личико кто-то попытался отриховать с помощью кулаков^[25].

— Садитесь, — полковник Семенцов указал визитеру прикрученный к полу вращающийся стул, — давайте начнем с самого простого — назовите мне свои фамилию, имя, звание и цель прибытия на территорию, контролируемую нашими войсками. Только не надо мне заливать о том, что вы тут оказались совершенно случайно или что вас силой заставили перейти линию фронта.

Голос эсэсовца был похож на хриплое воронье карканье.

— Я Рейнхард Тристан Ойген Гейдрих, прибыл к вам со специальной миссией по личному поручению фюрера германской нации, — заговорил он, но тут же поправился, — но по здравому размышлению и будучи человеком более трезвомыслящим и более информированным, чем фюрер, я решил не выполнять никаких его поручений, а вместо того предложить свои услуги ловкого и опытного в политике человека вам, русским из будущего.

Выслушав мой перевод, полковник Семенцов некоторое время обалдело молчал, а потом под почти беззвучное хихиканье сержанта Сергея выдал:

— Окуеть, Варя, ты только послушай — этот тип с окровавленными по локоть руками прибыл предложить нам свои услуги! Я сейчас запрыгаю от счастья, а потом заплачу от восторга. Только переводить этого не надо. Лучше переведи вопрос о том, чем, по его, Гейдрихову мнению, такой ловкий и опытный в политике человек, как он, может быть полезен нам, пришельцам из будущего, в этом мире привыкшим решать все вопросы ударом лома? Ведь мы воюем, а не плетем политические интриги, и грубая вооруженная сила на нашей стороне, это он тоже должен понимать. Военный крах третьего рейха — это вопрос времени, и этого времени нам потребуется не так много, максимум год-полтора. Единственная информация, которая нас интересует в настоящий момент, относится к расстановке войск и к ближайшим планам германского командования. И все. Планы медведя на будущее нас не волнуют. Коврик на полу — вот его будущее.

Я перевела эти слова, и Гейдрих, до того прямой как палка, ссутулился и как-то обвис, будто из него злостно выпустили воздух. Он-то и в самом деле подумал, что русские из будущего обрадуются его предложению сотрудничать, а над ним тут начали откровенно глумиться, как над юродивым, возомнившим о себе бог весть что.

— Ну, тогда, — произнес Гейдрих, уже теряя почву под ногами, — я могу дать вам характеристики на всех сколь-нибудь значимых партийных функционеров и германских государственных чиновников.

— А зачем? — пожал плечами Семенцов, — Если нам понадобится хоть что-нибудь узнать, то мы заглянем в архивы, только и всего. Конечно, можно кое-что уточнить, но эта задача далеко не первостепенной важности, поэтому именно сейчас это совсем не интересно.

— Но почему же? — вскричал Гейдрих, — почему вам это не интересно? Архивы никогда не бывают полны настолько, чтобы это удовлетворяло людей нашей с вами профессии. Война рано или поздно

кончится, и вы захотите узнать, кому из политиков и чиновников можно доверять, а кому нет.

— А потому, — ответил Семенцов, склонившийся опираясь руками на стол, — что мы ведем войну с государством, руководство которого планировало уничтожить большую часть нашего народа, а тех, кто выживет — превратить в своих рабов. На такой войне не может быть никаких интриг, прощения и человеколюбивого сожаления об убитых врагах — без разницы, носили они оружие или нет. В конце концов, вскрытие покажет, кто из вас и в чем был замаран. Вы пошли на переговоры и сотрудничество только тогда, когда увидели, что на вас пошла войной сила, против которой вы равным счетом ничего не можете поделаться, но которая сама, в свою очередь, способна сделать с вами все, что пожелает. Никто не будет с вами разговаривать, потому что переговоры с последователями вашего фюрера являются ужасной мерзостью и способны запачкать карьеру любого политика, который на них решится. Даже в Германии нашего времени, попади вы туда, от вас будут шарахаться как от прокаженного, не говоря уже о других странах. А хотите, мы депортируем вас живого и здорового прямо в Израиль? Вот там обрадуются вашему унижению.

— Я вас не понимаю, — снова воскликнул Гейдрих, — ведь я же знаю, что вы сами отринули большевизм, сняли лозунги мирового коммунизма со своих знамен, а мировое еврейство нанесло России в ваши девяностые ничуть не меньше ущерба, чем Германии во времена Веймарской республики... Так почему же вы не хотите понять и принять наших устремлений, а слепо поддерживаете усатого большевистского вождя, который весь мир мечтает посадить в клетку большевистского ГУЛАГа?

Полковник Семенцов жестко усмехнулся.

— Вся ваша немецкая беда, — сказал он, — в том, что вы попали в плен ложного убеждения, что есть высшие и низшие расы, сверх- и недочеловеки, генетические господа и генетические рабы. Но все это абсолютная ерунда. Для Истории ценен любой народ, как бы серо и невзрачно он ни выглядел в настоящее время. Именно поэтому, восстанавливая страну после краха, мы не бросали противников нашей власти в концлагеря, не объявляли никого из своих сограждан низшей расой, и даже свергнутые коммунисты (или то, что от них осталось) нашли свою нишу в политической жизни. И при этом вы видите сами, что наша армия сильна, государство крепко, а наш народ устойчив к любой пропаганде — так что мы не боимся ни пропаганды большевиков, с которыми мы являемся союзниками, ни бредней вашего доктора Геббельса, которого мы повесим на первой попавшейся осине.

Дождавшись, пока я с наслаждением переведу первую тираду, полковник Семенцов продолжил:

— И, кстати, даже это ложное и бредовое убеждение в превосходстве арийской расы у вас не свое, а украдено бродягой Розенбергом у ваших якобы злейших врагов, еще три тысячи лет назад объявивших себя богоизбранным народом. Впрочем, просвещать вас не входит в мои профессиональные обязанности. Поскольку вы в любом случае не в состоянии сообщить мне требуемой информации военного характера, я сейчас отправлю вас до утра в камеру, чтобы вы поразмыслили над всем вышесказанным, а утром передам представителям того ведомства, которое будет работать с вами дальше, потому что мне вы скучны.

Полковник нажал на столе кнопку электрического звонка и, когда вошел конвой, мотнул головой в сторону Гейдриха и приказал:

— Увести!

Когда ссутулившегося и шаркающего ногами пленного нацистского главаря вывели, полковник сунул руку в карман и, вытащив оттуда синюю пачку сигарет с золотым двуглавым орлом, сунул одну штуку в рот.

— Ну как, товарищи? — спросил он у нас с Сергеем, щелкнув зажигалкой.

Я только пожала плечами, а Сергей задрал большой палец вверх и сказал:

— Класс, товарищ полковник, вы его просто растерли. И Варвара Ивановна тоже молодец, подыграла вам по высшему разряду. Я, глядя, аж сам испугался — ну прямо натуральная фурия-мстительница.

— Да, действительно класс, — согласился дымящий как паровоз полковник Семенцов, — но, сказать честно, после разговора с этим Гейдрихом у меня такое чувство, будто я с головой нырнул в выгребную яму.

Потом он с размаху потушил окурок в пепельнице, и вытащил из планшета маленький носимый телефон, который потомки, как я уже знала, называли мобильным.

— Добрый вечер, товарищ генерал, — сказал он в эту коробочку, которая была даже меньше дамского портсигара, — да, первичную психологическую обработку произвел. Ночь клиент у меня покиснет в камере, побродит мозгами, а уже утром я отправлю его к вам почти готовым. Спасибо, не за что. Но каков мерзавец, товарищ генерал — сотрудничать он с нами захотел!

2 сентября 1941 года. 9:15. Брянская область, райцентр Сураж.

Патриотическая журналистка Марина Андреевна Максимова,

внештатный корреспондент «Красной Звезды».

Тут у меня выдался ну просто великолепный случай пообщаться с немецкой проституткой из походного офицерского дома терпимости. Когда наши громили в Кричеве штаб второй танковой группы вместе со всеми прочими «сокровищами», они захватили и это походное заведение, призванное сглаживать тяготы службы немецким старшим офицерам. Уж не знаю, насколько это будет интересно широкой публике, но сама я просто сгораю от нетерпения взять интервью у жрицы любви. Меня так и подмывает спросить: «Часто ли вас посещал герр Гудериан? А каков он в постели? А вы стучали в военную полицию на офицеров, высказывавших пораженческие настроения? А как вам наше русское горячее гостеприимство? Не жалеете, что вообще остались в живых, а то глаза бы наши вас не видели?» А вообще-то мне очень хочется понять, как эта женщина докатилась до жизни такой. Ну, это я так рассуждаю, что докатилась, а вот по мнению самих этих продажных девиц, обслуживать офицеров вермахта — большая честь. Так что передо мной стоит задача — показать российским читателям образ мыслей рядового немецкого гражданина, ведь девица эта как раз к таковым и относится. Явная патриотка своей страны и фанатка своего фюрера, причем, кажется, весьма неглупая. Вот и выясним, как и чем их там оболванивают.

Интервьюируемую мою зовут Паулина Липсиус, по-русски Поля Губкина. А может, это ее рабочий псевдоним, а настоящее имя у нее совсем другое. Красивая девка, ничего не скажешь. Коротко стриженная, на манер Мэрилин Монро, цвет волос точно как на коробочке с краской под названием «скандинавский блонд»; но, кажется, это ее естественный оттенок. Лицо белое, с приятным румянцем, на щеках премиленькие ямочки. Нос прямой и изящный — этакий горделивый, породистый немецкий нос. Маленький ротик — с яркой помадой он, должно быть, смотрится прелестно. Глаза у Паулины яркие, зеленые, да только ресницы она сегодня не накрасила (она вообще без макияжа), и видно, что они у нее тоже белесые. Настоящая, типичная немка, образец холодной красоты. Ничего лошадиного, как в некоторых представителях этой породы, в ней нет. Они вообще тут, в борделе, все отборные арийки, преимущественно блондинки — рослые, стройные, грудастые и жопастые, хоть на конкурс красоты.

Шишка на лбу и одежда с чужого плеча говорит о том, что девушки побывали под налетом наших «Грачей», которые долбили по штабу танковой группы, но попутно расковыряли и тот дом, в котором располагался походный бордель. Еще их счастье, что летуны использовали

обычные фугаски, причем местного производства, а не начали кидаться бомбами объемного взрыва, а то сейчас не было бы никакой Паулины, несмотря на подвал, в который немецкие шлюхи успели спуститься еще до

Мой Коляша, которого я попросила выступить в роли переводчика, воспринял идею насчет интервью с проституткой без особого энтузиазма. Но куда он денется! Спекся парнишка, и причем давно. Из глаз сердечки так и вылетают, когда на меня смотрит. Так что я уверена, что любую мою, даже самую бредовую, затею он поддержит — с удовольствием или без, главное, что мне это надо! Слова против не скажет, только вздохнет, грустно поморгает и сделает все, что требуется — настоящий немецкий характер...

Держат импортных шалав в отдельном домике, где для них поставили кровати и все необходимое, и охраняют не для того, чтобы не сбежали, а для того, чтобы местные бабы не пришли не повырывали их патлы и не повыцарапывали зенки. И вот мы сидим в маленькой комнате, в которой Паулина живет с еще тремя «подругами». Остальные в немецком госпитале, захваченном нашими передовыми частями в этом Сураже — помогают делать перевязки и выносить судна. После того, как наши сдали в советский плен всех санитаров-мордovorотов мужского пола, у которых откормленная рыха не пролезала в дверь, в этом самом госпитале резко образовался некомплект рабочих рук — и вот бывшие проститутки занимаются там трудотерапией, а заодно проникаются тем, что такое война на самом деле. А Паулина сегодня дежурная по «общежитию», и потому в госпиталь не пошла, что позволяет мне не спеша взять у нее интервью.

Я в своей стихии. «Рабата» предстоит интересная... Интервью я решила обставить по-домашнему, без официоза. Поэтому, собираясь «в гости» к немкам, я прихватила с собой чай в термосе, рафинад, сушки, варенье, медок, конфеты и даже кишмиш. И вот теперь я разливаю нам всем троим ароматную жидкость из термоса. Со смородиновым листом, знатный чаек...

— Пейте чай, Паулина... — Я дружелюбно улыбаюсь и хлебосольным жестом указываю на сладости, что стоят на столе незамысловато-соблазнительной композицией, разложенные по вазочкам и блюдечкам. Другой рукой подношу свою чашку ко рту.

Коляша добросовестно переводит, стараясь передать даже интонацию — до чего же старательный, будто школьник на первом экзамене! А между тем вступительную часть можно даже не переводить — и так все понятно.

— Danke, — говорит Паулина и следует моему примеру — поднимает чашку и подносить ко рту. Дует, смешно складывая свои маленькие, но

пухлые губки.

— Bitte, — щеголяю я знанием немецкого и замечаю тень удивления, что промелькнула на ее лице.

Коляша только смущенно кашлянул и скрипнул своей табуреткой. Он смотрел в основном на свою чашку. Ах, ну да — он боится пить горячий чай! Смешной. Как-то пыталась его научить, как правильно это делать, но он все равно обжегся и больше не делает попыток освоить этот русский трюк, предпочитая дожидаться остывания.

Паулине явно неловко. Впрочем, она хорошо держится. Смотреть на нее даже приятно — так культурно и с достоинством она принимает участие в чаепитии.

— Паулина, вы, наверное, уже догадываетесь, что у нас с вами будет не просто разговор, а беседа на определенную тему... — наконец начала я. — Я журналист. Меня зовут Марина Максимова. И я хотела бы побеседовать с вами на тему того, что происходит сейчас в Германии — я имею в виду те факторы, которые заставляют немцев следовать за своим фюрером и поддерживать его человеконенавистническую идеологию... Надеюсь, вы не откажете мне в небольшом интервью... — Пока Коля переводил, я твердо смотрела прямо ей в глаза, невозмутимо прихлебывая чай.

В ее ответном взгляде читалось: «Что ж, я ожидала чего-то подобного...» Она весьма грациозно поставила чашку на стол и, холодно мне улыбнувшись, ответила:

— Jawohl.

И все пошло как по маслу. Девушка заливалась соловьем, любо-дорого было ее слушать. Коляша старался. Естественно, весь разговор я записывала на цифровой диктофон.

Итак, после моей обработки интервью с немецкой проституткой стало выглядеть

«— Паулина, давайте начнем с вашей профессии. Мне кажется, вы относитесь к занятию проституцией как к обычной работе, которая к тому же вам нравится...

— Да, я не вижу в своей работе ничего зазорного. Бордели существовали во все времена. Работать же в борделе, подобном нашему — это немалый престиж. Многие мечтают работать в таком месте. Сюда берут только самых красивых и образованных немецких женщин, а самое главное, не имеющих примесей грязной еврейской крови, преданных фюреру и идеалам национал-социализма.

— Как же определяют, насколько женщина предана этим идеалам?

— Я же говорю, перед приемом в элитное заведение нас проверяют на отсутствие в прошлом порочащих связей и экзаменуют. Также с нами проводят инструктаж, что мы можем делать, а что нет.

— Какие же еще качества ценятся у немецкой жрицы любви, помимо красоты и преданности нацистским идеалам?

— Стойкость духа. Хладнокровие. Решительность.

— Можете пояснить?

— Да. По сути, все мы шпионки и оказываем неоценимые услуги руководству нации, помимо постельных. Во время инструктажа нас учат, как вызвать на откровенность расслабленного, а то и подвыпившего клиента. Таким образом вычисляют нелояльных. При нашей помощи происходит чистка рядов немецкой армии.

— Надо же! Так происходит во всех немецких борделях?

— Конечно.

— Что ж, это весьма интересные подробности, но мы, возможно, вернемся к ним позже... А сейчас расскажите, что заставило именно вас таким вот образом служить Германии?

— Я люблю свою страну. Мне хотелось сделать все возможное для ее славы и процветания. Кроме того, мне нравится заниматься сексом с мужчинами.

— Что-то мне подсказывает, что у вас неплохое образование... Это так?

— Да. Я закончила факультет философии Берлинского Университета. Все наши девочки хорошо образованы. Мужчины, с которыми мы имеем дело, ценят интеллект и находят умных женщин сексуальными.

— Понятно. А теперь скажите, что вы думаете по поводу всего произошедшего с вами здесь, на русской земле?

— Я испытываю очень противоречивые чувства. Все оказалось совсем не так, как нам пропагандировали. Порой мне кажется, что в Германии на нас воздействовали психологическими методами, внушив ненависть к русским, которые на самом деле вовсе не являются такими отвратительными существами, как мы привыкли думать.

— А вши ээ... коллеги разделяют ваше мнение?

— Да, подавляющее большинство.

— Как вы думаете, почему немцы так любят своего фюрера?

— Наверное, потому, что после национального унижения Версальского мира он дал нам заманчивую идею стать господами над остальными народами. Он умеет воодушевить, играя на тщеславии. Он убедителен и харизматичен. Когда он говорит свои речи, то кажется, что он

изрекает святыне абсолютные истины, которые не нуждаются в обсуждении, а только в беспрекословном исполнении.

— Но теперь вы больше уже не находитесь под властью его гипнотического обаяния? Вы способны оценивать действительность объективно? Вы понимаете, что пропагандируемые им идеи — ни что иное, как глубокий откат к родоплеменному мышлению, когда одетый в шкуры и вооруженный дубиной косматый пещерный троглодит считал «своими» только самую ближайшую кровную родню, а все остальные были для него врагами, на которых следовало нападать и пожирать? Неужто вы не знаете, что по мере развития человеческого социума круг «своих» постоянно расширялся, пока не достиг максимума при создании великих империй прошлого, когда своими признавались люди с определенным типом менталитета, определяющего веру, вне контекста кровного родства?

— Да, пожалуй, это действительно так. Я пребываю в состоянии некоторой растерянности, ощущая пустоту там, где раньше была наша национал-социалистическая идеология. Просто пустоту, которая хочет, чтобы ее заполнили. А еще я ощущаю исходящую от окружающих ненависть, которую мы, немцы, сами вызвали к себе своими действиями. Вы, пришельцы из будущего, явно выше этого, но вот местные русские буквально готовы растерзать нас на клочки. Мне страшно даже подумать о том, что случится, когда солдаты большевиков придут на нашу немецкую

— И чем же, по вашему мнению, следует заполнять вашу внутреннюю пустоту?

— Этого я пока не знаю. Но точно не модными тряпками и прочей мишурой. Ведь это тоже ложный путь, потому что является всего лишь еще одной проекцией внутренней пустоты на наше сознание. Вероятно, тут необходима великая идея, которая заполняла бы тебя вся полностью и без остатка.

— Желание общаться... Общаться с вами, русскими, чтобы понять суть своих заблуждений и способ их преодоления.

— Вы признаете свои заблуждения?

— Я не могу их не признавать. Только безвольные люди со слабым интеллектом цепляются за миражи. Национал-социализм и идеи мирового господства оказались всего лишь фикциями, расплатой за следование которым будет жизнь нескольких миллионов немецких мужчин, которые погибнут на этой войне.

— Русские вызывают у вас симпатию?

— Скорее, страх, уважение и удивление.

— И что удивляет больше всего?

— Вы неистовы в своей борьбе и отдаетесь ей без остатка, снося все на своем пути, и в то же время вы крайне великодушны к поверженному и молящему о пощаде врагу. Это сочетание противоположных качеств ставит меня в тупик. Наверное, именно поэтому вы сумели построить такое огромное государство, по сравнению с которым вся Европа — не более чем флигелек, пристроенный к огромному дворцу.

— Скажите, вы собираетесь когда-нибудь остепениться, выйти замуж и родить детей?

— Конечно, как и всякая порядочная немецкая женщина, я бы этого очень хотела, но я пока не знаю, будет ли в новом мире, который возникнет после этой войны, место моим детям.

— Что бы вы пожелали немецкому народу?

— Любите свою страну, но имейте разумение в голове. Не будьте самонадеянны и не воюйте с русскими, как завещал вам великий Бисмарк. Забвение его заветов будет очень дорого стоить нашей Германии.

— Есть ли у вас мечта? Расскажите о ней.

— Нет, мечты пока нет. Может быть, она появится потом, когда уляжется потрясение. Но у меня есть одно желание — чтобы эта никчемная, бессмысленная война поскорее закончилась...

— Спасибо, Паулина, за ваши честные ответы на мои вопросы. Присоединяюсь к вашему желанию ...»

2 сентября 1941 года, 14:45. Москва, Кремль, кабинет Верховного Главнокомандующего

В этот прозрачный сентябрьский день настроение у Вождя советского народа было прекрасным и солнечным с самого утра. С момента вступления в войну потомков в положении на фронтах наметился перелом. В Заполярье и на карельском перешейке бои идут на тех же рубежах, что и в истории потомков, но эти направления второстепенные и на общий исход войны не влияют. В Прибалтике, из-за того что немецкое командование перебросило свои основные резервы в район южного фаса Смоленского выступа, удалось избежать окружение Таллина и тем более блокады Ленинграда. Путем встречных ударов наспех сформированными дивизиями народного ополчения прорвавшегося противника отбросили за Лужский рубеж и фронт снова стабилизировался по реке Луге.

Южнее озера Ильмень стрелковые дивизии Северо-западного фронта продолжают встречное сражение с частями шестнадцатой армии гитлеровцев, и в этой мешанине лесов, болот, рек, ударов и контрударов, при условии, что большая часть гитлеровской авиации опять же переброшена к Смоленску и Бобруйску, становится вообще непонятно, кто

кого обошел, и кто кого окружил. Сражение в лесах и болотах продолжается, что не дает немецкому командованию снять с этого направления больше ни одной дивизии и так, то что осталось, начинает проигрывать аналогично вооруженным, но имеющим большую численность частям РККА. Как выяснилось, без поддержки танков и авиации немецкий солдат теперь не так уж и крут, как его малевали ранее.

Еще южнее, от Невеля до Гомеля, простирается так называемая Смоленская дуга. За ее восточный (со стороны немцев) фас ответственность несет Западный фронт под командованием генерала Конева, который недавно объединили с Резервным фронтом. Это простое в принципе действие позволило резко увеличить управляемость войск и перегруппировать их в соответствии со стратегической необходимостью, а не как похощет левая нога товарища Тимошенко. Кстати, сам Тимошенко, переведенный в солнечный Ташкент, находится под неусыпным наблюдением «органов», но пока сидит тихо как мышь под веником.

На юге, в полосе ответственности Юго-западного фронта, за исключением плацдармов — советских вокруг Киева, Днепропетровска и Запорожья и нескольких мелких немецких в окрестностях Кременчуга и в других местах — линия фронта в основном стабилизировалась по Днепру. Советские войска, измотанные непрерывными двухмесячными боями и не получавшие подкреплений, потому что все резервы и пополнения шли на Московское направление, теперь, пользуясь передышкой, отдыхали и приводили себя в порядок. Активных операций в полосе от Николаева до Гомеля сейчас не проводила ни советская, ни немецкая сторона. Красная армия подтягивала на это направление резервы и готовила операцию по ликвидации вражеских плацдармов, а вермахт, в свою очередь, укреплялся на захваченных ранее позициях, потому что с уходом подвижных соединений и резервов оставшейся немецкой пехоте на линии стало кисло.

Кстати, эти самые подвижные соединения первой танковой группы немецкому командованию приходится перебрасывать под Смоленск аж через Польшу, ибо авиация и ракетные войска потомков напрочь вывели из строя Коростеньский и Сарнский железнодорожный узлы. Но если по Украине немецкие эшелоны идут более-менее беспрепятственно, то и провести их от Бреста до того же самого Могилева становится все более проблематично. Везде, где месяц или два назад шли бои и остались рассеянные группы советских окруженцев, вдруг, как грибы после теплого летнего дождя, начинают возникать хорошо оснащенные и вооруженные партизанские отряды. Секрет тут прост. Еще в самом начале командование

российских экспедиционных сил начало заброс в немецкий тыл разведывательно-диверсионных групп, которым была поставлена задача всячески нарушать немецкие перевозки как по рокадам, так и из их глубокого тыла к фронту. Уже сейчас на магистрали Брест-Минск-Могилев под откос летел каждый четвертый эшелон, и дальнейшее развитие событий не обещало немцам ничего хорошего. Вождь догадывался, что в ближайшем времени в Белоруссии будет явлен весь набор арийской изобретательности, вроде баб и ребятишек, посаженных на платформу следующую перед паровозом, или регулярных расстрелов заложников по факту каждого крушения.

Однако основные события, как водоворот Мальстрем, втягивающие в себя германские резервы, происходят все-таки на южном фланге Смоленского выступа в полосе брянского фронта, которым командует генерал армии Жуков. Кричевский выступ, по поводу которого сомнения были даже у потомков, третий день с трех сторон атакуемый германскими моторизованными корпусами, до сих пор держится. Кричевская группировка войск, как их называли потомки, «штрафников», составленная в основном из освобожденных из плена и вышедших из окружения бойцов и командиров, сражалась с врагом яростно, до последней капли крови. Их действия поддерживали несколько батальонных тактических групп «потомков» — Фигаро здесь, Фигаро там — метавшихся от одного направления к другому и неизменно обламывающих перспективные вклинения немецких мотомеханизированных частей, а также мощная артиллерийская группировка, использующая для управления огнем все достижения технического прогресса из будущих времен.

На самом деле на вершине выступа «потомки» держали минимум своих сил, которые стянули на себя почти все резервы группы армий «Центр», а также все, что перебрасывалось противником с других участков советско-германского фронта, а две бригады, обеспечившие успех прорыва на Кричев, в настоящий момент заканчивали свое сосредоточение в районе Гомеля. Еще пара дней — и фон Бок, считающий, что под Кричевом его войска в тяжелых боях противостоят основной группировке «потомков», будет жестоко огорчен крахом своих иллюзий. Осталось совсем немного времени, необходимого в основном для того, чтобы свое сосредоточение завершила участвующая в операции ударная группировка РККА.

Нет, товарищ Сталин отнюдь не почивал на лаврах этих успехов, он тяжело и напряженно работал над тем, чтобы эти успехи можно было превратить в общую победу над смертельным врагом. Ведь большую часть этого результата пока достигли потомки. Их экспедиционная группа войск

на относительно узком участке фронта в муку размалывает одно вражеское соединение за другим для того, чтобы выиграть время, необходимое для превращения РККА из армии потерпевшей сокрушительное поражение в начале войны, в закаленную боями армию-победительницу, несущую Европе свет освобождения от поработившего ее германского фашизма. И шанс на такой исход достаточно велик, потому что потери советских дивизий и бригад резко сократились, и вместе с тем они на наглядном примере «делай как я» начали учиться побеждать врага, а не только отчаянно обороняться, отступать с рубежа на рубеж и выходить из гибельных окружений.

А этот процесс не может быть быстрым и, так сказать, разовым. Прочитал, мол, вождь умную книжку или побеседовал с мудрым седоволосым генералом-пришельцем из будущего — и сразу ему стало понятно, что и как нужно делать. Нет, Сталин и книжки читал, как специальные исследования людей с научными степенями, так и просто военные мемуары людей, которые прошли войну от звонка до звонка и видели все своими глазами, посвящая этому не меньше четырех часов своего времени в сутки. И с мудрыми генералами-пришельцами Вождь тоже встречался, да только военное строительство — вопрос действительно не быстрый. Что-то пока не получается, что-то получается, но не в полном объеме. Против чего-то протестуют политработники, потому что предложенные меры кажутся им предательством идеалов Октября, а против чего-то возражают особисты, считающие, что враги народа в армии сидят под каждым кустом, и именно этим объясняются все поражения РККА.

И вот в тот момент, когда Вождь был погружен в вычитку очередного тома военных мемуаров, иногда делая на полях пометки красным карандашом, а кое-что даже выписывая на отдельный лист, от этого важного дела его отвлек звонок Поскребышева, сообщивший, что на внеочередной прием к товарищу Сталину просится товарищ Берия. Закрыв книгу и убрав ее в стол (а вот даже товарищу Берии не стоит знать, чем именно в настоящий момент занимается товарищ Сталин) Верховный распорядился впустить Генерального комиссара госбезопасности, а сам взял со стола свою знаменитую трубку и, раскрошив папиросу «Герцеговины Флор», принялся набивать ее духовитым табаком.

Берия буквально ворвался в кабинет Вождя, сверкая стеклышками пенсне и возбужденно сияя всем лицом, будто новенький пятак.

— Все, Коба, — остановившись перед столом вождя, выдохнул он, — Гитлер спекся и запаниковал. Попытался подослать к потомкам своего эмиссара, чтобы договориться с ними о перемирии, а они его с размаху

макнули мордой в дерьмо. Мол, вы нам, нацисты, так отвратительны, что разговор с вами может быть только через безоговорочную капитуляцию и последующий международный трибунал, а сами в это время официально известили о происходящем мой наркомат и попросили прислать специалистов для совместной разработки этого эмиссара.

— Ну так это же совершенно замечательно, — кивнул Вождь, чиркнув спичкой, — если наши союзники, настоящие союзники и ради сиюминутных выгод не идут на закулисные переговоры со смертельным врагом. Помнится по ТОЙ истории, англо-американцы похожие переговоры с нацистами вели, и при этом даже не поставили нас об этом в известность. Так настоящие союзники не поступают! Надеюсь, ты послал к потомкам самых лучших своих людей, чтобы они смогли как следует раскрутить этого очередного последователя господина Гесса?

— Да, Коба, самых лучших, но главное не в этом, — возбужденно мотнул головой Берия, из-за чего пенсне свалилось у него с носа и повисло на шнурке, — самое главное в том, кто был этом эмиссаром Гитлера. Этим эмиссаром оказался группенфюрер СС, начальник главного управления имперской безопасности Рейнхард Тристан Ойген Гейдрих — то ли третий, то ли четвертый человек в нацистской верхушке, пользующийся безоговорочным доверием Гитлера...

Сталин выпустил клуб дыма и произнес:

— Гитлер решил, что может сыграть на антикоммунизме потомков, но жестоко

же, не имеется, а имеется аллергия на ту окостенелую догму, в которую выродилась коммунистическая идеология в конце их советского периода. Впрочем, никакого отношения к текущим вопросам этот факт не имеет, потому что мы с потомками сходимся в главном — неприятию нацистской идеологии и понимании того, что эта война может быть закончена только путем полной капитуляции и ликвидации гитлеровского государства.

04 мая 2018 года 10:05. Московская область, государственная дача «Ново-Огарево».

Старый/новый президент Российской Федерации сидел за рабочим столом и бегло просматривал доставленную фельдъегерем утреннюю почту. Кое-какие бумаги сразу летели в корзину, другие документы откладывались в нижний ящик стола (чтобы принять по ним решение, было недостаточно информации), третьи ложились в верхний ящик, потому что требовали более внимательного рассмотрения и консультации с экспертами, четвертые тут же, не отходя от кассы, подписывались или

обзаводились резолюциями — и эти счастливики ложились на край стола. Обстановка в стране и мире была напряженная, но терпимая. К Украине (Донбассу и Крыму), а также Сирии, добавилась война с гитлеровской Германией в сорок первом году.

То есть, напрямую выказать свои симпатии Гитлеру лично и Третьему Рейху вообще в цивилизованных странах Запада как-то не по фэншую. Так можно сломать себе всю жизнь, карьеру и репутацию. Исключениями из этого правила являются только две страны: Канада и Украина. Ну, с Украиной заранее все понятно, недаром же у этой страны флаг тех же цветов, что у символа синдрома Дауна, поэтому на бред вечно пьяных президента Порошенко и министра Климкина про страну-агрессора, напавшую на Великую Германию, никто, в первую очередь в Германии, внимания не обратил. С них, убогих, мол, станется. Который день не просыхают в ожидании российской агрессии, а Россия на войну так и не является.

Такое же, собственно, отношение и к Канаде, в которой много диких обезьян, то есть потомков скрывшихся в свое время от преследования украинских националистов. Тамошняя министр иностранных дел Христя Фриланд, внучка активного пособника нацистов^[26], даже заявила, что «НАТО должно применить пятую статью Вашингтонского договора, чтобы защитить Германию от российской агрессии». На этот выкрик в Берлине 2018 отвели что-то вроде «а на нас никто не нападал», а в Тель-Авиве всерьез предупредили канадский МИД, что еще такая пьяная шуточка — и может получиться очень нехорошо, и русские в этом «нехорошо» будут ни при чем. Это надо было додуматься призвать НАТО на защиту Гитлера.

Одним словом, ввиду специфичности раздражителя непосредственно от войны в сорок первом году неприятностей было немного, а разрастание антироссийской истерии имело под собой только одну, но фундаментальную причину. Президент понимал, что американскому истеблишменту крайне неуютно осознавать, что времена безраздельного мирового господства закончились и теперь на планете есть два незападных государства — Россия и Китай, с которыми теперь в любом случае придется считаться на международной арене. В том числе с Россией и Китаем придется считаться потому, что по большинству вопросов эти два государства выступают единым фронтом.

Но вот дело дошло до бумаг, поступивших с той стороны портала из сорок первого года. В первую очередь президент просмотрел сводку с фронтов, где отдельно указывались действия российской экспедиционной группы войск. Убедившись, что ничего особо неприятного за истекшие

сутки на фронтах не произошло и что немцы по-прежнему долбятся в Кричевский выступ, как дятлы в бетонный столб (так же, как несколькими днями ранее дивизии РККА с энтузиазмом долбили в Ельнинский выступ), президент отложил сводку и взялся за другие документы. И тут его ждал сюрприз в виде пакета с копией дела Гейдриха. Прочитав сопроводилку с кратким изложением, президент выругался незлым русским матом, потому что ожидал чего-то подобного — но не через две же недели после начала событий. Прошло совсем немного времени, вермахт по-прежнему стоит под Смоленском и Киевом, а крысы на нацистском корабле уже забеспокоились. Сдачу в плен Гудериана президент оценил вполне положительно, и со временем даже собирался встретиться с генералом и коротко переговорить, пытаясь понять личность этого незаурядного человека, который ТАМ еще способен послужить новой послевоенной Германии, которая, несомненно, станет союзником СССР.

Но это-то белобрысое говнище^[27] с помятым носом, по имени Рейнхард Гейдрих куда девать? Для чего он может понадобиться в свете того, что нацистский режим должен быть полностью уничтожен, а его вожди за все совершенные ими преступления после короткого, но справедливого суда должны быть развешены на фонарях. Включая, между прочим, и самого перебежчика Гейдриха. В самом деле, что ли продать Израилю, чтобы те его выпотрошили и набили чучело? Но как говорил полковник Николай: «нет отбросов, есть кадры». Поэтому и Гейдриха, замазанного кровью и дерьмом с ног до головы, наверное, тоже можно использовать с умом, да только вот каким образом?

Никаких переговоров с Третьим Рейхом — ни официальных, ни неофициальных — президент вести не собирался и принимать почетных капитуляций в обход главного союзника тоже. Что же касается сходства Веймарской Германии и России девяностых, то он, Путин потому и отличается от Гитлера, что, получив власть на изломе эпох, повел свою страну совсем иным путем. Из национального унижения нельзя выйти, унижая других — это история на примере как раз Третьего Рейха доказала точно. Недаром же в верхушке нацистской партии нет ни одного психически полностью здорового человека, а одни истерики, садисты, наркоманы и неврастеники. И Гейдрих — еще тот псих.

Президент задумался. А что если подвергнуть этого персонажа жесткой психологической обработке, усилив уже имеющееся у него ощущение ужаса и безысходности, и вернуть этого кадра обратно его фюреру с твердым отказом вести с Третьим Рейхом хоть какие-нибудь переговоры, кроме переговоров о безоговорочной капитуляции. Но пусть

это произойдет уже после того, как завершится Смоленская операция, и группа армий «Центр» по факту численностью почти в полтора миллиона человек попадет в окружение, а потом подвергнется полному уничтожению — то есть примерно к концу сентября по тамошнему счету. Примерно к тому же времени по обе стороны от портала достроят взлетно-посадочную полосу из бетонных плит и российские тяжелые бомбардировщики смогут приступить к нанесению ударов по территории Германии. Вот тогда-то, вместе с бомбами, и отправить Гейдриха обратно в Германию с пометкой «вернуть отправителю за ненадобностью». Сначала «папу» — на рейхстаг, потом следом Гейдриха туда же на парашюте. Вот тогда посмотрим, как забегают нацистские крысы в предчувствии неминуемого конца.

Часть 7 «Операция Гильотина»

4 сентября 1941 года, 20:45. Брянский фронт, Гомель, штаб 21-й армии

Командующий 21-й армией генерал-лейтенант Василий Иванович Кузнецов

Так уж получилось, что к сентябрю 1941 года генерал-лейтенант Кузнецов был человеком опытным и много повидавшим. Участник первой мировой войны, призван в армию в 1915 году, как человек грамотный (счетовод) окончил школу прапорщиков, на фронте с 1916 года, командовал взводом, крайнее звание — подпоручик. В Красной армии с 1918 года, в Гражданскую войну командовал ротой, батальоном, полком. В 1920 году окончил курсы комсостава «Выстрел» (Высшие стрелковые курсы), в 1936 году окончил особый факультет Военной академии имени Фрунзе. Войну встретил 22 июня прямо на границе, в районе Гродно, командующим 3-й армией. Подчиненная генералу Кузнецову армия имела общую численность в восемьдесят тысяч штыков, двести сорок танков и две тысячи двести орудий и минометов всех калибров.

В первые же дни войны в силу большого перевеса сил противостоящего противника и глубоких прорывов германских танковых групп, сокрушивших соседние 11-ю и 4-ю армии, 3-я армия оказалась окружена в Белостокском котле и организационно разгромлена. Генерал-лейтенант Кузнецов вышел из окружения только 28 июля под Рогачевым, пройдя по вражеским тылам более четырехсот километров (расстояние от Гродно до Рогачева по прямой 420 км) и имея при себе пятьсот человек сборной солянки из различных частей подчиненной ему армии. С 1-го августа армия получила новые войска (66-й стрелковый корпус, 75 стрелковую дивизию и Мозырский укрепрайон). Во второй половине августа 3-я армия была вынуждена оставить Мозырь, после чего передала свои войска и командующего в состав 21-й армии, а само управление 3-й армии было отведено на восток в район стыка 50-й и 13-й армий, где и находилось до конца августа в ожидании поступления войск из внутренних округов СССР. Но речь, собственно, не об этом.

Исходя из вышеизложенного, можно подумать, что генерал-лейтенант Кузнецов плохой полководец и подчиненные ему войска неизбежно терпели поражение из-за ошибок и разгильдяйства своего командующего — но это совсем не так. Первые месяцы войны застигнутой врасплох

Красной армии приходилось сражаться с численно превосходящим, имеющим боевой опыт и отмобилизованным врагом, к тому же опережавшим ее в развертывании. На тот момент, когда командование ею принял генерал-лейтенант Кузнецов, 21-я армия имела в составе девять стрелковых и три кавалерийских дивизии, комплектованных на сорок процентов личным составом и на пятнадцать процентов артиллерией; а также восемь легких танков и пятнадцать бронемашин. Противостоящая ей вторая германская армия имела перевес в живой силе в полтора раза, а в артиллерии — в четыре раза по стволам и в шесть-семь раз по весу залпа.

Но не успел генерал-лейтенант по-настоящему принять командование армией, как случилось невообразимое. Фланговый удар неведь откуда взявшейся сводной армейской группы Копылова-Ермакова опрокинул и растерзал вражеский фланговый 43-й армейский корпус, загнав основные силы 2-й германской армии в котел южнее Гомеля. Именно тогда, во время ликвидации этого котла, генерал Кузнецов впервые увидел потомков и их технику. Бойцы в фантастическом обмундировании, похожие на средневековых рыцарей, деловито и собрано тысячами гнали в советский плен серые отары (иначе не скажешь) растерянных и напуганных немецких пленников.

И вот спустя всего неделю после того — новое наступление, на этот раз на север в сторону Могилева и Орши. Правда, его 21-я армия, после ликвидации немецкой окруженной группировки оказавшаяся во втором эшелоне, будет двигаться за наступающей группировкой во втором эшелоне, своими десятью дивизиями последовательно, километр за километром, устанавливая линию обороны по Днепру. Ради выполнения этой задачи всю эту неделю подчиненные ему войска усиливались и пополнялись. По освобожденной от врага железнодорожной магистрали Брянск-Гомель в распоряжение штаба 21-й армии эшелон за эшелоном прибывали маршевые пополнения. Поступала на пополнение армии и артиллерия, которой после потерь первых двух месяцев войны остро не хватало. Пятьсот орудий (в основном калибров 76 мм и 45 мм) на сто километров фронта — это грех без всякого смеха. Тяжелые гаубичные полки или полностью утрачены при отступлении, или отведены в тыл из-за отсутствия нормальной мехтяги.

А вот кавалерийскую группу (32-я, 43-я и 47-я кавалерийская дивизии) у 21-й армии забрали, передав ее для усиления находящейся в первом эшелоне 4-й армии, спешно формируемой заново из сводной армейской группы Копылова-Ермакова, а также стрелковых и кавалерийских дивизий, поступающих из глубины страны. Командовал этой сводной армией

генерал-лейтенант Василий Иванович Чуйков, спешно отозванный из Китая, с должности военного атташе при правительстве Чан Кайши. Генералу Кузнецову было известно, что на эту только-только созданную и сшитую пока что на живую нитку армию возлагаются большие надежды, а иначе зачем в ее составе, помимо двух дивизий и двух бригад потомков (что само по себе страшная сила), находятся шесть стрелковых (переделанных в мотострелковые путем посадки на грузовые автомашины, переданные потомками), семь кавалерийских, и одна танковая дивизии РККА.

6 мая 2018 года 14:05. Московская область, государственная дача «Ново-Огарево».

Сегодня в гостях у старого/нового президента снова был академик Велихов. Последний раз эти двое встречались чуть больше десяти дней назад, и тогда академик заверил президента России, что работа над увеличением пропускной способности портала идет полным ходом. Линию электропередач от Брянска за столь короткое время дотянуть, конечно, невозможно, но кое-каких значительных успехов российским ученым добиться уже удалось.

Во-первых — вполне успешно сработал эксперимент с размещенными внутри портала панелями с радиоактивными материалами, одна сторона которых покрыта отражающим нейтроны материалом, так что нейтронный поток направлен во внешнюю относительно трассы сторону. Поскольку внутренний объем портала имеет свойства активно поглощать высокоэнергетические частицы, то с тыльной (отражающей) стороны такая панель становится безопасной уже на расстоянии метра, а на лицевой стороне уровень излучения падает до безопасного уже через пять метров. Такие панели установили вдоль всей трассы и уже вносили свою долю в увеличение пропускной способности портала. При этом отмечалось, что активность материалов падает значительно быстрее, чем в контрольных условиях лаборатории, а это значит, что портал все-таки провоцирует ускорение радиоактивного распада. Но, согласно расчетам, для того, чтобы таким образом вывести из строя специальный боеприпас, его надо забыть внутри портала на срок от нескольких часов до пары суток, что, согласитесь, случайностью быть уже не может.

Во-вторых — не дожидаясь готовности специальной линии электропередач, подпитывающие портал разрядники подключили к местной сети, но работают они только в ночное время, когда бытовое и промышленное потребление электроэнергии резко падает. Правда, была попытка со стороны местной электросбытовой компании поднять цену на

эту электроэнергию в несколько раз, но их убедили этого не делать. На вопрос президента, кто убедил и как, академик Велихов пожал плечами и ответил, что этим вопросом занимались люди, курирующие проект со стороны спецслужб, которые следят за тем, чтобы проекту активации Портала никто не мешал — ни протестующие доброхоты Навального, ни слишком жадные бизнесмены. А у него, академика Велихова, хватает и чисто научных проблем.

Третьим путем повышения пропускной способности портала и одновременно способом измерять этот показатель является так называемая «тренировка», то есть управление транспортным потоком таким образом, чтобы портал постоянно находился на грани экспоненциального роста сопротивления. Правда, поскольку чудес на свете не бывает и закон сохранения энергии еще никому обойти не удалось, этот «хитрый» способ означает только то, что на преодоление портала тратится дополнительное топливо из баков грузовиков, и больше ничего. Кормить портал чистым электричеством выйдет явно дешевле и безопаснее остальных методов, потому что панели, содержащие радиоактивный материал, требуется сначала изготовить, затем доставить к месту использования и установить на месте. С увеличением масштабов использования такой метод грозит различными техническими накладками, риском террористических актов, негативным пиаром в прессе и акциями протеста. В любом случае за истекшие две недели пропускная способность портала увеличилась примерно на пятьдесят процентов (считая от того уровня, на котором она находилась после подрыва внутри этого образования сверхмощного боеприпаса объемного взрыва), и они, ученые, готовы и дальше работать над поставленной задачей и одновременно разбираться в фундаментальных тайнах Вселенной.

Когда академик, попрощавшись, вышел, президент стал думать над тем, что из этого следует. А следовало из этого то, что если портал удалось стабилизировать и увеличить его пропускную способность, то, кроме поставок на ту сторону боеприпасов для сражающихся экспедиционных сил и необходимого военного снаряжения, появилась возможность дополнительно поддержать СССР. Например, можно отправлять туда устаревшее здесь содержимое складов мобилизационного хранения и кое-какую новенькую, только с конвейера, продукцию военных, автомобильных и иных заводов, не находящую спроса здесь, но остро необходимую там. Продавать строго за золото, ибо иная валюта, даже доллары^[28], в межвременной торговле неприемлема.

Боевую технику и вооружение с мобилизационных складов поставлять

следует за пятнадцать процентов стоимости, с выплатой оставшейся части после войны, а новую продукцию с завода — сразу за полную цену. Но все равно с учетом покупательной способности золота приобретение в наше время будет многократно выгоднее, чем собственное производство или закупка техники и оборудования за то же золото, к примеру, в Америке. Мелкими партиями такая торговля уже осуществлялась — так, например, в СССР уже прибыли со складов длительного хранения некоторое количество пулеметов Калашникова, гранатометов РПГ-7 первых выпусков с гранатами и ПЗРК устаревших моделей.

В конце концов, можно будет закупить в Белоруссии весь автомобильный и тракторный неликвид и отправить товарищу Сталину. Президент Лукашенко так будет рад, хотя в очередной раз не преминет сказать что-нибудь такое эдакое. Единственный минус всей этой техники белорусского производства в том, что она собрана с применением западных комплектующих, в частности электроники — а значит, дороже российской и более требовательна в эксплуатации. А в довоенном СССР еще не до конца было преодолено негативное наследие повальной неграмотности Российской Империи. Там человек с семилеткой — почти профессор, которого в военное училище берут без экзаменов, а тот, у кого диплом десятилетки — так и вообще академик. Им бы для массового использования что-нибудь попроще, типа автомата Калашникова — функциональное и убойное.

5 сентября 1941 года, 04:25. Брянский фронт, село Большевик, 12 км севернее Гомеля,

Командующий 1-й особой КМГ полковник Лев Михайлович Доватор

Только 2-го сентября отдельная кавалерийская группа под командованием полковника Доватора (50-я и 53-я кавалерийские дивизии) вышла из рейда в районе Гомеля, по пути пощипав тылы и без того растрепанной 3-й танковой группы генерала Гота. Но времени на отдых и приведение конского состава хотя бы в относительный порядок кавалеристам не дали.

— Три дня и ни минутой больше, — заявил Доватору издерганный до невозможности генерал-танкист (Ермаков), у которого от недосыпания под глазами залегли темные круги, — и приготовьтесь получать новое оружие и снаряжение. Время не ждет. Надо ударить, пока фриц не опомнился, а то потом хуже будет.

Вообще-то по выходу из рейда и сам Доватор, и его кавалеристы находились в состоянии глубокого недоумения. Уходили в рейд 14-го

августа — жизнь была одна, а вернулись 2-го сентября — она оказалась другая. Когда уходили — немец давил всей массой, а Красная армия, истекая кровью и отчаянно сопротивляясь, отступала с рубежа на рубеж, стремясь не остановить, так замедлить врага. Когда вернулись — немец оказался серьезно битым и причем уже не раз, линия фронта встала, а частные, казалось бы, наступательные операции Красной армии неизменно достигают поставленных целей. Изменения в обстановке, конечно, приятные, но слишком уж неожиданные, как гром среди ясного неба.

И потомки, само собой — это песня совершенно отдельная и особенная. Политработник из штаба формирующейся 4-й армии, товарищ Гришин в первый же вечер на политбесе объяснил бойцам, а заодно и полковнику Доватору, какова фундаментальная роль потомков в произошедших на фронте изменениях. Впрочем, кое-что кавалеристы и сами видели во время рейда. Как, например, штурмовой удар «Грачей» по одной из колонн снабжения генерала Гота. Оказавшимся поблизости бойцам Доватора осталось только вручную устранить недоделки, из чистого гуманизма прикончив тех вражеских солдат, которые еще дышали и шевелились. Другой раз бойцы 50-й кавалерийской дивизии собственными глазами видели стаю «Грачей», на малой высоте направлявшихся наносить БШУ по могилевскому железнодорожному узлу, а полчаса спустя возвращавшихся обратно налегке. И еще два дня в той стороне горизонта обычно такое голубое августовское небо было измазано липким черным дымом пожарищ, ибо на станции было чему гореть.

А потом начались вещи и вовсе приятные, особенно в преддверии грядущего наступления. Сначала на ближайшую железнодорожную станцию пригнали эшелоны с большим количеством маленьких, косматых, злых, но очень выносливых монгольских лошадок, типа под выюки. Бери сколько хочешь в одни руки — дар братского монгольского народа, что сильно поправило положение с конским поголовьем. Теперь в походе боец ехал на навьюченной «монголке», пересаживаясь на дончака или «буденовца» только тогда, когда надобно было идти в бой. А потом в кавалерийские полки группы на больших трехосных тентованных грузовых машинах доставили и обещанное новое оружие, много оружия.

Во-первых — очень удобные и компактные пулеметы — куда лучше «дегтяря» и тем более «максима», внешне чем-то напоминающие немецкие МГ, но под русский патрон. Для кавалеристов самое то — и компактно, и огневая мощь в наличии, и к тому же патрон свой, привычный. А разобраться с новым оружием оказалось тоже не так уж сложно, «максимка»-то с его коротким ходом ствола гораздо заковыристей. Зато

теперь в случае необходимости обороны против пехоты кавалерийские эскадроны будут куда как зубастей. По одному такому пулемету на десяток кавалеристов — это вам не комар чихнул.

Во-вторых — так называемые ручные реактивные противотанковые гранатометы, граната у которых совсем не похожа на гранату, а больше на дубинку, или ту штуку, которую мужчина вставляет женщине. Хотя после выстрела летит эта граната далеко, метров двести прицельно, а попав, делает дырку в танковой броне любой толщины. Просто у немцев еще нет танков, которые она не могла бы пробить, и, наверное, уже никогда не будет, потому что танк с метровой броней просто не сможет сдвинуться с места. И это хорошо, ведь при прямом столкновении танки и бронетехника — это самый страшный враг кавалерии; но раньше на них не было управы, а теперь есть.

В-третьих — в полки привезли небольшое количество похожих на гранатометы штук, которыми положено стрелять по немецким самолетам. Называются они ПЗРК — то есть персональный зенитный ракетный комплекс, имея который, любой боец может стать для вражеских самолетов страшнее целой зенитной батареи. Если все сделал правильно и выстрелил по «мессеру» или «юнкерсу» — то можешь бросать все и закуривать. Никуда этот паскудник теперь не денется, ракета все равно его поймает и заставит жениться. Один выстрел — один стервятник люфтваффе в ягдташ.

Одним словом, хоть отдохнуть кавалеристам (а самое главное, их лошадям) как следует и не дали (двое полных суток — это не отдых), но зато снарядили и обеспечили их на славу. Доватор посмотрел на часы, которые вчера прошли сверку с часами командующего операцией. Четыре часа двадцать восемь минут. Рассвет уже почти полностью вступил в свои права — алая полоса на востоке превратилась в сплошное зарево, а сизые полутемные сумерки превратились в прозрачное утро, какое бывает только перед самым восходом. Солнца еще не видно, но его лучи уже зажгли розовым светом высокие перистые облака, зависшие прямо над головой на звенящей высоте.

Пройдет еще несколько мгновений — и ровно в половине пятого по московскому времени по всей линии фронта взревет советская артиллерия, обрушивающая на головы противника железный шквал огня и металла. Доватор сам видел, как всю ночь огромные полноприводные трехосные грузовики незнакомого вида подтягивали к линии фронта тяжелые орудия гаубичных полков РВГК, одними из первых получивших возможность метаться вдоль линии фронта, чтобы оказываться в самом нужном месте в самое нужное время. Таких полков еще немного и оперируют они только в

районе Брянского фронта; но говорят, что это только пока.

Почему-то именно в эти мгновения, между «до» и «после», на Доватора нахлынули воспоминания. Месяц назад он дрался на Соловьевой переправе под Смоленском, единственной узкой горловине, через которую осуществлялось снабжение обороняющихся окруженный Смоленск 16-й и 20-й советских армий. Бойня там была страшная — узкую ниточку переправы безнаказанно бомбила немецкая авиация, обстреливала артиллерия, тысячи советских бойцов и командиров, а также эвакуировавшихся в тыл мирных жителей ежедневно погибали на этом маленьком клочке земли. Сколько там полегло народу, не знает никто — пятьдесят тысяч, сто тысяч или даже больше; но советские бойцы и командиры удерживали эту переправу до конца, пока оборонявшие Смоленск армии не получили приказа организованно оставить город и отойти на восточный берег реки Днепр. И вот тогда, в конце рейда, увидев, что делают с немецкими колоннами тяжелые безвинтовые штурмовики с частой гребенкой ракетно-бомбовых подвесок под крыльями, Доватор счел, что его боевые товарищи, погибшие в мясорубке Соловьевой переправы, хотя бы частично отомщены. Но все это только начало, потому что счет к переносчикам инфекционной европейской культуры у советских людей настолько велик, что его не погасить каким-то отдельным, пусть даже и очень ярким, боевым эпизодом.

Секундная стрелка обежала по циферблату последний круг — и ровно в пять тридцать тишину раннего утра, до того нарушаемую только трелями первых птах, взорвал рев четырех сотен крупнокалиберных артиллерийских орудий. По ушам Доватора и его товарищей, уже изготавившихся к бою и походу, ударил истощный режущий вой бьющих полными пакетами «Градов» и «Ураганов», уже доказавших свое непревзойденное воздействие на германскую пехоту. Но тем, кто находился на своей стороне фронта, тоже было несладко. Доватору хотелось бежать, укрыться, вжаться в землю, свернувшись калачиком и спрятав голову между коленей. Конь Орлик, которого он держал в поводу, с испуганным ржанием взвился на дыбы, как и остальные кони сосредоточившейся на опушке леса кавалерийской группы. Четвероногие боевые товарищи повидали на войне многое, но такой ужас был больше того, что они могли вынести.

Там, на Соловьевой переправе, действия советских войск какое-то время поддерживала экспериментальная батарея капитана Флерова, так что совсем уж несведущим человеком в этом деле Доватор не был. Но там было всего семь машин БМ-13 по двадцать четыре рельсовых направляющих, а

тут — нечто на порядки более страшное и несравнимо более убойное. Доватор видел, как огненные комья с воем проносятся у него над головой, и там, где сейчас должны находиться немцы, разрыв ложится на разрыв, и вздымается бескрайнее море огня, в котором синеватыми сполохами мечутся накладывающиеся друг на друга ударные волны. Вряд ли там кто-то вообще мог остаться в живых, а огненные комья с режущим воем все продолжали лететь туда, где совсем недавно находились рубежи германской обороны, будто собирались не просто уничтожить сидящих в этих окопах немецких солдат, но и сравнять их с уровнем земли, похоронив и живых, и мертвых...

Да и какие там могли быть рубежи? Если учесть, что фронт на этом рубеже установился всего девять дней назад, и ничего страшнее траншей с блиндажами в три наката немецкая пехота и саперы построить еще не успели, то весь этот огненный ужас кажется просто бессмысленным и бесполезным. С другой стороны, будь на месте сводной группировки обычные стрелковые дивизии и ограничься артиллерийская подготовка кратковременным обстрелом из орудий калибром в три дюйма — поднявшуюся в атаку советскую пехоту ждало бы ужасное избиение со стороны нескольких десятков немецких пулеметов. Уж что-что, а применять линию обороны к местности и размечать сектора стрельбы так, чтобы не оставить ни одного непростреливаемого участка, германская пехота умеет очень хорошо.

Но вот ужасные реактивные установки выпустили последние ракеты, которые разорвались на вражеских позициях, и только тяжкий гул крупнокалиберной ствольной артиллерии (совсем не страшный на фоне того, что творилось еще несколько мгновений назад) продолжил терзать слух изготавившихся к атаке бойцов и командиров. И тут, в тот момент, когда еще не закончилась артподготовка и продолжают греметь орудия, в ясное небо раннего взметнулась красная ракета, приказывающая идти в атаку. Ошибка?! Нет, впереди и по сторонам взревели моторы тяжелых танков потомков и заголосила свое «Ура!» пехота. Значит, не ошибка, и пора садиться в седла и выдвигаться вслед за тяжелыми бронированными черепахами, которые рванулись вперед с невероятным проворством, совсем несвойственным эти медлительным животным. Команда: «По коням, в атаку, марш, марш» — и отважные советские кавалеристы рванулись вперед, вслед за танками «потомков», на оперативный простор. А почему бы и не рвануться, если тебя поддерживает такая запредельная мощь...

И только вырвавшись вместе со своими всадниками на перепаханную взрывами бывшую передовую, Доватор понял главную изюминку замысла

командования. Реактивные установки целиком уничтожили только узкий кусок вражеской обороны шириной не более полутора километров, насмерть вбив в землю занимающий этот участок пехотный полк. Но и обстреливать с двух сторон вводимые в прорыв войска уцелевший на флангах противник оказался тоже не в состоянии, так как в то время, когда танки потомков и советская кавалерия входили в прорыв, уцелевшие немецкие позиции все еще продолжали подвергаться заградительному обстрелу из тяжелых гаубиц.

К тому же за пеленой пыли и дыма (огонь, в том числе, велся и дымовыми снарядами) солдаты этих фланговых полков германской пехоты даже не видели, что в полосе их уничтоженного соседа в прорыв стремительно уходят подвижные соединения. Также не ведали немецкие пехотинцы и о том, что выдвинувшиеся вперед бойцы стрелковых частей готовятся атаковать немецкие позиции в открытый фланг, едва окончательно умолкнет артиллерийская канонада. Но этим займутся другие люди, а их кавалерийская группа не должна отстать от мотострелковой бригады потомков, которую она назначена сопровождать.

5 сентября 1941 года. 8:35. Окрестности Могилева. Штаб группы армий «Центр».

Генерал-фельдмаршал Федор фон Бок.

Известие о том, что, как и предполагалось ранее, объединенная группировка большевиков и «марсиан» взломала фронт под Гомелем и теперь стремительно движется на север, застала разбуженного на рассвете фельдмаршала фон Бока врасплох. То есть, прорыв на этом направлении предполагался, но не раньше конца сентября, потому что полностью восстановить боеспособность разбитой в предыдущих боях 21-й армии большевиков быстрее было невозможно, да и «марсиане», как тогда казалось, перенесли свою активность под Кричев. Но теперь очевидно, что операция «марсиан» под Кричевым, привлекая к себе все подвижные соединения завязшей там четвертой и остатков второй панцергрупп, являлась лишь отвлекающим маневром, до конца выполнившим свою задачу вынудить его, фельдмаршала, оголить самое перспективное, с точки зрения «марсиан», направление. А от Гомеля до Могилева по дорогам всего-то сто пятьдесят километров — совсем близко для стремительных подвижных соединений «марсиан». Но и большевики как-то выкрутились с пополнением своих частей быстрее конца сентября, и «марсиане» показали, что при нынешних раскладах они одновременно способны действовать как минимум на двух направлениях — основном и отвлекающем.

По донесениям из штаба 14-й моторизованной дивизии, оборонявшей

участок фронта, через который осуществлялся прорыв, артподготовка была короткой, но крайне разрушительной. Стреляли установки, похожие на небельверферы с большим количеством стволов и очень мощными фугасными снарядами. Даже на расстоянии нескольких километров от линии фронта адское завывание от этих сирен смерти было таким громким, что заглушало все прочее. Те офицеры штаба группы армий, которые по какой-то причине не спали ранним утром, утверждают, что заунывный вой, похожий на крик голодного дракона, доносился даже досюда, до Могилева.

Еще в том донесении говорилось, что как только эти адские органы закончили свою стрельбу и замолчали, вражеская ствольная артиллерия открыла частый и точный заградительный огонь, с двух сторон отсекающий полосу прорыва от немецких позиций, еще не подвергшихся тотальному разрушению. В этот же момент, без всякой паузы, из шары, дыма и пыли, еще не успевших осесть после огневого удара, уже вырывались танцы «марсиан» и большевистская кавалерия. Больше штаб 14-й мотодивизии на связь не выходил, и, поскольку он находился прямо у дороги, на оси основного направления наступления, стало очевидно, что он первым попал под гусеницы «марсианских» танцев — и судьба его офицеров была печальна, ибо «марсиане» пленных не берут.

И вот теперь две стальные лавины, состоящие из танцев «марсиан» и большевистской кавалерии, вырвавшиеся из огненной круговерти артиллерийского удара невиданной плотности, подобно волнам цунами катятся по немецким тылам, один за другим заставляя замолкать немецкие гарнизоны в крупных поселках и железнодорожных станциях. Один конно-механизированный клин нацелен прямо на Могилев, другой, прикрывая фланг основной ударной группировки, свернул на дорогу к Жлобину и Рогачеву.

Два месяца назад, нанося свои первые контрудары в смоленской битве, большевики первым делом вернули себе Жлобин и Рогачев, перехватив тем самым рокадные коммуникации группы армий «Центр» на западном берегу Днепра, и только разгром их группировки под Могилевом и последующий удар в открытый фланг позволили тогда восстановить положение. Теперь по известным причинам на такой исход рассчитывать не стоит. «Марсиане» — это не большевики, и ждать, пока командование группы армий «Центр» соберет ударную кампфгруппу, они не будут. Сами со всей яростью ударят немецкие войска в самое уязвимое место — такая возможность у них есть.

Офицеры оперативного отдела штаба группы армий втыкают в карту флажки — и у них получается, что средний темп вражеского наступления на Могилев и Жлобин — где-то от пятнадцати до двадцати километров в

час. Если учесть, что большевистская стрелковая дивизия на марше за сутки проходит не больше тридцати километров, а подвижные соединения панцергрупп Гудериана и Гота в первые дни войны продвигались со среднесуточным темпом в пятьдесят-шестьдесят километров, то даже темп в пятнадцать километров в час — это слишком много. Такой результат мог получиться либо из-за ошибки в расчетах, либо в результате действий невероятно подвижных передовых батальонов на легкой технике. Наткнувшись на первый же серьезный заслон, такая передовая часть обязательно немного отступит, затем остановится и подождет подтягивания основных сил.

А такие заслоны на пути наступающих русских клиньев у командующего 3-й панцергруппой генерала Гота имеются. На перекрестке дорог Гомель-Могилев и Рогачев-Кричев находится подвижный резерв в виде сводной панцеркампфгруппы 57-го моторкорпуса. Этот подвижный отряд включает в себя неполный панцербатальон, сведенный из остатков 27-го и 29-го панцерполков, три батальона панцергренадер на бронетранспортерах и сводный противотанковый дивизион. Такая же сводная кампфгруппа 38-го моторкорпуса была сосредоточена на восточном берегу Днепра в районе Жлобина, только панцеров в ней не набралось и роты; и панцегренадер на бронетранспортерах тоже не три, а только два батальона. Но в любом случае ни то, ни другое соединение не было способно хоть сколь-нибудь долго выдерживать натиск рвущихся к цели тяжелых «марсианских» панцергрупп.

Все остальное, что уцелело от 3-й панцергруппы после того, как его терзали «Адские Потрошители», до недавнего времени представляло из себя одну пехоту почти без тяжелого вооружения и средств транспорта, усиленную только двумя сводными артиллерийскими полками. И как раз по этим войскам, удерживающим линию фронта под Гомелем, и был нанесен первый удар в новом большевистско-марсианском наступлении, и то, что от нее осталось, сейчас догорало в яростных боях на руинах прорванного полевого рубежа обороны под Гомелем. Всего две недели назад генерал Гот и его панцеры были главной надеждой группы армий «Центр», а теперь это уже не более чем ошметки былого величия и могущества.

5 сентября 1941 года, 09:05. Брянский фронт, подступы к Жлобину, ст. Калыбовка

Командующий 1-й особой КМГ полковник Лев Михайлович Доватор

Чуть меньше пяти часов прошло с начала операции; жарящее все еще по-летнему солнце уже достаточно высоко в небе, и струйка пота течет за

воротник. Лошади тоже притомились; хоть потомки и задали щадящий темп, но многие кони уже едва переставляют ноги, одни лишь косматые «монголки», зло пофыркивая, прут вперед как трактора. Ничего, лошадки, потерпите немного, скоро будет привал отдых и отдых. Как командир полковник Доватор двигался в самой голове, колонны, на отдалении примерно получаса марша за передовым разведывательным отрядом потомков, передвигающихся на больших восьмиколесных броневиках. В свою очередь, самих этих разведчиков от разных внезапных неприятных встреч оберегает маленький, как игрушечная модель, управляемый по радио самолетик с бесшумным электрическим мотором. Фрицы, понимаешь, еще ни сном, ни духом, а маленький, почти бесшумный аппаратик, раскрашенный под цвет неба, их уже полностью разведал и сосчитал.

Если разведка потомков идет впереди, то именно кавалеристы 1-й особой кавгруппы, повзводно рассыпавшись по местности, осуществляют фланговые дозоры и непосредственное боковое охранение. У каждого взводного командира маленькая, с пачку папирос, рация, при помощи которой он может связаться со своим командиром или с командиром Гвардейской Севастопольской мотострелковой бригады, гвардии полковником Иваном Поплавским. Кстати, полковник Поплавский предложил полковнику Доватору прокатиться на броне его «аппарата», а Орлик, мол, налегке побежит следом, но Доватор отказался. Орлик, сказал он, конечно, побежит, но при этом смертельно обидится.

На станции Калыбовка, разумеется, был немецкий гарнизон, но еще до прибытия головы основной колонны его буквально мимоходом перебил передовой отряд Гвардейской Севастопольской бригады, и кавалеристам Доватора даже не пришлось вступать в бой. Против тяжелых пулеметов калибра 14,5-мм, установленных на больших восьмиколесных броневиках у вооруженных одними винтовками немцев из 221-й охранной дивизии, аргументов вообще не нашлось. Никаких. Да и было то их тут не больше взвода солдат, вперемешку ветеранов старших возрастов, еще помнящих империалистическую, и совсем уже безусых очкастых молокососов, негодных к службе в боевых частях по состоянию здоровья. Никто из них не ушел живым, и сейчас живописно разбросанные в разных позах трупы солдат в мышастой форме украшают местный пейзаж. Там где, поработали КПВТ с бронетранспортеров, имеют место расчлененные трупы. Голова здесь, а ноги потерялись, или наоборот.

Но не спешите жалеть несчастных дойче зольдатенов. В сарае на территории станции разведчики обнаружили до сотни изможденных и

изнуренных людей — наших, советских военнопленных, которых эти немцы, держа впроголодь, заставляли работать на железной дороге, называя железнодорожной рабочей командой. Обычные, в принципе, арийские дела. Но это было далеко не все, местные жители указали бойцам Доватора (российские солдаты, несмотря на свою русскую речь, их просто пугали) на находящееся неподалеку место, где немцы приказывали закапывать тех, кто больше не мог работать или был расстрелян оккупантами по какой-то иной причине. И все это сделали эти пожилые, мирные с виду, дядьки и болезненные очкастые хлюпики.

Подъехав к станционной водокачке, Доватор спешил и, закинув поводья Орлика за железные перила, принялся карабкаться вверх по узкой лестнице. Оттуда, с крыгой площадки над водяным баком, открывался великолепный вид на Жлобин и окрестности. Но полковника мало интересовали красоты лежащей впереди местности. Выгасив из футляра хороший цейсовский бинокль, он принялся внимательно осматривать местность. И хоть сегодня его кавалеристы были кем-то вроде конной пехоты, но все равно каждый солдат должен знать свой маневр. С возвышенности, на которой расположена станция, прекрасно просматривалась лежащая за небольшим лесом поблескивающая в лучах солнца голубая лента Днепра, петляющая как змея, а также пересекающие ее мосты, два железнодорожных почти прямо перед Калыбовкой и шоссейный мост в некотором отдалении к северу.

Сначала советские войска при отступлении взорвали эти мосты, потом немцы, используя каторжный труд пленных, их починили, а теперь при приближении советско-российских войск снова приготовились их взрывать. Точнее, они лихорадочно готовятся к взрыву, потому что иначе расценить бестолковую суету на мостах невозможно. Помимо капитальных мостов, рядом со средним железнодорожным мостом хорошо видна немецкая наплавная переправа из двух ниток, а сразу за рекой напротив Доватора лежит советский город Жлобин, занятый сейчас врагом, разговор с которым возможен только посредством оружия. И его кавалеристам надо именно туда, на правый берег, чтобы выкинуть эту мышастую германскую погань из нашего советского города, а еще лучше полностью уничтожить всех немецко-фашистских оккупантов, чтобы и следа их не осталось на этой земле.

Но так просто, сходу, город взять явно не удастся. Перед мостами, за лесом, между излучиной Днепра и впадением в него речки Ржавка, находятся станция Вирская с пристанционным поселком. Справа, за Ржавкой, болото, и слева, за поселком, тоже болото. В бинокль на

восточной окраине поселка наблюдаются ниточки окопов предмостных укреплений, занятых батальоном немецкой пехоты, солдаты которого сейчас копают землю — да так усердно, что только земля летит с лопат. Помимо солдат в фельдграу, на окопных работах заняты советские военнопленные, а также тут, то там заметны небольшие группы баб с ребятишками, которых немецкая оккупационная власть тоже заставила строить укрепления.

Между опушкой леса и окопами метров двести. Восьмиколесные броневики, на которых перемещаются «севастопольцы», хорошо защищены только от ружейно-пулеметного огня, но там, внизу, у предмостных укреплений, видны свежотрытые позиции маленьких противотанковых пушечек. Выезжая вдоль железнодорожных путей из леса, броневики потомков сразу окажутся под обстрелом нескольких таких орудий. Не смертельно для бригады (так как этих пушек немного) но крайне неприятно. Хотя, если потомки не будут пороть горячку, а подождут подтягивания своего танкового батальона, тогда кисло на предмостном укреплении станет уже немцам.

Вскоре к Доватору присоединился полковник Поплавский. Внимательно осмотрев местность, он сказал, что, конечно, можно будет разнести всю эту халабуду вдребезги и пополам гаубичной артиллерией (которая уже разворачивается на позициях километрах в пяти позади нас), но эти гады нагнали на свои позиции гражданских и пленных, чтобы прикрыться ими, как живым щитом. В ответ Доватор согласился, что, да, ситуация неприятная, но Жлобин все равно брать надо, причем желательно с целыми мостами и переправами, без лишних потерь, за которые ой как спросят. И ведь даже если за предмостную переправу завяжется обычный стрелковый бой без применения артиллерии, то и наши пленные, и бабы с ребятишками, что роют окопы, обязательно попадут под обстрел и понесут потери. К тому же чем больше проходит времени, тем сильнее укрепляются немцы перед мостами и тем больше у их саперов шансов все-таки взорвать переправы через Днепр.

Полковник Поплавский нехотя кивнул и, согласившись, что такова суровая правда войны, собрался уже спускаться вниз, чтобы бросить свою бригаду в бой за мосты. Вслед за ним засобирался и полковник Доватор, который тоже сделал для себя надлежащие выводы, тем более его разъезды не смогли обнаружить удобного для переправы места ни ниже, ни выше по течению. Повсюду по берегам Днепра имела место мешанина озер, речек, притоков, болот и речных стариц. Наверное, город Жлобин образовался именно на этом месте потому, что именно тут относительно просто можно

организовать переправу, а возле переправы и вырос город.

Внизу послышался шум моторов и лязг гусениц, а потом на лестнице раздалось нутужное топанье — и наверх, на площадку над водокачкой, начали взбираться бойцы потомков, навьюченные большими баулами и железными ящиками. Наверху сразу стало тесно, как на задней площадке трамвая в час пик. Оказалось, что это взвод артиллерийской разведки артдивизиона «севастопольской» бригады и его командир, старший лейтенант Алексей Сестренкин, который решил, что с водокачки, открывается наилучший вид для корректировки стрельбы его дивизиона. И тут полковнику пришла одна идея по поводу того, как бы и гражданских не оцарапать, и немцев наказать, чтобы те и ходить потом не могли.

— Вот что, старлей, — сказал полковник Поплавский, — дайка мне на минутку связь с твоим командиром.

И уже в протянутую рацию:

— Слышь, майор, это Поплавский говорит. Тут нарисовалась такая задница — немцы прикрыли свои позиции живым щитом из наших пленных и гражданских. Сейчас мы с кавалеристами пойдем в атаку, а ты по моей команде, дублированной ракетой белого дыма, обеспечь нам плотную дымовую завесу, чтобы немцам уже в трех метрах было ничего не видеть. Понял? Координаты тебе даст твой лейтенант. НП у него — пальчики оближешь, фрицы на отсюда как вши на тарелочке, знай себе дави.

— Вас понял, товарищ полковник, — хмыкнул в рацию командир артдивизиона майор Лопатин, — сделаем все в лучшем виде.

Отдав рацию, полковник добавил персонально для лейтенанта Сестренкина:

— Слышь, летеха, сейчас наши парни вместе с бойцами товарища Доватора пойдут на этих немецких козлов в ближний бой, так что управление стрельбой от тебя потребуются хирургически точное, я бы даже сказал, ювелирное. Я сам там буду; так что если что не так, потом не обижайся.

И завертелось. Сначала разведчики, рассыпавшись в цепь, выдавили из лесочка передовые немецкие дозоры. Те же немцы, которые не поторопились взять ноги в руки и убраться восвояси, так в лесочке и остались. Навсегда. Они-то в своем фельдграу воображают, что если пару веток под сетку на каске засунули, то уже невидимы. Видимы, видимы, и еще как — российские разведчики им это наглядно показали. Пока разведка давила в лесу вражеские дозоры, одна из рот Севастопольской бригады при поддержке двух эскадронов кавалеристов выбила противника из села

Луговая Вирня, создав угрозу левому флангу вражеского предмостного укрепления.

Еще одна рота и до полка кавалерии выдвинулась вперед с противоположного фланга. Никаких населенных пунктов, на которые можно было бы опереться, с той стороны, правда, не имелось, а имелась проселочная дорога, проходящая по кромке болота и леса и ведущая прямо к правому флангу вражеской позиции. А там от вражеских окопов, проходящих прямо по окраине пристанционного поселка, до опушки леса менее ста метров.

И вправду дурацкая там у немцев позиция, но, чтобы ее поправить, требуется либо лес вырубить (минимум на двести метров), либо поселок начисто снести; а ни на то, ни на другое времени у фрицев уже нет. Гранатой, правда, от опушки до немецких окопов еще не добросишь, а вот злое матерное слово, если погромче, долетает нормально. Также нормально люди, укрывшиеся за деревьями, способны из обычных винтовок по одному перестрелять расчеты противотанковых пушек-«колотушек» и пулеметов МГ.

Пока Поплавский с Доватором обстоятельно готовились к штурму, к Калыбовке подошел и приотставший на марше танковый батальон Севастопольской бригады, сорок один тяжелый танк. По сравнению с этими танками потомков любой танк фашистов кажется склеенной из картона детской игрушкой. А чего тогда, спросил Доватор у Поплавского, мы так извращались? Тот ответил, что лучше провести лишнюю подготовку к бою, чем не проводить никакой. И тут к немцам с той стороны Днепра тоже начало подходить подкрепление. Дождались, однако. Батальон пехоты на бронетранспортерах и десяток танков, из которых две «двойки», а остальные «четверки» с пушками-окурками. Какой приказ получил командир всей этой сборной кампфгруппы, Поплавский с Доватором не знали, но немецкие танки сразу пошли на железнодорожный мост, а бронетранспортеры с пехотой двинулись к наплавным переправам.

Наверное, в самом начале не обнаружив у подошедшего отряда тяжелой техники, командующий немецкой группировкой решился на упреждающую контратаку, чтобы нанести поражение хотя бы части советско-российских сил. А может, такой приказ на контратаку поступил к нему от командования. Немцы — исполнительный народ. Хотя будь на месте «севастопольцев» советская танковая часть, укомплектованная БТ-шками, Т-26 и парой «тридцатьчетверок», у немцев все могло получиться. Восемь «четверок» и два батальона пехоты с бронетранспортерами — по местным временам сила серьезная.

Но расклад здесь был совершенно иным — и вот в воздух взвилась ракета белого дыма, продублированная командой по радио. По этому сигналу, как и было оговорено заранее, на вражеские позиции стали падать дымовые снаряды. Несколько минут спустя, когда вражеские позиции затянуло плотным белым дымом, через гребень высоты у Калыбовки один за другим начали переваливать тяжелые, похожие на черепаха, танки, которые тут же ныряли на проселочную дорогу, ведущую к мосту вдоль железнодорожных путей, проходящих через лес. Пока рвались дымовые снаряды, пока расползалось густое молочно-белое облако дыма, минута, за минутой, и вот на опушке леса к танкам присоединяется спешенная пехота «севастопольцев» и кавалеристы Доватора. На немецких позициях, конечно же, давно слышали рев моторов, но ничего не могли с этим сделать, потому что стрелять наугад из противотанковой пушки вообще занятие дурацкое, а пулеметы, хоть и могут стрелять наугад, но не достанут пехоту и кавалерию, прикрывшуюся заслоном из корпусов боевых машин.

Еще пара минут — и вот из постепенно редющей дымовой завесы на немцев надвигается то, что они совсем не ожидали здесь увидеть, и снаряды «колотушек» отлетают от толстой танковой брони как горох от стенки. В ответ трещат пулеметы, и следом за танками на вражеские позиции врываются советские кавалеристы и российские мотострелки — и начинается резня. Пока мотострелки «севастопольцев» добивают растерянного врага, танки потомков, со скрежетом сминая все на своем пути, насквозь проходят вражеские позиции, доходят до кромки дымовой завесы и, стреляя на ходу из пушек и пулеметов, врезаются во вражеское подкрепление, которое только начало перебираться на восточный берег Днепра. Следом за ними вперед устремляется кавалерия. Вражеские бронетранспортеры, сбитые с понтонов богатырским ударом лобовой брони, летят в воду вместе со своей живой начинкой, горят на мосту «двойки» и «четверки», а головные танки потомков и кавалеристы Доватора уже вырвались на тот берег. Провода, ведущие к взрывмашинкам, перерублены, переправы взяты, путь на Жлобин открыт.

5 сентября 1941 года, 09:45. ГА «Центр», тылы 3-й ТГ, деревня Довск на пересечение автодорог Могилёв-Гомель и Рогачев-Кричев.

Командующий 57-м моторизованным корпусом генерал-майор Адольф Кунтцен

Этот Довск, куда нас засунуло командование — самая настоящая ужасная глухомань. Дела не меняет даже то, что расположена эта глухомань на пересечении двух крупных дорог. Где-нибудь в Европе в таком месте обязательно имел бы место маленький чистенький городок с магазинами,

парой гостиниц и мотелей, а также непременным борделем. Между прочим, те же порядки были в Европе и две тысячи лет назад во времена римской империи. Транспортные средства с тех пор сильно улучшились, а вот европейская цивилизация осталась неизменной. А у этих русских, как у каких-нибудь варваров, ни торговли, ни цивилизации, ни культуры, только триста деревянных домов и тысяча человек жителей. При большевиках тут работал всего один государственный магазин, в котором местные жители могли купить только самые простые товары, а сейчас нет и того. Из местных никто не хочет проявить здоровую частную инициативу, а германская армия не для того пришла в эти места, чтобы снабжать славянских унтерменшей предметами быта.

Но так уж получилось, что, блистательно покорив всю Европу (Чехия не в счет, эти трусы сдались нам без боя), мы по милости ужасных «марсиан» оказались в этой чертовой дыре. Как вспомню тот день, когда авиация «марсиан» соизволила обратить свое внимание на наш корпус, меня сразу охватывает ужас. Самолеты, которые прозвали «Адскими Потрошителями», а чуть позже «Чертовыми Гребешками», первый раз чуть слышно свистящими призраками появились в лучах восходящего солнца и щедро оделили штабную колонну восьмисантиметровыми ракетными снарядами. На всю оставшуюся жизнь я запомню тот ужасный вой и свист, грохот разрывов, крики раненых и стоны умирающих, рев огня, пожирающего машины, сладковатый запах паленой резины и мерзкий привкус крови во рту.

Нет, нас и раньше бомбила авиация. Во время французской кампании англичане и французы, этим летом в начале русской кампании большевики (потом у них просто закончились самолеты), но никогда это не было так ужасно, как сейчас — в большинстве случаев бомбы, сброшенные с большой высоты, падали где-то в отдалении и, отделившись легким испугом, мы могли продолжать выполнение боевой задачи. А тут был полный разгром. Сгорели почти все штабные машины и автобусы, а вместе с ними оперативная документация и шифры. Серьезно пострадало и подразделение охраны штаба, потерявшее множество солдат и офицеров. Более половины офицеров штаба корпуса было ранено или убито. Седые полковники, помнившие еще сражения прошлой Великой Войны, вдруг начинали плакать как дети, и привести их в чувство казалось невозможным. Но самой тяжелой потерей для штаба корпуса оказалась утрата почти всех средств связи. Как нам после этого было получать указания от начальства и руководить действиями подчиненных?

Потом оказалось, что беспокоился я по этому поводу совершенно

напрасно. Потери в панцерах, бронетранспортерах, автомашинах, а также живой силе, которые на протяжении трех дней налетов «марсианской» авиации понесли подразделения нашего корпуса, были настолько большими, что ни о каких активных операциях и речи идти не могло. Мы еще не вступили в бой с этими «марсианами», не сделали по ним ни одного выстрела, а они наш корпус уже почти уничтожили. Некоторые говорят, что «марсиане» — это те же русские, или, по крайней мере, являются их ближайшей родней, но я в это категорически не верю. Не могут эти ужасные и непостижимые сверхчеловек и, опережающие нас повсюду на два шага, являться родней косолапым и недалеким увальням, какими являются русские Иваны. Нет, ни в коем случае великие и ужасные «марсиане» не могут быть родней славянским унтерменшам! Скорее я поверю в то, что это представители древней и могущественно германской расы гипербореев решили вдруг вернуться на родину предков. В результате славянские унтерменши сразу признали в «марсианах» своих древних господ и подчинились им, и теперь те прогоняют нас из своей исконной вотчины, как бауэр прогоняет из своего сада соседских мальчишек, решивших нарвать яблок. Иначе зачем им тогда с нами беспощадно воевать на полное истребление из-за каких-то славян?

Одним словом, те налеты «марсиан» дорого стоили нашему 57-му моторному корпусу; потери, которые мы понесли тогда, фактически привели к его расформированию. Всю пехоту, практически оставшуюся без машин, подчинили напрямую штабу нашей танцгруппы и отправили удерживать линию фронта под Гомелем, а под моим командованием осталась только сводная танцкампфгруппа, которую предполагалось использовать в качестве подвижного резерва для нанесения контрударов вместе с дислоцированной в Жлобине такой же танцкампфгруппой, образованной из 38-го моторного корпуса. За те дни, что прошли после того погрома мы даже смогли вернуть в строй часть поврежденной техники.

И вот тут, когда, казалось бы, уже все наладилось, «марсиане» внезапным ударом прорвали фронт (причем сделали это в окрестностях шоссе, там, где была самая сильная оборона) и начали новое наступление. А там, где «марсиане», всякие предварительные планы просто бессмысленны. Их «ролики» сразу же оседлали магистраль и стремительно покатались в нашу сторону, поглощая километр за километром. Мы-то рассчитывали по себе, что прорвав фронт, они пройдут пятьдесят километров и встанут на отдых километрах в десяти от нас, чтобы произвести дозаправку и обслуживание техники. Именно тогда мы должны были нанести по ним контрудар, и, если не нанести поражение, то,

используя фактор внезапности, хотя бы серьезно потрепать и тем самым задержать их хоть на пару дней.

Но, к нашему великому удивлению и ужасу, не прошло и пяти часов с момента прорыва, а головная панцеркампфгруппа «марсиан», решительно прущая на север, уже показалась в виду нашей передовой заставы, расположенной у деревни Новый Кривск. Причем оказалось, что этот передовой отряд в три десятка роликов «марсиан» почти полностью состоит из тяжелых панцеров, которые по роллбану бегают пошустрее наших «двоек». Какие уж тут контрудары, когда противник вот-вот будет здесь, а у нас еще ничего не готово к его встрече?! Положение оказалось тем более опасным, если учесть, что передовая застава не сумела задержать панцеры «марсиан» даже на минуту. Несколько лихорадочно сделанных пушечных выстрелов, отчаянный крик — и тишина в эфире. Ясно же, что наши парни погибли в том бою все до единого, никто не успел отступить. И при этом мы даже не знаем, был ли в том бою подбит хотя бы один панцер «марсиан»?

На тот случай, если нам придется держать в этом Довске серьезную оборону, на южной окраине вырыли окопы для пехоты и панцеров. Да-да, против «марсиан» с их двенадцатисантиметровыми панцерпушками наши панцеры годятся только в качестве неподвижных огневых точек. Кто сказал «неподвижных мишеней»? Балбесы! По данным нашей разведки, в движущуюся цель «марсиане» тоже попадают с первого же двенадцатисантиметрового снаряда. А у нас самое лучшее, что есть — это «четверки» с их позорной короткой пушкой-окурком, которая не способна даже поцарапать краску на борту «марсианского» панцера. А ведь в ответ с большой точностью прилетит тяжелый снаряд из двенадцатисантиметровой пушки, после чего «четверка» превратится в грудку обломков. С легкими чешскими танками, которые тоже есть в составе моей панцеркампфгруппы, дела обстоят еще хуже. И пушка там слабее, чем на «четверке», и броня тоньше. Двенадцатисантиметровый снаряд просто разнесет «чеха» на обломки, которые разметает по окрестностям.

Вообще-то, сказать честно, с панцерами (подобными тем, что стоят у нас на вооружении) не стоило бы начинать войну даже против одних большевиков с их панцерами Т-34 и КВ. От поражений в первых же сражениях нас спасли только извечные славянские разгильдяйство и неорганизованность. Большая часть их действительно грозных панцеров вышла из строя по техническим причинам, была брошена из-за отсутствия топлива, запасных частей или невозможности эвакуировать и отремонтировать подбитую или поврежденную технику. Ну и недоработки

конструкции и заводской брак — куда же без них, если мы говорим о русских. Идеи у них хорошие, а вот исполнение отвратительное. Но, как я уже говорил, «марсиане» — это не русские, и нам не известны случаи, когда их танкеры просто так выходили бы из строя без боевых повреждений или, тем более, были бы брошены экипажами.

Поэтому я даже не представляю, как мы будем воевать с этим ужасным и беспощадным врагом, из действенного оружия имея только бутылки, наполненные бензином. Такую бутылку солдату требуется поджечь и только потом кидать танкеру «марсиан» на моторную решетку. Вообще-то за каждый успешный бросок солдатам и унтер-офицерам положен отпуск в Фатерлянд, но все понимают, что, скорее всего, вместо Фатерлянда дело кончится просто безымянной могилой, ибо «марсиане» никогда не берут пленных, а о том, чтобы мы могли выиграть этот бой, речь даже не идет.

Но мы же германские солдаты, которые служат Великой Германии, а значит, до конца должны выполнить свой долг перед Рейхом и фюрером. Пусть мы погибнем, но погибнем не зря, и немецкий народ никогда не забудет своих героев. Хайль Гитлер!

полчаса спустя, там же.

Командир 1-го батальона 12-го гвардейского танкового Шепетовского Краснознамённого, орденов Суворова и Кутузова полка имени маршала бронетанковых войск П. П. Полубоярова гвардии майор Сергей Борисович Платонов

Как там пелось в песне: «Летят автострадные танки, шуршат по асфальту катки, и грабят швейцарские банки мордатые политруки! И мелом на стенах Рейхстага царапает главстаршина: "Нам нужен Париж и Гаага, И Африка тоже нужна!"»

Автострадные танки — это как раз про нас, про «восьмидесятки». Если надо, по гладкому бетону шоссе выжмем и семьдесят и восемьдесят... но больше ни-ни, хотя у педали газа еще остается свободный ход. Просто на такой скорости гусеницы уже плохо сцепляются с дорожным покрытием и сорок шесть тонн нашей боевой машины начинают слегка вальсировать по шоссе. Туда-сюда, туда-сюда. И в этот момент становится страшно, потому что это значит, что танк превращается в неуправляемый снаряд, и если вдруг дорога повернет, то нам полет по прямой гарантирован.

Но Швейцария еще далеко, а также, по счастью, гонять с такими скоростями нам тут и не требуется. Тридцати километров в час по дороге, которую можно сравнить только с ее отсутствием, для местных это уже «Дас ист фантастиш!» Но все остальное вполне верно — нам, точнее местному СССР, чтобы с европейской земли никогда больше не пришла

война, нужны и Лондон, и Париж, и Гаага, и Осло, и Мадрид. Такие, как мы, имеют право говорить, потому что именно мы крутим Землю в нужном направлении гусеницами своих танков. Действительно крутим, без дураков. Сегодня во время рывка к Могилеву наш батальон идет в головном дозоре. Вы спросите, почему первыми идет танковый батальон, а не разведрота? А потому что их БТРы и БРМ-ки немецкие противотанкисты пожгут запросто, а вот против «восьмидесятков» у них методов нет. Лучший головной дозор — это беспилотник над дорогой. Это мы еще с Гомельской операции усвоили.

И даже если с воздуха прохлопают засаду, то ничего страшного не случится. Бац-бац-бац по броне, как горох об стену, обычно в идущую впереди колонны БМР^[29]-ку. Мы ответим солидно так, несколькими пушечными выстрелами и пулеметными очередями — и тишина... А будь на нашем месте что-нибудь легкое и слабо бронированное, так там и до беды было бы недалеко. Так мы сняли вражеский заслон у деревни Новый Кривск. Одна «четверка» и два легких чешских танка не доставили нам больших забот. «Четверку» мы сняли пушечным выстрелом еще издали, до того, как засада себя обозначила. А вот тратить выстрелы к пушке на «чехов» меня задушила жаба. Ведь каждый такой выстрел приходится вести с нашей стороны портала, зато патронами к НСВТ нас вполне исправно и в достаточном количестве снабжают местные. А иногда мы и сами себя снабжаем, когда нарвемся на немецкий склад захваченного у наших растяп добра, как это недавно было в Гомеле. Одним словом, «чехи» несколько раз успели выстрелить по БМР-ке, а в ответ были буквально изрублены очередями «крупняков». На то они и легкие танки, чтобы с пятисот метров поражаться бронебойным патроном Б-32 и бронебойно-зажигательно-трассирующим БЗТ. Ни один немецкий танкист даже не попытался выбраться наружу из охваченных пламенем железных гробов, что говорило о том, что экипажи «чехов» погибли прямо на своих боевых местах.

О том, что в Довске нас ожидает крупная мотопехотная группировка противника, было известно еще до начала наступления. На снимках, которые привезла воздушная разведка, отчетливо видны ниточки окопов и расставленные меду домами танчики в капонирах — иначе и не скажешь, сравнивая с нашими машинами эти изделия немецкого и чешского танкопрома. Хотя что немецким танкистам Гитлер дал, на том они и играют. И с этим железным зоопарком Гот, Клейст и Гудериан умудрились насквозь пройти всю Европу, а в СССР на месяц дойти до Киева и взять Смоленск. Кстати, будь я на месте генерала Гота, то, находясь в обороне,

тоже бы воткнул на перекресток магистралей подвижный резерв. Для этого даже не надо заканчивать Академию, таким вещам преподаватели тактики учат будущих офицеров еще на первом курсе танкового училища, а тех, кто не способен это усвоить — выгоняют за профнепригодность. Как говорил в свое время наш преподаватель тактики, седой помнящий еще эту войну, майор Прокопьев: «В ветеринары, нахрен, коровам мозги крутить». За что майор Прокопьев так невзлюбил ветеринаров, я не знаю, но то, что он так говорил, это факт.

Кстати, против нас, российских танкистов, эти гансы с их игрушечными танками не пляшут ни при каком раскладе, а вот будь на нашем месте советский мехкорпус розлива июня сорок первого года, так я бы и не знал, на кого ставить. Наверное, все бы зависело от командира того мехкорпуса. Рокоссовский, Лелюшенко и еще пара-тройка действительно талантливых генералов дали бы этим фрицам дрозда даже с БТ-шками и Т-26-ми в основном составе, а вот остальные и технику бы свою пожгли, и результатов не добились. Проблемы в этом городишке нам может доставить только германская пехота, но как раз ради таких случаев прямо за нами по шоссе прет мотострелковый батальон гвардии майора Гурьянова, по огневой мощи равный германскому пехотному полку. Так что показываем мастер-класс игры на реактивном баяне. Учитесь все, пока мы здесь.

Сразу за Старым Кривском был Новый Кривск, через пустую главную улицу которого мы, не снижая скорости, проследовали походной колонной, потому что воздушная разведка не выявила в нем присутствия противника. Даже белоповязочных полицаев немецкая оккупационная администрация еще не успела организовать. Сразу за Новым Кривском находился мостик через заболоченный ручей, а за ним село Ямное, лежащее непосредственно перед Довском. От окраины до окраины меньше полутора километров. По стороны от Ямного лежали поля, на которых еще торчала обгорелая стерня сожженной при приближении немцев пшеницы. Командую: «Первая рота прямо, вторая налево, третья направо» — это батальон начал развертываться в боевой порядок на некотором расстоянии от вражеских позиций. Следующие за нами мотострелки должны проделать тот же маневр.

Через село Ямное двигаемся, предварительно сбросив скорость и внимательно крутя командирскими перископами во все стороны. Головы из люка выставлять неохота. Хоть воздушная разведка и говорит, что немцев в Ямном опять же нет, но черт его знает, как оно обстоит на самом деле. Слишком уж близко это Ямное к вражескому гнездилищу, и я ни за что не поверю, что дойче зольдатены не лазали сюда организованными группами

в поисках молодых баб и ядреного самогона, который можно пить, а можно и лить в баки танков. Что бывает в населенных пунктах после того, как там порезвится германская солдатня, мы уже знаем по операции освобождения Гомеля. Насмотрелись на «типично арийские зрелища» по самое нехочу. Пожалуй, в бесстыдной и бессмысленной жестокости с германским солдатом может состязаться только японский. Кто не знает, может поинтересоваться смыслом слов «Нанкинская резня». Англосаксы тоже умеют зверствовать, но они стыдливо прячут свои художества за стенами тюрем, желательно тайных, да за оградами концлагерей. Иначе их чувствительная общественность начинает сильно волноваться по поводу несоответствия итогов так называемых «гуманитарных вторжений» запланированной всемирной демократии. Лицемеры, чего с них взять; с откровенным зверьем дело иметь все же проще.

Причем, если наш человек может начать чудить только нажравшись дармового бухла, то немчики зверствуют исключительно трезвые. И точно — справа по ходу, перед зданием, которое может быть только сельсоветом, виселица. И на ней типичное арийское зрелище — три повешенные бабы, причем две из них голые. И надпись на табличках должна гласить «Они сопротивлялись немецким солдатам». Небось, повесив этих баб, немцы, особенно офицеры, еще вволю пофоткались на их фоне, значит, на память. Тоже обычное для них дело. Иногда мне кажется, что весь их вермахт состоит из садистов и половых извращенцев, а нормальных людей, которые каждый день ходили бы на работу, любили жену и детей, вежливо здоровались с соседями, в природе не существует, и что все это миф либеральной европейской пропаганды. Или это просто так замуштрованное сознание, раскрепостившись, выпускает на свободу своих демонов. Ну ладно, проехали! Работать пора. А в общем, как говорил святой князь Александр Ярославич: «Кто с мечом к нам придет, тот сам виноват во всех своих несчастьях». Несчастья мы им, козлам, обеспечим.

тогда же и там же.

Командующий 57-м моторизованным корпусом генерал-майор Адольф Кунтцен

Со своего НП я в бинокль наблюдал, как из-за соседней деревни, попутно выстраиваясь в боевой порядок, четко, как на параде, выворачивали тяжелые пантеры «марсиан», похожие на огромных стальных черепах. Раньше я никогда не видел этих чудовищ собственными глазами, только слышал пересказы рассказов очевидцев (то есть из вторых, а то и третьих уст) и потому внешний вид «марсианских» пантеров меня шокировал. Казалось, что главной деталью этого вида были длинные

крупнокалиберные орудия, далеко выступающие за срез лобового листа. Их длиннющие стволы хоть и противоречат установкам современной танковой науки, но при этом выглядят очень красиво и впечатляюще. И угрожающе — когда кажется, что все эти стволы нацелены только на тебя одного.

Думаю, что, проектируя свои панцеры, «марсиане» не стали читать военно-теоретических трудов нашего милейшего танкового гения Гудериана или же просто послали к черту все его бредни. Например, о том, что «панцеры с панцерами не воюют», или о том, что панцер не должен иметь слишком длинную пушку, чтобы не повредить ее при таране вражеских зданий и сооружений. Впрочем, другие его заветы (например, о важности скорейшего ввода панцеров в прорыв и их быстрого продвижения по вражеским тылам) они выполняют неукоснительно. В любом случае, я думаю, что герр Гудериан сможет лично выслушать все, что «марсиане» захотят сказать ему на эту тему, ведь он сейчас как раз находится у них в плену, а нам нужно позаботиться о наших собственных делах, которые складываются не очень хорошо.

Длинные пушки панцерам марсиан по большому счету оказались нужны не только для красоты. Несмотря на расстояние в полтора километра, то один панцер, то другой начали выбрасывать в нашу сторону клубки яростного бело-рыжего порохового пламени. И первые же их выстрелы пошли точно в цель. В яростной вспышке взрыва, отчаянно кувыркаясь, взлетает в небо башня пораженной насмерть «четверки», вспыхивают факелами два «чеха», потом с грохотом взрывается еще одна окопанная по самую башню «четверка». Между тем с начала боя не прошло и одной минуты. Выстрелы из танковых пушек гремят уже по всему фронту, тяжелые смертоносные снаряды выбивают наши окопанные и замаскированные панцеры, а позади боевой линии тяжелых панцеров «марсиан» во вторую линию начинают развертываться машины более легкого класса, напоминающие поставленные на гусеницы зубила. Их маленькие плоские конические башни, подобно башням наших «двоек», оказываются вооруженными мелкокалиберными скорострельными автоматическими пушками, которые короткими очередями тут же начинают вносить свою лепту в творящийся хаос, только их целью становятся не панцеры, а пулеметные точки и наблюдательные пункты. Немецкие танкисты и артиллеристы пытаются отвечать, но получается это у них плохо.

Еще несколько минут — и вот откуда-то позади приблизившейся линии легких панцеров будто из-под земли начинают появляться цепи знаменитой «марсианской» пехоты, закованной в свои персональные

панцири. Тут же с северной окраины Довска начинают часто кашлять наши восьмисантиметровые минометы, которые наконец получили для себя доступную цель. Не по тяжелым же панцерам им стрелять? Но восьмисантиметровых минометов в нашей кампфгруппе имелась всего три батареи, после понесенных потерь в них было по четыре миномета, то есть всего двенадцать штук. Пятисантиметровые минометы, которых у нас было почти вчетверо больше, до «марсиан» пока не доставали. К сожалению, даже под минометным обстрелом «марсианская» пехота не залегла и не повернула назад, хотя было видно, что в цепи есть раненые и, возможно, убитые.

Не успел я порадоваться тому, что хотя бы минометчики сумели нанести какой-то ущерб столь страшному противнику, как вдруг, опять же с дальней от нас окраины лежавшей на стороне противника деревни Ямное, стали раздаваться методичные глухие хлопки. И первый же разрыв поблизости от позиций наших минометчиков показал, что на минометы у нас монополии нет, а также то, что «марсиане» опять обошли нас в размере, то есть в калибре. Их мины рвались как минимум как пятнадцатисантиметровые гаубичные снаряды. Каким-то образом они почти точно угадали расположение наших тяжелых^[30] минометных батарей, и после нескольких пристрелочных выстрелов перешли к стрельбе на поражение. Не прошло и нескольких минут, как минометный огонь с нашей стороны прекратился. Одна батарея погибла от взрыва штабеля с собственными минами, а две других понесли значительные потери в людях и минометах, после чего были вынуждены прекратить

И в этот момент я обнаружил, что, увлекшись борьбой с врагом на центральном участке обороны, я позабыл про фланги, где нас уже начали обходить вражеские танцы и мотопехота, чья линия, первоначально совсем прямая, теперь изогнулась наподобие буквы «С», своими рогами уже почти перерезав шоссе Рогачев-Кричев западнее и восточнее Довска. Стыд и позор — вверенную мне кампфгруппу обошли по флангам, а я это только что заметил. Но парировать вражеский удар и восстанавливать положение мне было уже просто нечем. На центральном участке обороны обстановка тоже складывалась далеко не самым лучшим образом. В ближайшем будущем дело там дойдет до ручных гранат и бутылок с бензином, после чего бой может перейти в избиение побежденных торжествующим врагом.

Сам Довск, если посмотреть на него с пролетающего самолета, имеет форму креста, четыре стороны которого направлены к Могилеву, Кричеву, Гомелю и Рогачеву. Так вот, Рогачевское и Кричевское направления были

уже перерезаны, а Гомельское находилось под обстрелом с трех сторон и, кроме того, на самый дальний его конец ворвалась «марсианская» пехота, тут же завязавшая ближний бой.

Как оказалось, сражаться на коротких дистанциях, в условиях деревни или небольшого города, «марсиане» умеют ничуть не хуже своих большевистских миньонов; и звуки схватки, выстрелы и разрывы гранат стремительно покатались к центру Довска. Кстати, от бутылок с бензином не было никакого прока, а некоторые наши солдаты пострадали напрасно, заживо сгорев только потому, что эти бутылки, такие нестрашные с виду, оказались разбиты пулями в руках или в то время, когда они мирно лежали в своих гранатных сумках.

Когда пехота «марсиан» ворвалась на окраину деревни, боевые порядки «марсиан» были тут же перестроены. Теперь находящиеся впереди линии панцеров пехотинцы заботились об их сохранности и отражении угроз со стороны метателей гранат и бутылок с горючим, а те, в свою очередь, поддерживали действия пехоты огневой мощью. В принципе, к данному моменту было понятно, что позицию в Довске нам не удержать, а поскольку слова «отступление», по приказу фюрера, для немецких солдат и офицеров больше не существовало, то мы могли только сражаться до последнего вздоха и последней капли крови или сдаться в «марсианский» плен.

Пока я думал над этой дилеммой, оказалось, что схватка уже разгорелась непосредственно на подступах к моему НП, линии связи перерезаны, в эфире стоит сплошной вой и свист, и я уже ничем не управляю и могу отвечать только за себя самого, своего адъютанта, денщика и пару связистов, которые уже охрипли, крича во внезапно оглохшие трубки телефонов. Поняв, что я больше ничего не могу сделать, я приказал своему денщику Эрику открыть мой чемодан, достать оттуда белую нижнюю шелковую рубашу и приспособить ее в качестве флага капитуляции. Увидев такой позор, мой адъютант обер-лейтенант Карл застрелился, только бы не попасть в «марсианский» плен. И вот когда появившийся на бруствере фантастически выглядящий вражеский солдат движением ствола своего оружия пригласил меня вылезать из той норы, в которую я забился, это уже был настоящий конец!

тогда же и там же.

Местная жительница Марьяша Соловейчик (14 лет)

Когда Красная армия отступила и пришли немцы, боев у нас не было. Враг пришел как к себе домой и уверенно расположился в нашей деревне. Мамка тогда много ругалась — говорила, мол, зачем нам такие защитники,

которые от немца не боронят. При царе Николашке русские солдаты три года воевали, революцию сделали, царя свергли, а враг к нам так и не дошел. А тут два месяца Красная Армия провоевала — и пожалуйста, поганые немецкие хари уже на пороге; лыбятся недобро, глазами зыркают, прислуживать заставляют. Курка, млеко, яйки, девка.

Правда, в первый раз поганые хари пробыли у нас в Довске недолго. Первым делом они постреляли всех наших собак, потом повесили председателя сельсовета деда Тараса и снасильничали нескольких молодых солдаток. После этого Кристя (Игната, соседа, жена) и Олеся (Касьянова жена) от позору удавились в сарае. Мамка говорит, что они обе дуры набитые. Не то срам и позор, когда их немец берет силой а они ему усю харю расцарапали, а если б они сами миловались с мерзавцами. А так-то, когда война, это дело житейское.

Уж самый настоящий срам и позор был бы, если бы они за плитку шоколаду и полпалки сервелату сами под фрица поганого легли. Так наша соседка Любашка и сделала — легла под германского офицера. Мамка говорила, что Любаша девка видная, но дурная и капризная, которую, несмотря на все ее прелести, ни один парень не хочет брать замуж. Тьфу ты, говорили, дура с хотелками. Теперь она себе вообразила, что немец возьмет ее замуж и увезет к себе в Германию, сделает своей фрау. Ха-ха, да если бы этот офицер брал замуж всех дур, с которыми переспал, то у него был бы гарем побольше, чем у турецкого султана и персидского шаха, вместе взятых. К тому же что эта Любашка скажет в НКВД, когда наши погонят немца и советская власть вернется обратно в Довск? Что ей захотелось попробовать европейской культуры? Да и вообще не понимаю я ее, честное слово. Как можно с вражиной любиться, который народ твой истребляет? И не тошнит ведь... Правильно бабка Клава про Любашку говорит — курва, мол, она, и тварь продажная. Да все теперича в ее сторону плюются, а с матерью ее и не здороваются никто — воспитала, говорят, подстилку.

Одним словом, первые немцы, которых мы увидели, перебыли у нас ночку, нагадили как могли и укатили дальше в Гомелю, навстречу своей судьбе. Там наши недавно устроили большое контрнаступления и разом побиили много немцев. Целых два дня санитарные машины вывозили в сторону Могилева раненых, а потом все, как отрезало — врага окружили. Обер-лейтенант, с которым спала Любашка, небось, уже гниет где-нибудь в безымянной могиле... Но это было уже потом, а пока, когда первые немцы от нас ушли, в Довске остался пост фельджандармерии и комендатура. Старший фельджандарм, лейтенант Краузе, оказался старой толстой

свиньей, очень любящей вкусно пожрать, а на десерт употребляющей молоденьких девочек. Ну, вы меня поняли... Меня, например, мамка на чердаке прятала и выпускала только тогда, когда этот аспид уgomонится. А я в фантазиях воображала, как раздобуду гранату и брошу в него... Уж такой он был отвратительный и жестокий, с пронзительный визгливым голосом и маленькими белесыми глазками, внешность его удивительно соответствовала внутреннему содержанию.

Напротив, комендант Довска, гаугтман Крюгер был высокий, худой, какой-то почерневший, и из еды употреблял исключительно молоко. У него, видишь ли, язва. И вообще, гаугтмана он получил еще на Империалистической войне, геройствуя против французов, и с тех пор военной карьеры не сделал, а был у себя в Германии кем-то вроде счетовода. Так вот, на маленьких девочек герр Крюгер внимания не обращал, а прятаться от него надо было таким, как моя мамка — то есть женщинам зрелым, но не старым, с видной и пышной фигурой. Но ничего страшнее обжимашек, когда никто этого не видит, бабам при этом не грозило. Схватит этот гаугтман Крюгер бабу за сиську или интимное место и начинает мять как тесто, а сам при этом балдеет, аж глаза закатываются. И самое интересное — бабы потом сами об этом друг другу рассказывали и даже жалели немного этого унылого немца, говорили, что он еще в ту войну был контуженый и травленный газами. А все потому, что этот гаугтман Крюгер был совсем не злой, не то что лейтенант Краузе — сам жил и нам давал. Но все равно я сказала мамке, что не надо его жалеть — он немец, а значит, наш враг. Она на меня рассердилась и даже хотела побить, но я все равно была права! Раз пришел на нашу землю — значит, мерзавец! Все фашисты — подлые захватчики, убийцы и палачи, а самый главный выродок — их поганый Гитлер.

Но потом мне как-то стало не до подобных мыслей, потому что началось такое, что ни в сказке сказать, ни пером описать. И добрых немцев нам больше не попадалось; все они были нервные, напуганные и очень злые. Поговаривали, что сначала наши хорошенько наподдали им под Унечей — мол, было крупное сражение, в котором разбили множество вражеских войск, и даже в плен попало несколько генералов. Но Унеча от нас далеко, и что там было взаправду, а что нет, из наших довских никто не знает. Потом, через несколько дней, было контрнаступление наших под Гомелем, и вот о нем мы знали уже достаточно хорошо, как и о том, что наши там окружили цельную немецкую армию, отрезали ее от своих и начали бить чем ни попадя. Иногда мы у себя в Довске слышали, как там, под Гомелем, стреляют пушки. И при этом мы радовались, но тихо, чтоб

немцы не видели — так вам, гадам, получите, а нечего было на нашу Советскую Родину нападать!

Тогда и началось все самое главное и интересное. Немцы взяли с другого участка фронта много-много танков и солдат, чтобы перебросить их на помощь своим окруженным войскам. Но когда эти танки и машины с солдатами стали проходить через наш район, их принялась бомбить наша авиация. Такие новые большие самолеты без винтов, и мотор у них не шумит, как обычно — «у-у-у-у-у», а тонко свистит... Хорошо бомбили — тщательно, с огоньком, и днем и ночью. Возле Довска разбили две колонны из грузовиков с пехотой и одну из танков. Мы сами видели, как эти чудные самолеты пролетали над крышами наших домов. И ведь Довск и соседние деревни они не бомбили, а стоило германцу высунуть нос за околицу, так сразу — получи, фашист, гранату (точнее, бомбу).

Поэтому немцы стали у нас в Довске прятаться от бомбежек, и напряталось их тут великое множество. И главным у них был цельный генерал с таким же именем, как и у Гитлера — то есть Адольф. Он страшно орал на гаугтмана Крюгера, топал ногами и размахивал руками — сразу было видно, что чего-то требовал; да только мы не понимали, чего именно, потому что не знали немецкого. Но явно ничего хорошего нам от этого Адольфа не светило, и поэтому мы приготовились к худшему. И точно. Если первые немцы перестреляли только собак (хотя жрать их не стали), эти сразу же пожрали в Довске всех кур, гусей, уток, поросят, свиней, и даже коров. И все им, паскудам, было мало. Кроме того, по приказу этого немецкого генерала в целях предостережения от враждебных действий схватили и повесили перед сельсоветом пятерых наших сельчан, арестованных ни за что, а еще десятерых человек назвали заложниками и заперли в холодной. Нам объявили, что, мол, в следующий раз, если случится какая-нибудь нелояльность, то повесят уже этих десятерых, а в заложники возьмут уже двадцать человек.

При всех этих зверствах сами немцы были чем-то ужасно напуганы. Было отрадно смотреть на их мерзкие бледные физиономии, искаженные страхом; но мы, конечно, избегали смотреть им в лицо, чтобы они не увидели наших чувств. Адьютант (и по совместительству переводчик) немецкого генерала, хлопнув стакан самогона, говорил, что мы, русские, воюем с немцами нечестно, потому что позвали себе на помощь то ли выходцев из ада, то ли пришельцев с Марса — настоящих людей войны, которые теперь истребляют немецких солдат как хотят. И что бомбили их как раз ужасные самолеты этих существ, которые поэтому и смогли нанести немецким войскам огромный ущерб. Этот Карл все время трясся

от испуга и говорил, что для того, чтобы стать такими непобедимыми, пришельцы эти непрерывно пьют человеческую кровь и сосут костный мозг. И что, мол, когда тут закончатся немцы, эти исчадия возьмутся за нас и всех перебьют.

Ну да уж, конечно... Какой только ерунды человек не наговорит от испуга! Пришельцы, марсиане и прочая дребедень, думала я тогда, это все гений товарища Сталина, который добился перелома в войне и чтобы фашистов погнали обратно — туда, откуда они и пришли. Но сегодня, когда на рассвете даже до Довска донесся вой и грохот идущей на прорыв советской артиллерии, стало ясно, что истина лежала где-то посередине между моим мнением и мнением этого дурачка Карла. Сначала «наши» немцы вели себя относительно спокойно, и даже их генерал делал вид, что будто ничего особенно не происходит. Расхаживал по деревне, важный как павлин, и давал указания своим солдатам, как им готовиться к отражению нападения наших, которое, как сказал Карл, пристрастившийся к нашему самогону, по его расчетам, случится только сегодня к вечеру или вообще завтра утром. Но свои расчеты Карлу пришлось скомкать и использовать в сортире по прямому назначению. Едва утреннее солнце поднялось повыше (то есть задолго не только до вечера, но и до полудня), как неподалеку от Довска, где-то в направлении Гомеля, раздались несколько громких пушечных выстрелов. Ну, немцы после этого и забегали — точно как тараканы у нас в хате, когда мамка среди ночи затеплит от лампадки лучину. Казалось, что все они обделались от страха перед грозной опасностью.

Но забегали не только немцы. Нам тоже пришлось подсуетиться. Едва раздались выстрелы, мамка сняла из красного угла иконку с лампадкой, сгребла в охапку весь наш выводок (я была старшая) и утянула всех в подпол, от греха подальше. Германцы явно собирались защищаться, а наши (или те самые ужасные «пришельцы-марсиане») намеревались их воевать — а следовательно, когда повсюду летают бомбы и снаряды, лучше не попадаться на пути ни у тех, ни у других. В подполе было темно, сыро и прохладно. Сперва было скучно, потому что ничего не происходило, но потом немцы сверху начали стрелять, а наши в ответ ударили так, что земля затряслась и с потолка на наши головы посыпался всякий мусор, после чего стало уже не скучно, а страшно. Вскоре земля тряслась уже почти непрерывно, а от особенно сильных взрывов она даже подпрыгивала вверх и вниз. Мелкие — Каська, Янек и Давид — непрерывно пищали и жались к мамке, а в особенно страшные моменты голосили благим матом, но никто (в смысле немцы) на них не обращал внимания, им явно было не до нашей

семьи, прячущейся в подполе. А может, из-за грохота взрывов наверху просто не было слышно этих воплей... Ой, не знаю.

Одним словом, за все время, пока там, на земле, шла вся эта огненная свистопляска, нас в подполе никто и не потревожил. А потом все утихло, земля перестала трястись, и где-то недалеко от нашей хаты (на север, в направлении Могилева), стало проезжать что-то большое, лязгающее и тяжелое, так что земля снова затряслась, но уже мелко-мелко, совсем иначе, чем от взрывов. Я уже хотела вылезти и посмотреть, что там творится, но мамка меня не пустила. И вот мы ждали, ждали — и дождались... Над нашей головой раздались шаги. Потом сильная мужская рука подняла крышку подпола, впуслав внутрь луч серого дневного света, и молодой мужской голос на чистом русском языке позвал нас:

— Эй, хозяева, вылезайте, все уже кончилось! Мы вас не обидим.

Когда наши глаза привыкли к свету, мы увидели, что в подпол заглядывает молодой парень, лицом немного похожий на нашего соседа Константина, который еще до прихода германцев ушел добровольцем в Красную армию. Форма на этом бойце была не немецкая, правда, и красноармейскую напоминала мало; впрочем, с первого же взгляда я увидела главное — петлицы с треугольниками на торчащем из-под толстого жилета воротнике и пятиконечную звездочку на обтянутой тканью каске. Правда, все это — и петлицы и звездочка — было не красным, как положено красноармейцам, а зеленым, а лицо бойца украшали нарисованные по диагонали черные полосы, как у охотников за головами из какого-то африканского племени, про которых я читала в книжках. Но все равно что-то внутри меня во весь голос кричало, что этот боец свой. Такое вот у него было лицо — свое, родное, доброе и участливое. Он протянул мне руку — и я крепко ухватилась за нее. А когда я вылезла, мамка принялась подавать нам по очереди Каську, Янека и совсем маленького Давида, который только недавно научился ходить. И только самой последней из подпола вылезла наша мамка, прижимая к груди икону. Из глаз ее текли слезы, она тихо бормотала: «Вернулись, родимые!»

В нашей хате в окнах не осталось ни одного целого стекла, с потолка нападала всякая дрянь, осколки и пролетающие снаряды прохутили крышу, которую теперь еще понадобится чинить. И во дворе с огородом тоже был разгром — вроде поваленного плетня и огромной ямы, что получилась прямо посреди грядок с огурцами. Но главное, что мы все были живы и здоровы, а люди, которые освободили нас от немцев, с нами и между собой разговаривали на чистом русском языке, при этом называя друг друга товарищами.

Я раньше и не думала, что это слово для меня может звучать слаще любой музыки. Уже потом я узнала потрясающую вещь, в которую почему-то поверила сразу — казалось, что освободили нас никакие не пришельцы из ада или «марсиане», а наши же собственные потомки, которые нашли способ подать руку помощи сражающейся стране. Они действительно наши! Не зря таким родным показался мне тот солдат, что помог нам выбраться из погреба. Мы испытали огромное облегчение и радость, узнав, что немцы, которые тиранили нас целый месяц, умерли почти все. В живых осталось всего несколько штук, о которых либо позабыли в сутолоке боя, либо захватили, потому что они были важными персонами. Среди последних был и тот самый генерал Адольф. Теперь он вовсе не походил на павлина, а напоминал мокрую, наполовину ошипанную курицу. Вот так, как сказал дед Панас, наш деревенский мудрец, и проходит слава мира. Сегодня ты был генерал, а завтра будешь пилить лес в Сибири, отрабатывая все, что сжег и разрушил.

**5 сентября 1941 года. 12:35. Брянский фронт, Штаб фронта в Унече
Командующий Брянским фронтом генерал армии Георгий Жуков**

Настроение у командующего Брянским фронтом генерала армии Георгия Жукова было отличным, просто великолепным. Вымерив курвиметром пройденное ударными группировками расстояние, он отодвинул от себя карандаш и лист бумаги с расчетами, после чего принялся высвистывать «Марш Советских Танкистов» («Броня крепка и танки наши быстры»).

Потомки действовали настолько стремительно, что резервы противника оказались смяты и рассеяны еще до того, как тот сумел использовать их для нанесения контрудара по наступающим войскам. Уже к полудню все задачи, которые он, Жуков, как командующий фронтом, ставил перед ударными группировками на первый день наступления, были выполнены, а яростные красные стрелы все глубже и глубже вонзались в мягкое и беззащитное брюхо группы армий «Центр», большая часть резервов которой оказалась связанной глубоко второстепенными боями за Кричев. И хоть он, Жуков, первоначально был против, генерал Матвеев верно оценил обстановку и соотношение сил, после чего настоял на неоставлении Кричева после разгрома штаба второй танковой группы противника и пленения ее командующего.

И хоть немцы, решившие, что именно здесь наносится главный удар, полезли на Кричев как осы на мед, ни к какому положительному результату для положения вермахта их яростные атаки не привели. Кричев обороняла сводная группировка, состоящая из штрафных стрелковых батальонов,

сформированных из освобожденных пленных, которые поддержала артиллерия и мобильные механизированные группы потомков. Штрафники, которым было обещано, что после успешного завершения операции об их сдаче в плен забудут, сражались с врагом яростно и самоотверженно. Командовал Кричевской группировкой полковник Черняховский (ни в чем не провинившийся), которого сняли с его почти разгромленной 28-й танковой дивизии и послали получать боевой опыт во взаимодействии с потомками.

По данным разведки (Жуков мысленно усмехнулся), эти батальоны даже сочли особыми частями, сформированными из одних коммунистов, которые сражаются до последнего патрона и никогда не сдаются в плен, ни при каких обстоятельствах. Дурачки. А вы попробуйте убедить сдаться в немецкий плен людей, которые там уже побывали и в досталь хлебнули этого «счастья». Да за такое предложение можно без разговоров получить в ответ в морду, а от особо нервных — даже пулю, но в любом случае тело «агитатора» сдадут особисту на предмет расследования «а этот тут откуда взялся?». Конечно, свою роль сыграло и то, что сражающиеся за Кричев «штрафники» в силу сложности задачи были вооружены пулеметами и гранатометами из будущего — следовательно, они могли не просто оказывать немцам сопротивление, но и делать это весьма эффективно. В каждой атаке немецкие войска в буквальном смысле умывались кровью, и даже привычная поддержка авиации, артиллерии и танков не играли такой большой роли, как прежде.

Первой потерпевшей от действий потомков была германская авиация — после первых же серьезных потерь она предпочла действовать где угодно, но только не там, где можно схлопотать ракету в крыло из переносного зенитного комплекса. Потом пострадала германская артиллерия — ее позиции накрывались после первых же выстрелов. Причем хорошенько накрывались, на совесть, так что из дивизиона потом едва-едва можно скомплектовать одну батарею. Вот и выработался у немецких артиллеристов рефлекс сидеть тихо и помалкивать в тряпочку, а то коллеги на той стороне шуток не понимают — чуть что, сразу под покрытие. Что же касается танковой поддержки, то ее свело на нет наличие в штрафных стрелковых батальонах большого количества противотанковых гранатометов со складов по ту сторону портала. Тактика подпустить вражеский танк поближе и вклепить гранату в левую часть корпуса, под боеукладку, чтоб башня улетела под облака, стала настолько распространенной, что ближе полукилометра немецкие танки к советским окопам теперь стараются не приближаться. Реактивная граната, конечно,

летит метров на восемьсот, но на дистанции больше трехсот метров попасть во вражеский танк становится затруднительно, а если больше пятисот, то и почти невозможно. Но если немецкие танки, обстреливая советские позиции с большого расстояния, становились слишком назойливы, то там обычно появлялась «пожарная команда» потомков, которая быстро ставила нахалов на место.

Именно несколько таких небольших групп танков, БМП и БРДМ с ГТТУР, мечущихся с одного участка обороны на другой, создавая иллюзию большой численности, и убедили германское командование в том, что именно с кричевского выступа развернется решающее наступление на Смоленск по кратчайшему расстоянию. В штабе группы армий «Центр», очевидно, считали, что пауза, которую взяли советские и российские войска после освобождения этого стратегически важного транспортного узла, необходима для накопления нужного для наступления количества войск. Теперь же, когда все оказалось совсем не так, фон Боку оставлось на себе волосы во всех труднодоступных местах, потому что резервы частично скованы, а частично растрочены впустую, а с юга к его ставке со скоростью горной лавины неумолимо приближается подвижная группировка потомков.

При этом противопоставить надвигающейся танковой лавине, кроме разрозненных маршевых пополнений, фон Боку просто нечего. Те части, на которые он рассчитывал, уже стоптаны потомками, фактически не снижая скорости, а от прибывающих в Бобруйск эшелонами через Польшу отдельных частей первой танковой группы потомки прикрылись двумя своими элитными бригадами, занявшими Жлобин и Рогачев. Флангового контрудара по всем правилам у немцев не получится, о такие заслоны способны пообломать зубы и парни посерьезнее, чем выгружающийся в Бобруйске генерал от кавалерии Эберхард фон Макензен вместе с его 3-м моторизованным корпусом. И это в том случае, если потомки, передав фронт на плацдарме подбежавшим с тыла стрелковым дивизиям 21-й армии, не нанесут по группировке Маккензена упреждающего удара. Те немецкие командиры, которые никогда раньше не имели дела с потомками, частенько попадают на подобные уловки.

Конечно, 41-й моторизованный корпус генерала Рейнхарта, который до последнего момента атаковал сводную кричевскую группировку со стороны Пропойска (Славгорода), может развернуться на сто восемьдесят градусов и вдоль того же шоссе нанести удар в направлении Довска. С целью недопущения таких действий противника во втором эшелоне наступающих войск движется конно-механизированная группа генерала

Ермакова в составе 108-й танковой дивизии, а также 55-й и 4-й Донской кавалерийских дивизий, усиленных двумя выбитыми Жуковым механизированными батальонными тактическими группами потомков. Стремительным рывком уже к завтрашнему полудню войска группы Ермакова достигнут рубежа города Пропойска (Славгорода), где перейдут к активной обороне по реке Проне между болотистым берегом реки Сож и не менее болотистым лесным массивом к северо-востоку от города. Если Ермаков успеет (а подозревать его в нерасторопности нет оснований), то Рейнхард сможет биться головой об его рубеж ровно с тем же удовольствием, с каким он бился об оборону под Кричевом. В любом случае в самое ближайшее время они с генералом Матвеевым собираются поставить всю группу армий центр в такую неудобную позу, из которой обычно пьют олени. И тогда в района Могилев-Орша для немцев начнется то же самое, что творилось под Минском два месяца назад при попытке частей Западного фронта выйти из Белостокско-Волковысского котла. Долг обычно красен платежом, а еще русских людей издревле учили отдавать долги сторицей, и если немцы об этом забыли, то это только их проблемы. А он, Жуков, должен сейчас снять трубку телефона и сообщить Верховному Главнокомандующему о том, что операция «Гильотина» развивается по плану и голова фон Бока уже почти находится в корзине с отрубями. Осталось ее оттуда только достать и показать публике.

5 сентября 1941 года. 14:15. Окрестности Могилева. Штаб группы армий «Центр».

Генерал-фельдмаршал Федор фон Бок.

Тактическая обстановка на участке прорыва «марсиан» под Гомелем продолжала осложняться с каждой минутой. Эти проклятые пришельцы из будущего оказались настолько стремительными и неудержимыми в своем движении, что ролики Гудериана по сравнению с их проворством казались просто медлительными черепахами. И еще стремительные действия ударных группировок, которые подобно каплям ртути разлетелись каждая по своему направлению, говорили о том, что вражеский командующий четко знает, чего он хочет и твердо уверен, что его войскам эта задача по силам.

А вот он, фон Бок, после сообщения о том, что подвижной кампфгруппы 57-го моторкорпуса больше нет и гарнизоны севернее Довска замолкают один за другим, способен только тупо смотреть на карту, ни черта не понимая, что возможно сделать для спасения положения. Единственная мысль, которая приходит в его голову — это отдать приказ войскам 4-й армии срочно сниматься с позиций и форсированным маршем

отходить к Смоленску, дабы не попасть в глубокий и надежный Рославльский мешок. Ведь несомненно, что после удара на Могилев, который подрезают всю группу «Центр», с вершины кричевского выступа последует еще один удар, который отсечет от группы армий «Центр» именно 4-ю армию.

Но по многим соображениям такой приказ является попросту невозможным. Во-первых — в ОКХ еще не осознают всю серьезность положения и требуют хотя бы сохранения текущих позиций. Во-вторых — против будет сам фюрер, уже провозгласивший принцип, что германский солдат ни в коем случае не должен уходить с тех позиций, которые уже достиг. В-третьих — такое решение и в самом деле будет означать проигрыш войны. И хоть агония вермахта может затянуться на год или даже полтора, но Советы получают необходимую им паузу для мобилизации всей экономики на военные рельсы, и тогда сдержать перекрашенный в красный цвет русский паровой каток станет невозможно, даже если ему не будут помогать «марсиане». На это и был основной расчет в стратегии блицкрига — нанести противнику поражение еще до того, когда он сможет отмотилизовать свой неисчислимый потенциал.

Но при любом раскладе после этого неизбежного поражения его, Федора фон Бока, песня будет спета. Как бы оно ни повернулось, фюрер и окружающая его камарилья не простят ему этого поражения, и если вспомнить, что случилось со многими неугодными Гитлеру людьми, отставка с мундиром и пенсией и дальнейшая жизнь в родовом имении может оказаться одним из самых благоприятных исходов его карьеры. В конце концов, ведь его могут просто расстрелять, обвинив в сговоре с «марсианами» или даже со Сталиным. Когда армия терпит поражение, то это проще всего объяснить изменой командного состава и труднее всего признать, что к ТАКОЙ войне вермахт был просто не готов. Но как бы то ни было, через несколько часов в этом лесу восточнее Могилева окажутся вражеские передовые части, и штабу группы армий пора объявить эвакуацию, дабы избежать позорной для командующего сдачи в плен.

Тогда же и примерно там же, вертолет Ми-8, 500 метров над землей Командир батальона специального назначения гвардии майор Алексей Пшеничный

Мерно воют турбины транспортных вертушек, на которые погружен наш батальон, и ударных «Аллигаторов» сопровождения, что будут нас поддерживать и прикрывать в этой операции. Шум в ушах стоит такой, что разговаривать просто невозможно, но нам сейчас и не надо. Все давно сказано, пересказано и выучено наизусть, и каждый знает, что он должен

делать, хотя сначала, признаюсь, некоторое обалдение перед масштабом задачи имелось. Ведь для нас, спецназовцев, задача по разгрому штаба группы армий «Центр» и захвату его командующего генерала-фельдмаршала Федора фон Бока — это все равно, что для актера-любителя взяться за «Вильяма нашего Шекспира».

И вообще, на этой войне мы как в храме — кругом одни святые для нас люди. Вот тут Жуков, тут Василевский, тут Черняховский, и совсем рядом живой Рокоссовский; а так, может, еще доведется увидеться и с товарищем Сталиным... Но если брать по большому счету, то тут свят каждый сражающийся советский солдат и офицер, то есть пока боец и командир. Наша задача помочь им обрести себя, сбросить ужас и оцепенение перед мощью врага и показать, что русский человек способен нагнуть даже ужасного германского дракона-юберменша с белокурой челкой. Пусть это он нас боится, паскуда, а не мы его.

Вертушки закладывают вираж — и вот в иллюминаторе снизу видна аккуратненькая деревня, из которой выселили, а может, и просто расстреляли местных жителей. Посреди деревни — здание школы, в которой, собственно, и располагается штаб группы армий «Центр», а вокруг него грузовые и легковые машины и автобусы, и вокруг них серыми мурашами суетится германская солдатня. Ну тут, как говорил один известный персонаж (по другому, впрочем, поводу): «Ага, не ждали». «Алигаторы» почти сходу начали прицельно пускать в эту суету ПТУРЫ и пачки НАРов. Полыхнули первые взрывы — и во все стороны полетели обломки. Потом еще и еще.

С одной стороны, от такой активности хочется материться, ведь они ненароком могут прибить нам какую-нибудь очень важную персону, а с другой стороны, их задача — пока не поздно, подавить противовоздушные и противодесантные возможности объекта, чтобы мы спокойно могли выполнять свою задачу. А то упустят «алигаторы» из виду пару «фирлингов» — и будет нам «счастье при высадке». Покрошат к бениной маме в капусту и фамилии не спросят. Но нет, парни на ударных вертушках работают тщательно, можно сказать, с огоньком, и если уже они застали немецких зенитчиков со спущенными штанами, то воспользуются этим обстоятельством по полной программе, до победного конца.

Мураши, по мере нашего приближения стремительно превращающиеся в человеческие фигурки, засуетились быстрее, некоторые из них схватились за оружие; но это уже бессмысленное сопротивление, потому что мы на своих «мишках» падаем прямо им на головы. Рев и свист турбин, настоящий ураган, вырывающийся из-под винтов десятков

вертушек, одновременно высаживающих десант в десяти разных точках территории деревни, в том числе на тросах в окна той самой школы, внутри которой с наибольшей вероятностью и должен находиться херр генерал-фельдмаршал фон Бок собственной персоной.

Он там как раз и находился. Представляю себе удивление этого почтенного старца германской военщины, когда прямо в окно его кабинета, как акробат под куполом цирка, выбив окно вместе с рамой, ногами вперед влетел здоровенный парняга в полном обвесе и с устрашающим гримом на лице. К несчастью, на пути бойца оказался полированный письменный стол, но тот, проехавшись по нему задницей, как мальчишка по перилам, с криком «Хенде хох!» ловко соскочил на ноги, направив на генерала-фельдмаршала ствол своего автомата. И тут же из соседнего окна появляется второй из ларца, одинаковый с лица, только уже без приключения со столом. От такого «здрасьте» на всю оставшуюся жизнь можно остаться заикой. Сунул голову в дверь адъютант — посмотреть, что тут происходит у начальства и отчего такой грохот (а у генералов-фельдмаршалов адъютантами работают как минимум полковники-подполковники) — хлоп, и одним адъютантом, проявившим ненужное любопытство, на белом свете стало меньше. Ребята чуть перестарались.

Остальным, кстати, в этот момент, было уже не до генеральского кабинета, так как раз в это время мои бойцы со всех сторон врываются в помещение штаба и без особой грубости ставят местных штабных в позу «зю». Адъютант стал единственной жертвой внутри здания штаба, оказавшейся в неправильном месте в неправильное время, остальные отделались или легким испугом, или таким же легким мануальным внушением. Снаружи, на территории, жертв оказалось несколько больше — примерно каждый второй; но это не имело никакого значения, потому что самых жирных штабных крысок нам удалось взять живьем. А до подхода передовых частей Кантемировской дивизии оставалось чуть более трех с половиной часов.

5 сентября 1941 года. 18:45. Брянская область, райцентр Сураж.

Патриотическая журналистка Марина Андреевна Максимова, внештатный корреспондент «Красной Звезды».

Да уж, с какими только личностями не сводит меня судьба и моя профессия... И мне это нравится. Никогда не понимала инертных людей, с равнодушием взирающих на чудеса мироздания. Эти унылые субъекты с поджатыми губами и тусклым взглядом даже не подозревают, насколько они несчастны. И в своем ленивом невежестве они похожи на бессмысленно копошащихся личинок известных всем насекомых, для

которых квинтэссенцией благополучия является навозная куча.

Впрочем, это лишь отвлеченные размышления, не относящиеся ни к кому конкретному; к счастью, в моем окружении (тем более нынешнем) сложно отыскать скучную и бесцветную личность. Вот взять даже эту Паулину Липсиус. Какой яркой индивидуальностью, страстностью натуры и умом наделила ее природа... и сколько при этом хлама в ее прелестной головке! Надо бы пообщаться с ней еще раз. Вообще неплохо бы взять над ней шефство. Ну вот нравится мне наставлять несчастных, направлять заблудшие души на путь истинный! Иногда у меня это даже получается. Вот Коляша — смотрит мне в рот и слушается во всем! Даже как-то иногда скучновато становится — никакой борьбы, никакого сопротивления. Но в то же время приятно ощущать себя чем-то вроде идола и идейного вождя в одной экономичной упаковке. Да и, собственно, все это неважно — просто я, кажется, влюбилась в этого человека из прошлого, почти что неандертальца, и сама не заметила, как это произошло...

Правда, секса у нас еще не было. Ну, это вообще для меня что-то невероятное; обычно я сама затаскиваю понравившегося парня в постель — такая вот я тигрица, любящая секс не меньше Паулины. Но Коляша мой такой застенчивый, просто прелесть... Прямо как школьник. Можно подумать, что он девственник. Но это вряд ли. Тридцать три года, как-никак... За все время, как мы знакомы, он только и решился несколько раз меня слегка приобнять. Мы еще даже ни разу не поцеловались! И почему-то мне не хочется торопить события. Давно уж могла бы его соблазнить... Но я намеренно оттягиваю этот момент. Знаю, что стоит мне отдаться во власть поцелуя, как меня тут же накроет волна неудержимой страсти, с которой я не смогу совладать — уж такая я темпераментная штучка. Все это у нас еще впереди...

Но почему-то всем уже понятно, что мы пара. Наверное, наша любовно-платоническая связь ощущается людьми на ментальном уровне, благодаря флюидам, которые от нас обоих исходят. А может, все гораздо проще — и окружающие, часто видя нас вместе и замечая, как мы переглядываемся, думают, что мы «спим». А мы пока ни-ни. Пусть Коля хотя бы получит РВП, чтобы я смогла свозить его за портал, в наш мир. Хочу, чтобы тот день, когда мы с ним... ну вы понимаете, стал для нас обоих настоящим праздником. А тут какой праздник — тут война и немцы.

А вот про Максика я забыла начисто. Не до него мне сейчас. Пусть говнюк получает по полной программе то, что заслужил. Надо же, а ведь раньше все это казалось мне забавной игрой — я имею в виду нашу с ним связь и мои попытки «перевоспитать» его, изменить его взгляды. В

реальности — точнее, в контексте произошедших фантастических событий — оказалось, что такие взгляды, как у него, это вовсе не шутки, и мировоззрение моего бывшего бойфренда есть ни что иное, как самая настоящая гниль и мерзость... Вот за них он и огреб проблем по самое не хочу — да и поделом.

Впрочем, вернемся к Паулине Липсиус. Совершенно случайно, в разговоре с моей подругой Варенькой, я узнала, что немка, у которой я совсем недавно брала интервью, заболела.

«Инфлюэнца у ней, — сказала Варвара, презрительно поджав губы, — жар, лихорадка — ну, ты, Марин, сама знаешь, что это за гадкая зараза...»

И я тут же, по старому русскому обычаю, решила навестить болящую, лежавшую прямо в том домике, где немок поселили на то время, пока решается их судьба. Не чужая она уже мне после того интервью, когда я влезла к ней в душу. Вообще, грипп, если она подхватила вирус от кого-то из «наших», должен протекать у нее в очень тяжелой форме, да и местная медицина не знает еще никаких противовирусных препаратов. Она и о вирусах не будет подозревать еще лет двадцать, если наши не просветят. Мне стало очень жалко немку — она и так была подавлена и растеряна всем произошедшим, а тут еще и грипп... И я засобиравшись к Паулине, за которую теперь чувствовала некоторую ответственность, так как решила взять ее под свою опеку. Всех-то делов — попросить у начальства машину с водителем Васей на пару часов и смотаться в Унечу нашего мира, прибарахлиться в супермаркете. Надо было только дождаться того момента, когда на той стороне портала, в нашем времени, откроются магазины и аптеки.

Так, что там приносят больным? Разные вкусняшки — фрукты там, мандарины, яблоки... Естественно, закупиться всем этим следовало тоже в нашем мире. Ах да, и не забыть о противогриппозных препаратах — ну, это те, растворимые, которые моментально облегчают состояние.

Любовь и забота о больной немецкой проститутке распирала мое сердце, когда я шла вдоль полок супермаркета, выбирая для нее самые красивые мандарины и самые сочные, румяные яблоки. Я очень нравилась себе в этот момент и испытывала чувство такого глубокого удовлетворения, что улыбка доброго ангела не сходила с моего лица. Вот правда — никакой неприязни к немке у меня не было, хотя, наверное, должна бы быть... Хотя, собственно, почему? Она же никого не убивала. А если и делала зло, так не ведала, что творила... Обычная баба, больную от нашей и не отличишь — лежит сейчас, поди, с высокой температурой, дышит тяжело, может, даже бредит... Это предки, должно быть, неприязненно и с презрением к этим

проституткам относятся, ну а у нас взгляды шире. Однако не думаю, чтобы и предки люто ненавидели этих женщин (так, может, отдельно взятые особо злобные личности), ну а в массе своей русский народ весьма великодушен — между прочим, сама Паулина отметила этот факт.

У меня возник соблазн купить для Паулины упаковку пирожных (моих любимых, с молотыми орешками), и я долго размышляла у витрины — можно ей такое или нельзя; и, наконец, все же купила. После магазина я зашла в аптеку, где приобрела целую упаковку противогриппозных порошков (со вкусом лимона и мяты, ага). Ну, еще, посоветовавшись с аптекаршей, купила разных таблеток (на случай осложнений) и целую коробку измельченного шиповника. Что там еще приносят болящим? Бульон? Ну, это уж лучше из местных курочек варить — благоразумно решила я. Несомненно, куры в сорок первом году вырастают на естественных кормах, без всяких там ГМО и прочей дряни, к которой уже давно привычен наш организм. А вот для людей того времени они наверняка окажутся вредными, так что рисковать не стоит. Эх, а ведь и вправду те продукты, которые мне приходится пробовать по ту сторону портала, кажутся намного вкусней! И это не иллюзия. Интересное дело — после того, как Варенька стала кормить меня разными деревенскими вкусняшками, многие продукты моего времени просто не лезут в рот... Вроде и вкус тот же остался, да только теперь мои рецепторы стали ощущать все эти искусственные добавки, которыми производители очень часто злоупотребляют... Кстати, те пирожные с орешками нравились мне по-прежнему — не знаю, чем объяснить сей феномен, но, похоже, в них фигурировали ингредиенты естественного происхождения, видимо, производитель был на редкость добросовестным.

Собираясь навестить Паулину, я первоначально звала с собой Вареньку (в качестве переводчика), но она прореагировала предсказуемо — фыркнула и сказала, что не собирается навещать немецкую шлюху («вот еще глупости!») и мне не советует. Что ж, ее дело. Так-то я знаю, что она добрая, да только отношение ко всему у нее несколько другое, как и остальных ее современников. И пришлось мне взять с собой своего верного адъютанта — Коляшу. Он, правда, слегка поморщился, когда я заявила, что нам нужно снова навестить фройляйн Паулину, но куда он денется! И слова мне не скажет, сделает все, что требуется, в лучшем виде. Вообще, как я заметила, к проституткам у него брезгливое отношение. Очень надеюсь, что он не окажется ханжой в отношении постельных дел — кто его знает, как его там, в Германии, родители воспитывали... А я люблю яркий и феерический секс. Как говорил Максик — «извращуга ты моя...» Ну, это он

так, шутил немного, на самом деле я не извращуга, просто фантазия богатая... Что же касается моего немчуры, то тут можно и впросак попасть. Был бы «наш» — я бы сразу просекла, чего от него можно ожидать (с точностью восемьдесят процентов), а так — интрига пока сохраняется...

И вот мы подходим к тому дому, где живет Паулина вместе со своими товарками

— бывшими элитными проститутками, а ныне — санитарками госпиталя для пленных, стоящими на пути исправления. Стучу. Коляша нервно мнется рядом, едва слышно вздыхает. На одной руке у него висят прозрачные белые пакеты с фруктами и пирожными, а в другой руке он держит цветной пакет с изображением женщины-кошки (ну, там какая-то симпатичная мордочка в черной полумаске, кстати, подобные пакеты — невидаль для предков, они всегда на них пялятся), в нем — лекарства для больной. Наконец дверь мне открывает «коллега» моей подопечной — бледнолицая и губастая девица в папилютках (ага, красоту наводит — интересно, просто рефлексы заработали или есть определенная цель?).

— Добрый день, можно нам увидеться с фройляйн Паулиной? — говорит мой адъютант по немецки, но я же не совсем дуб, чтобы не понять эту фразу.

Девица (кажется, ее зовут Кларинда), поморгав белесыми ресницами и машинально прикоснувшись к своим папилюткам, несколько нервно отвечает (мне опять же все понятно):

— О да, конечно! — Вслед за этими словами следует натянутая улыбка, которая, впрочем, делает девицу в разы симпатичнее.

Мы, разувшись, проходим вглубь помещения. Там, у окна, занавешенного голубой ситцевой занавеской, на массивной железной койке, лежит наша больная. На щеках ее горит яркий румянец, губы потрескались, дыхание тяжелое. Глаза ее закрыты, и лишь веки слегка подрагивают. Вид ее жалок. Я моментально проникаюсь еще большим сочувствием, неотрывно глядя на несчастную.

Кларинда в это время что-то взволнованно объясняет Коляше, тот в ответ хмурится и кивает. Тут уж мне ни слова не понятно, но я догадываюсь, что немка отчитывается о состоянии больной.

— «Ей очень плохо, я не знаю, что делать», — переводит Коляша бесстрастным голосом, но по интонациям немки понятно, что она не на шутку обеспокоена. — «Наш доктор из госпиталя сказал, что нужно много пить и ждать кризиса, когда организм сам переборет болезнь.»

— Ну, никакого кризиса мы ждать не будем, а попробуем помочь нашей фройляйн побыстрее выздороветь прямо сейчас, — сказала я

Коляше нарочито бодрым тоном.

Вслед за тем я подошла к Паулине и взяла в руки ее ладонь, горячую, как печка. Затем тихонько позвала ее по имени. Та стала открывать глаза — медленно, словно на каждом ее веке лежал тяжелый груз. Вот она осознанно взглянула на меня, на Колю — и, несмотря на тяжелое состояние, в ее несколько мутном взгляде промелькнуло удивление. Она явно не ожидала нашего визита. Я улыбнулась ей и присела рядом на услужливо пододвинутую Колей табуретку.

— Как ваше самочувствие, Паулина? — спросила я. Коля перевел. Та тихо, едва шевеля губами, что-то пробормотала.

— Я умираю... — был ее ответ.

Ну вот еще — умирать она тут собралась! Нет, так дело не пойдет... Я переглянулась с Коляшей — тот выглядел немного обескуражено — и сказала ему:

— Переводи в точности каждое мое слово!

Он кивнул.

— Не говори глупостей, Паулина, — мой голос звенел энергией; я говорила короткими фразами, чтобы Коля успевал делать перевод, — от гриппа еще никто не умирал! Ты непременно выздоровеешь, и все будет хорошо! Понятно тебе? Даже не думай о плохом! Тебе еще замуж выходить, детей рожать... А она умирать собралась — дура, что ли, совсем? — (Ну, про дуру это уж я еле слышно пробормотала, просто от избытка эмоций, надеюсь, Коля не стал это переводить). — Знаешь что, милая моя — ты брось дурные мысли. Сейчас мы тебя лечить будем... Лекарствами будущего — во как!

Она слушала с интересом, и было ощущение, что она пытается понять — взаправду это или бред. Я протянула руку, и Коляша дал мне пакет. Я достала упаковку противогриппозного средства, и достав оттуда пакетик с порошком, попросила Кларинду принести чашку и кипяток. Через пять минут я подносила ко рту Паулины ароматный напиток коричневатого цвета, который предварительно слегка остудила.

— Пей, пей! — увещевала я ее. — Тебе сразу полегчает. А совсем скоро ты будешь совершенно здорова! Подумаешь — грипп! Это же ерунда, а не болезнь, главное — положительный настрой и постельный режим, да...

Я болтала все, что придет в голову — вела себя так, как вела бы с заболевшей подругой или сестренкой. Паулину, похоже, мое поведение изрядно удивляло, но она была слишком слаба, чтобы в полной мере проявить это удивление. И она послушно пила напиток, пока чашка не

опустела.

— Вот и умница! — снова засюсюкала я. — Ну как? Правда, сейчас лучше? — С радостью я увидела, как на лбу у девушки выступила испарина; глаза стали более ясными, а румянец уже не выглядел таким болезненным. — Ну вот, я же говорила! А она тут помирать уже собралась... — Я широко улыбнулась и увидела, как Паулина в ответ тоже улыбнулась — и эта ее улыбка была такой по-детски милой и бесхитростной, что вся моя суть возликовала — от того, что душа немки потянулась мне навстречу — со всей доступной ей благодарностью и признательностью.

Я взяла из Коляши прозрачные пакеты с фруктами.

— А смотри-ка, что мы тебе принесли! — весело сказала я, доставая мандарин, и вслед за тем — яблоко. — Витамины! На-ка, держи, — я вложила мандарин в ее руку, которая была уже не такой горячей.

Все это время Кларинда стояла рядом и с ошарашенным видом наблюдала за происходящим. Вероятно, она думала, что в моих действиях есть какой-то подвох. И потому, когда я и ей протянула мандарин, она сначала робко замотала головой, а потом все же взяла. Забавно было смотреть, как она его нюхает и рассматривает. Потом, поощряемая нашими взглядами, она очистила свой мандарин и стала есть.

— Очень вкусно... — наконец робко улыбнулась она.

— Ну что, Паулина, — сказала я, вновь обращаясь к своей «подшефной», — надеюсь, ты тоже отведаешь гостинцев из двадцать первого века. А сейчас скажи — ты уже не умираешь?

— О нет, фройляйн Марина, — ответила она. — Мне очень полегчало от вашего лекарства...

— Отлично, — кивнула я, — будешь принимать его, когда поднимется температура. А вот тут, — я указала на пакет, — остальные лекарства, и к ним имеется инструкция на немецком языке, что и в каких случаях принимать, но я надеюсь, что они тебе не понадобятся и организм сам справится с болезнью... Ну вот разве что шиповник — его пей вместо чая, и дело быстро пойдет на поправку... — Тут я вспомнила о пирожных и нырнула в пакет. — Да, вот тут еще кое-что... Надеюсь, тебе понравится. — Я протянула ей прозрачный контейнер.

— Спасибо, фройляйн Марина... — сказала она, — вы так добры... — Говоря, она внимательно разглядывала пирожные сквозь прозрачный пластик. — Эти пирожные... Они похожи на те, что пекла когда-то моя бабушка... Она посыпала их миндалем и сахарной пудрой...

— Это такие же! — обрадовалась я такому совпадению. — Мои

любимые. Непременно попробуй, а если не сможешь доесть, мы с Колей завтра придем к вам на чай и поможем с ними справиться. Правда, герр Шульц? — я глянула на своего адъютанта и подмигнула ему. Он лишь смущенно кивнул в ответ.

— Ладно, Паулина, вам нужен покой, — сказала я, видя, что девушка, ослабленная болезнью, немного утомилась. — Мы, пожалуй, пойдем. Выздоровливайте... — Я поднялась с табуретки.

И в этот момент Паулина наконец решилась спросить о том, о чем, видимо, думала все это время:

— Фройляйн Марина... Пожалуйста, один вопрос...

— Да, я слушаю... — Я слегка наклонилась к ней.

— Почему вы это делаете? — прошептала она. — Почему вы пришли ко мне, почему проявили заботу и сочувствие, принесли лекарства и фрукты и ничего не просите за это взамен? Я не могу этого понять... Ведь вы должны ненавидеть нас... Мы — ваши враги... Ну, если не ненавидеть, то презирать... А вы... Вы так великодушны, что это просто выше моего понимания... Почему вам не все равно, выживу я или умру? Почему вы желаете мне выздоровления?

Некоторое время я молчала, обдумывая ответ. А потом медленно произнесла:

— Ну, я постараюсь объяснить, хотя и не уверена, что мне это удастся... Потому что основная причина вот такая — это, как говорят у нас, у русских, было по велению души... А как объяснить веление души? Да и надо ли? Душа — она всегда права, она выражает суть нашей натуры. Так всегда было и будет. Мне ничего не нужно от тебя, Паулина, я просто отношусь к тебе по-человечески, с сочувствием и пониманием. Душа моя мне подсказывает, что ты — небезнадежный человек, это стало ясно еще во время того интервью. За что тебя презирать? За твои заблуждения, которые ты сама признаешь? За твою профессию или за твою принадлежность немецкой нации? Нет, это совсем не то, за что можно презирать. Я вижу в тебе человека, Паулина. Понимаешь? В отличие от тех твоих соотечественников, которые с воодушевлением творили бесчинства на нашей земле, ты умеешь мыслить и рассуждать. Незадолго до разговора с тобой я брала интервью у вашего пленного генерала Гудериана. Вот уж кто настоящее самодовольное собачье дерьмо. Ну, я и повозила его мордой по продукту собственной жизнедеятельности. Но ты, Паулина, совсем не такая. И я очень хочу, чтобы ты избавилась от своих заблуждений и стала лучше, чище и добрее. А теперь до свиданья, подруга. Отдыхай и выздоравливай. Мы с герром Шульцем еще навестим тебя завтра...

— До свидания, фройляйн Марина... — тихо прошелестели ее губы.

Когда мы шли обратно, Коля был молчалив и сосредоточен. И лишь у дома Варвары, где мы остановились, чтобы попрощаться, он вдруг сказал, запинаясь от

— Марина... Ты удивительная... Я восхищаюсь тобой... Мне кажется, я... я люблю тебя... — Он как-то испуганно взглянул на меня.

Повисло молчание. Вот он — то восхитительный момент, которого я так ждала, но сама этого не осознавала! Блин, а ведь я даже не помню, когда мне признавались в любви... Да и было ли это когда-нибудь? В наш век все стало как-то просто, и признания в любви стали редкостью... Все будто бы подразумевалось само собой — «вот если мы спим друг с другом не один год, если не очень часто ссоримся, то нам есть смысл пожениться... А все эти дурацкие признания — для подростков...» Но как же мне всегда хотелось романтики! Обожания, нежности, настоящей любви! Наверное, этого хочется каждой женщине, независимо от возраста, какую бы маску мы при этом ни надевали... Коляша — мой милый, такой неловкий и застенчивый, совсем не похожий на тех брутальных мачо, которые мне нравились раньше — ты даже не догадываешься сейчас, как таит мое сердце, становясь мягким и сентиментальным, как сладко щемит в груди от умиления и восторга... И как невыносимо мне хочется обнять тебя — просто обнять и стоять вот так, возле плетня, под ласкающими лучами закатывающегося осеннего солнышка...

6 сентября 1941 года, 00:15. Москва, Кремль, кабинет Верховного Главнокомандующего

Перечитав боевые донесения от командующего Брянским фронтом генерала армии Жукова, командующего 4-й армией генерала Чуйкова, командующего 21-й армией генерала Кузнецова, командующего восстановленной 13-й армией генерала Городнянского, командующего 50-й армией генерала Петрова, а также сухую сводку штаба российских экспедиционных сил, Вождь удовлетворенно хмыкнул. Потомки не подвели, в первый же день наступления ударили на пределе своих возможностей, прошли по вражеской рокаде сто пятьдесят километров, взяли Могилев и разгромили штаб группы армий «Центр», захватив в плен его командующего, генерала-фельдмаршала Федора фон Бока.

А Могилев — это не просто еще один освобожденный от врага советский город, но еще и крупный узел железных и шоссейных дорог, а также важный логистический центр, место расположения складов и точка перевалки поступающих из Германии военных грузов из железнодорожных вагонов на автомобильный транспорт. Но ничего, для немцев лиха беда

начало. В течение ночи к освобожденному потомками Могилеву на автомашинах челночным способом перебросят выделенные из резерва две свежие стрелковые дивизии РККА (из числа тех, что не были растрепаны лобовыми таранными ударами в полосе Западного фронта), и после того как советские бойцы сядут в оборону, танки и мотострелки потомков рванут дальше на север — к Орше и Витебску. Как обычно бывает в случае глубоких прорывов (РККА испытала это несчастье на себе) в оперативной пустоте прорвавшаяся группировка способна двигаться с невероятной скоростью, за час проходя такое же расстояние, какое стрелковая дивизия РККА преодолевает за один суточный пеший марш.

Одновременно с ударом потомков от Могилева на Оршу и Витебск из района Великих Лук в направлении Невеля и Витебска начнут наступление 31-я и 32-я армии РККА, прежде находившиеся в составе Резервного фронта, а оттого свежие и еще не бывшие в боях. В ситуации, когда подвижные соединения вермахта уже разжеваны и выплюнуты потомками, а пехотные дивизии изрядно ошипаны «на текущие расходы», это наступление имеет все шансы на успех и вполне способно привести к созданию северного фаса фронта окружения вокруг основных сил группы армий «Центр». А потом потомки разрубят окруженную группировку пополам (например, отделив итак уже потрепанную 4-ю армию в Рославле от 9-й в Смоленске), потом каждую часть еще раз пополам.

Кстати, по донесениям командующих армиями не участвующего напрямую в операции Западного фронта, в ближних тылах немецкие части и соединений 4-й и 9-й немецких армий наблюдается суeta и необъяснимое с точки зрения формальной логики движение части войск в западном направлении. Для Вождя ничего необъяснимого в таком повороте событий не было. Потомки просветили. Это еще до своего пленения командующий группой армий «Центр», пытаясь настричь шерсти со своих яиц, приказал снять с западного фаса смоленского выступления каждого четвертого или третьего солдата (в зависимости от текущей комплектности частей) и, сформировав сборные кампфгруппы, направить их в район Могилева или Орши. Там эти с бору по сосенке собранные временные части, не прошедшие даже элементарного боевого слаживания, по замыслу гениальных немецких стратегов должны будут героически сдерживать неистовый натиск механизированных соединений «марсиан». Сталин хмыкнул — потомки с первых же дней своего участия в войне так запугали немцев (от рядовых солдат до высшего командования), что те присвоили им это почетное наименование за фантастический вид их техники и полевого обмундирования.

Верховный недобро усмехнулся. Чем они будут сдерживать и останавливать? Штатное вооружение германской пехотной дивизии эквивалентно аналогичному штатному вооружению стрелковой дивизии РККА, при этом германские же моторизованные соединения по боевой мощи в разы уступают танковым и мотострелковым дивизиям потомков. Советские стрелковые дивизии, даже имеющие полный состав и развернутые на уставных оборонительных рубежах, нигде и никогда были не в состоянии отразить таранные удары Гудериана, Гота, Клейста или Гепнера. Таким образом, совершенно непонятно, каким боком фон Бок собирался останавливать наступление потомков, а если учесть, что только на переброску этих частей пешим порядком к пунктам сосредоточения уйдет от пяти дней до недели, то успеют сводные германские кампфгруппы только к шапочному разбору.

Вот, кстати, донесение службы радиоразведки потомков, перехвативших в течение сегодняшнего дня три радиограммы Верховного командования сухопутных войск (вермахта) за подписями Командующего генерала-фельдмаршала Вальтера фон Браухича и начальника штаба генерал-полковника Франца Гальдера, адресованные командующему группы армий «Центр» генералу-фельдмаршалу Федору фон Боку. В них эти достойные господа (в смысле, что они достойны хорошо намыленной веревки) требовали, чтобы вверенные фон Боку войска, под его личную ответственность, любой ценой сохранили существующие позиции на восточном фланге Смоленского выступа. Кроме того, от группы армий «Центр», которой «было дано все и даже больше того», требовалось во что бы то ни стало ликвидировать прорыв и восстановить положение на участке фронта под Гомелем. Последняя из этих трех радиограмм поступила уже после того, как потомки пленили этого фон Бока и, соответственно, ответа на нее фон Браухич и Гальдер так и не получили.

Очевидно, у германских генералов еще окончательно не угасла идея использовать Смоленский выступ в качестве трамплина для окончательного рывка на Москву. Кто-то во вражеском командовании — либо слишком плохо осведомленный, либо слишком оптимистически настроенный — продолжает верить в то, что все трудности, с которыми нынче сталкивается вермахт, это, безусловно, временное явление, и стоит устранить некоторые проблемы, как наступление на восток продолжится с прежней резвостью и в прежнем объеме. Блажен, как говорят, тот, кто верует — например, в то, что Гейдриху удастся договориться с потомками о перемирии, или в то, что портал, соединяющий два мира, внезапно закроется.

Напротив, потомки сообщают, что пропускная способность этого

природного образования непрерывно растет, и поэтому, кроме непосредственной поддержки боевых действий, они предлагают вступить в пока еще ограниченные торговые отношения. Машины и оборудование в обмен на золото, по весьма привлекательным ценам. Нарком внешней торговли Анастас Микоян сугубо «за». Правда, решать вопросы торговли будет не этот политический перевертыш, благотворительствующий при любом хозяине, а специальная партийно-правительственная комиссия, ибо вопрос в связи с ограниченным объемом поставок и их чрезвычайной важностью крайне серьезен. Но решаться он будет только после того, как завершится смоленская битва и на фронте наступит оперативная пауза. А пока предпочтение отдается исключительно поставкам военного снаряжения, вооружения и боеприпасов — например, все тех же единых пулеметов Калашникова и ручных реактивных гранатометов.

Что касается возможных итогов Смоленского сражения для СССР, то линия фронта, стабилизированная по рубежу Днепра и Западной Двины, является наименьшим злом, позволяющим сохранить в неприкосновенности значительную часть промышленного и сельскохозяйственного потенциала. А вот для немцев, растерявших в боях с механизированными частями потомков ударные танковые группы, линия фронта, стабилизировавшаяся по естественному рубежу — синоним грядущей затяжной позиционной войны, а следовательно, неизбежного поражения. Что же, так даже лучше! Чем позднее Верховное командование Вермахта опомнится и потребует любой ценой спасти войска (которых в смоленском выступе у них почти два миллиона солдат и офицеров), а не сохранять существующие позиции, превратившиеся в ловушку, тем выше будут вражеские потери в живой силе и сокрушительнее итоговое поражение гитлеровских войск. А он, Сталин, как верховный главнокомандующий, должен наблюдать за ходом сражения со всем тщанием; но пока товарищи Жуков, Матвеев и подчиненные им командармы справляются со своей работой, ему не следует никоим образом вмешиваться в ход боевых действий. Когда работают профессионалы, постороннее вмешательство способно только все испортить.

6 сентября 1941 года. 08:45. Брянская область, райцентр Сураж.

Патриотическая журналистка Марина Андреевна Максимова, внештатный корреспондент «Красной Звезды».

Вчера я долго не могла заснуть. Все прокручивала в голове момент, когда Коля признался мне в любви. Я ворочалась, томно вздыхала, переворачивала подушку и улыбалась во тьме. Я ощущала себя влюбленной школьницей! Чувства мои были так свежи и ошеломляющи,

что мне казалось, будто это со мной впервые. Счастье накатывало на меня подобно волнам прибоя; накроет с головой, так что сердце замирает и невозможно дышать — и откатится; и снова стучит пульс с бешеной скоростью, и кровь горячим потоком бежим по венам...

Вчера Коля первый поцеловал меня. Я просто улетела в небеса от мягкости его губ — уверенных, но деликатных, от его крепких сильных рук, что обхватили меня за талию... От него так приятно пахло; кожа его оказалась приятной на ощупь, когда я в порыве нежности провела рукой по его шее. Этот поцелуй сказал мне многое. Мои сомнения в том, подойдет ли мне этот человек в интимном плане, растаяли как дым. «Мой! — радостно воскликнула моя суть, — во всех смыслах — мой!»

И именно потому, что он оказался тем, что надо, я не пожелала спугивать то трепетное, что зародилось между нами. Ответив на его поцелуй со всей нежностью и страстью, я выскользнула из его объятий и, сказав: «До свиданья, Коля, у меня есть дела, увидимся позже...», упорхнула к себе, оставив его в счастливом замешательстве.

В тот вечер нам больше увидеться не пришлось — оба мы были заняты делами. Да и, честно сказать, я и не стремилась с ним увидеться, хотя и очень этого хотела — мне требовалось сполна прочувствовать то, что сейчас зарождалось в моей душе.

И вот сегодня, проснувшись утром, я не торопилась вставать, вновь предаваясь сладким мыслям. Эротизм в них, конечно, присутствовал, но главным ощущением была любовь... И это было очень непривычное ощущение. Мне казалось, что я стала другой, и что я продолжаю стремительно меняться...

Я сладко потянулась, и уже приготовилась было вставать с постели, как тут в дверь постучали — звук был похож на мелкую тихую дробь и совершенно отчетливо ощущалось, что стоящий по ту сторону двери сильно взволнован. Кроме того, ТАК могла стучать только женщина — уж не знаю почему, но мне это было очевидно. Мужчины обычно стучатся совершенно по-другому — более решительно и размашисто.

Наскоро накинув халатик и завязав пояс, я распахнула дверь (а кого мне тут, в штабе, опасаться?) и изрядно удивилась, увидев Кларинду. Моей первой мыслью было: «Что-то с Паулиной?!» Я так и воскликнула, в волнении забыв, что передо мной немка, не знающая по-русски ни слова. Но она энергично закивала, что-то лопоча. В ее сумбурной речи я только и разобрала, что повторяемое слово «арц», и по ее жестам догадалась, что она просит пойти с ней, и поскорее. Да что же происходит, черт побери? Где мой Коля? Не понимаю, что втуляет мне эта немка, хоть убейся!

«Унглиуклих, унглиуклих!» — мое внимание зацепило еще одно слово.

— Подожди здесь! — сказала я, жестом показав, что имею в виду. Она кивнула.

Я быстро заскочила обратно в свои «апартаменты» и принялась собираться. От дурных предположений меня колотило. Неужели Паулине стало хуже? Не может быть. А если правда? Ох, только не это...

Я быстро натянула джинсы и рубаху, сунула ноги в кроссовки. Причесываться не буду. Соберу волосы в хвост — и сойдет. А вот умыться надо... Накраситься бы, да не до этого — там какой-то ужасный «унглиуклих» с моей Паулиной происходит... Ладно, надену затемненные очки...

Я выскочила за дверь и, дав знак Кларинде следовать за мной, помчалась вниз по лестнице. В отличие от меня, имевшей в своем распоряжении маленькую, как собачья конура, но индивидуальную комнатку на втором этаже, Коляша или «герр Шульц» жил в комнате побольше на первом этаже штаба, но вместе с тремя студентами института иностранных языков, которых прислали сюда на стажировку. Коля говорит, что язык они узнают, но произношение... в Германии, стоит им открыть рот, как первый же прохожий потащит их в гестапо как подозрительных иностранцев.

Время было достаточно позднее. Парни уже встали, сходили в столовую на завтрак и сейчас готовились отправляться на службу. Это я могу валяться сколько хочу, потому что у меня ненормированный рабочий день. Мне платят за материалы, которые я отсылаю в редакцию, а не за протирание юбки или штанов. А вот у Коли совсем не так — там орндунг, и он должен быть на службе девяти утра до шести вечера с часовым перерывом на обед. Разумеется, если работы много, то парни сидят и глубоко за полночь, потому что это война. Чтобы соблюсти приличия, я деликатно, но уверенно постучалась и попросила позвать мне Николая Шульца.

— Что-то случилось с Паулиной! — выпалила я сразу, как только «герр Шульц» — побритый, умытый, причесанный, в новенькой российской форме без знаков различия — появился на пороге. В отличие от меня, он был собран, подтянут, деловит и спокоен. Истинный ариец, в лучшем смысле этого слова.

— Не волнуйся, Марина... — он слегка прикоснулся к моей руке (обычный, и в то же время интимный жест) и тут же обратился к немке с вопросом — наверное, о том, что случилось.

При «герре Шульце» Кларинда стала вести себя немного сдержаннее.

Она что-то говорила ему, и опять я уловила это слово «унглюклих». Во время ее речи я внимательно следила за лицом Николая — и в какой-то момент с облегчением заметила, что его напряженно-озабоченное выражение сменилось расслабленно-улыбчивым.

— Она говорит, что там к фройляйн Липсиус пришел с осмотром немецкий доктор из госпиталя, и он очень недоволен, что та получает лечение, которого он не назначал. Говорит, что это может быть опасно, и требует прекратить пить незнакомые порошки...

— Ах, вот оно в чем дело... — выдохнула я. И отчего-то мне стало смешно — и я проказливо хихикнула. Слава Богу, с Паулиной все в порядке! А я-то уже чего только не передумала... И тут же разозлилась на этого «немецкого доктора», который имеет наглость хоть что-то требовать. Дикарь неотесанный, шаман бледнолицый, ветеринар-

— Собирайся-ка, и пойдем с нами, поговорим с этим доктором... — сказала я Коле.

Отпросить его из штаба ему не составило труда. Работы для него было пока

мало, всю ее могли переделать «студенты», так что его непосредственный начальник полковник Семенцов, для которого Коля переводил захваченные нашими немецкие штабные документы, разрешил ему сходить со мной. При этом, правда, полковник хитро подмигнул Коле и переглянулся с находившимися в кабинете двумя своими подчиненными.

Придя втроем в дом, где обитала Паулина с товарками, мы застали девушку по-прежнему лежащей в постели. Выглядела она гораздо лучше, чем накануне, правда, было заметно, что ее одолевает беспокойство, без сомнения, вызванное визитом немецкого доктора, который должен был ее лечить изначально.

Сам же доктор оказался точно таким, каким я его себе и представляла — даже удивительно, потому что когда у меня к человеку заочное предубеждение, я воображаю его облик в несколько карикатурном стиле. Лет слегка за пятьдесят, высокий и полноватый, он обладал широкими плечами и огромными ручищами, большие пальцы которых держал неестественно оттопыренными, отчего казалось, что доктор брезглив. Это ощущение закрепляло выражение его губ. Рот его казался чуть кривоватым — один уголок был опущен чуть ниже другого — в сочетании с глубокими носогубными складками это производило неприятное впечатление, наводя на мысль о том, что доктор не только брезглив, но и высокомерен, уныл и сварлив. Его рыжие волосы наполовину поглотила пегая седина; эти волосы, давно нуждающиеся в стрижке, дыбом стояли на его макушке,

окружая небольшую, но отчетливую плешь — подобно тому, как кусты окружают речной заливчик. Под прямыми белесыми бровями, из которых воинственно торчали отдельные волоски, за стеклами довольно изящных очков находились глубоко посаженные бесцветные, невыразительные глаза. И все это венчал крупный и прямой, гордый немецкий нос.

— Ишь ты, он еще будет критиковать медицину двадцать первого века... — пробурчала я себе под нос, разглядывая здорового доктора, и Коля удивленно на меня посмотрел, очевидно, мало что расслышав.

Я была настроена воинственно. Пережитое беспокойство за Паулину побуждало меня к злобному сарказму, вдобавок ко всему немецкий доктор не вызывал у меня ни малейшей симпатии. С таким видом только коров лечить, а не людей. Удивительно, как у него все раненые не перемерли разом.

— Гутен морген, доктор, — поздоровалась я по-немецки. — Я Марина Максимова, русский журналист.

— Добрый день, фройляйн Марина, — ответил немецкий доктор на приветствие; его голос оказался похож на хруст сухих веток, — я оберарц Франц Грубер, начальник госпиталя для пленных, в котором работают эти женщины.

Сказав это, он смерил меня ничего не выражающим взглядом; его лицо также было бесстрастно, и только волосы над плешью колыхались в такт его словам.

— Мне стало известно, — внешне спокойно произнесла я, хотя внутри все кипело от гнева, — что вы выразили недовольство тем, что больная принимает некоторые медицинские препараты, которые я ей дала... Вы что, не доверяете медицине двадцать первого века, опередившей ваш допотопный уровень на семьдесят семь лет?

— Да, это так, — важно кивнул немец, еще больше оттопырив пальцы на руках. Он чуть вздернул вверх подбородок — типично немецкий жест, знакомый мне еще по фильмам; уж не знаю, почему этот жест свойственен только им (ну, не всем, а только особо напыщенным персонам). — Если я правильно понимаю, вы, фройляйн, не являетесь дипломированным врачом, а потому не можете назначать лечение больной... Тем более, что я уже осмотрел фройляйн Паулину и дал свои рекомендации вместе с назначенным лечением... А в моей компетентности никто не может усомниться — я еще двадцать лет назад с отличием закончил Гейдельбергский университет, и с тех пор имел обширную и успешную медицинскую практику...

— Герр Грубер... — сказала я, и Коля бросил на меня быстрый

настороженный взгляд, — никто не сомневается, что вы компетентный врач. Но все же вы не можете не предполагать, что за семьдесят семь лет многое изменилось и в самой медицине, и в представлениях человечества о разных болезнях... Так вот, позвольте вас заверить, герр Грубер, что в наше время грипп (а им как раз и больна фройляйн Паулина) — достаточно хорошо изученная болезнь, поддающаяся вполне успешному лечению препаратами, которые свободно и в большом разнообразии продаются у нас в любой аптеке без всяких рецептов. Смеем вас заверить, что те порошки, которые больная принимает по моей рекомендации, сделаны по самым новейшим технологиям двадцать первого века и хорошо зарекомендовали себя как противогриппозное средство. Собственно, именно благодаря этим препаратам грипп из серьезного заболевания, способного даже стать причиной смерти больного, превратился в легкую болезнь, при которой человек три дня лежит в постели и пьет эти лекарства, а на четвертый идет на работу. Эти препараты тщательно проверены клиническими испытаниями, а потому абсолютно безвредны, их дают даже детям. Вы можете ознакомиться с их составом — он написан на упаковке...

Естественно было ожидать, что после этих слов доктор, протерев очки, примется читать состав порошков, но нет — герр Грубер еще выше вздернул свой породистый нос и заявил раздраженным тоном:

— Фройляйн Марина, я не думаю, что вы, будучи дилетантом, можете настолько хорошо разбираться в болезнях и лекарственных средствах, чтобы критиковать мои методы лечения и назначать свои. Я полагаю, что каждый должен заниматься своим делом; вы — писать статьи, а я — лечить людей. То, что вы из будущего, еще не делает вас специалистом в такой узкой и ответственной области, как медицина.

Коля, уже достаточно хорошо зная мой характер, не желал конфликта между мной и этим самонадеянным немецким доктором. Потому в переводе он старался, как мог, смягчить ответ и интонации самонадеянного немца. Но меня не проведешь... Я журналист; и то, что затушевывал перевод, я прекрасно увидела в глазах собеседника, услышала в нотках его голоса, почувствовала по его едва уловимым телодвижениям... Немец меня презирал. Он считал себя гораздо образованнее и умнее, он снисходил ко мне и таким как я. Весь насквозь он был пропитан национал-социалистической идеей и едва терпел нас, русских. Чувство превосходства так и лезло из него, хоть он и благоразумно старался скрыть его...

— Великолепно, герр Грубер! — сказала я. — Спасибо, что вы мне напомнили, что я журналист и могу писать статьи. Пожалуй, я действительно напишу одну статью про одного старого замшелого дурака-

доктора, который отстал от современной медицинской науки на сотню лет, и, не желая учиться ничему новому, превратил себя в некое подобие африканского шамана, изгоняющего из своих пациентов злых духов и для того окуривающего их дымом тлеющего сушеного козьего дерьма. Сколько вы здесь, у нас, в так называемом плену, герр Грубер? Если я не ошибаюсь, то почти три недели. При этом из соображений чистого гуманизма вас, как врача, не ограничивают ни в передвижении, ни в общении. Вы давно бы могли поинтересоваться, куда шагнула медицинская наука за семьдесят семь лет, встретиться и обменяться опытом со своими российскими коллегами и хотя бы частично подтянуть свои знания. Но вы предпочли молиться на свой диплом. Так вот, герр Грубер, после того как я напишу свою статью о вашем госпитале, ее непременно напечатают. Вы не смотрите, что я так молода. Благодаря таким, как вы, германским фашистам, я уже сделала себе вполне известное имя. У нас там, в России, настоящая демократия, а потому после того, как моя статья будет напечатана, сюда приедут комиссии — сначала от медицинского управления нашего военного ведомства, а потом и от Минздрава. В результате визита такой комиссии ваш диплом признают недействительным, а вас из тихого и комфортного госпиталя, где вы ведете жизнь, мало отличающуюся от таковой до пленения, вас переведут в советский лагерь для военнопленных — как это и положено для врага, напавшего на нашу Родину с оружием в руках. А ваше место начальника госпиталя займет кто-то из ваших молодых коллег, выдающийся больше человеколюбия и желания повышать свою квалификацию. Наверняка таковые в вашем госпитале есть, и наши врачи их найдут.

— Ну хорошо, фройляйн Марина! — зло выкрикнул пошедший пунцовыми пятнами герр Грубер, — вы можете давать этой женщине любые лекарства по своему усмотрению, но я снимаю с себя ответственность за ее лечение, Умываю руки, как Понтий Пилат! Прощайте! Ноги моей больше не будет у этих падших женщин, поддавшихся на вашу русскую пропаганду!

С этими словами герр Грубер развернулся и со слоновьим топотом бегом выбежал из домика.

— А статью, — хмыкнула я, — я все же напишу. Страна должна знать своих героев и козлов, даже если эта страна — Германия.

6 сентября 1941 года, 9:35. Могилевская область, Пропойск (Славгород)

командир 4-й роты 182-го мсп капитан Погорелое.

Ну вот и закончилась наша тихая и спокойная жизнь охраны тыловой

базы. Теперь, как и положено в таких случаях, базу, межвременной переход и строящийся аэродром охраняет смешенный батальон Росгвардии и войск НКВД, а нам после пополнения личным составом и доукомплектования техникой нашли более подходящее занятие. Теперь батальонная тактическая группа, сформированная на основе нашего 2-го мотострелкового батальона 182-го мотострелкового полка, под командованием майора Осипова, придана для усиления конно-механизированной группы генерала Ермакова, состоящей из двух кавалерийских и одной танковой дивизии. Еще одна батальонная тактическая группа сформирована из первого батальона нашего полка и вместе с нами (от барских щедрот) в группу Ермакова были переданы артиллерийский и зенитный дивизионы, а также противотанковая батарея нашего

Все это богатство (фактически весь наш мотострелковый полк без третьего батальона) выделили генералу Ермакову для того, чтобы он вверенными ему силами смог принять на богатырскую грудь, отоварить и отправить обратно немецкий 41-й моторизованный корпус генерала Рейнхарда, будь он неладен. Корпус у немцев, правда, в сильно потрепанном состоянии, потому что четыре дня он бодал оборону Кричевской сводной группы войск и понес тяжелые потери. Ну ничего, мы уже бодались двумя батальонами (правда, без танкового батальона) против свежей немецкой танковой дивизии. Теперь — то же самое, только с танками и против потрепанного моторизованного корпуса. Плюс к тому, за счет скорости выдвижения у нас наверняка будет время нормально окопаться и помочь отрыгть окопы для машин 108-й танковой дивизии, (вот присвоили номер — и как знаешь, так с таким и воюй).

И в самом деле, дивизия укомплектована техникой, что называется «не бей лежащего», в основном одни Т-26 различных модификаций, многие из которых — двухбашенные пулеметные колесницы. В первую очередь, это плохо для парней, которые сидят за рычагами в этих устаревших консервных банках, потому что первая же встреча с немецкими танками или противотанковой артиллерией закончится для них печально. Поэтому серьезные тактические задачи придется решать нам. Наши БМП, конечно, тоже бронированы не ахти, и, в отличие от основных боевых танков, противотанковые орудия немцев способны пробить лобовую проекцию с пятисот метров, а борт-корму — и с любой боевой дистанции. Притом известно, что из-за прибабаха конструкторов после попадания в двигатель БМП потребует заводского ремонта, ибо для доступа к двигателю необходимо заводское оборудование.

Но мы все равно не унываем, ведь сражаться нам придется исключительно в обороне, зарывшись в землю по самые башни — а значит, скрыв за бруствером самые уязвимые места. Вот мы и елозим туда-сюда, зацепив на БМП-шки агрегаты для самоокапывания; грунт песчаный, роется хорошо. И точно так же необходимо окопать машины советских танкистов. Как неподвижные огневые точки, они будут обладать все-таки большей боевой устойчивостью, чем как танки во встречной атаке на танки или позиции ПТО. Бросаться в самоубийственные атаки на наши позиции, прикрытые заболоченными берегами речки Прони, под заградительным гаубичным огнем и под перекрестным огнем наших танков и противотанковой артиллерии должен моторизованный корпус генерала Рейнгарт. Это ему будет поставлена задача прорваться через наши позиции и выйдя на коммуникации нашей наступающей группировки, перерезать магистраль Гомель-Могилев. Зато нам для выполнения боевой задачи даже не нужно их всех убивать. Вполне достаточно, чтобы этот генерал Рейнгарт вместе со своими обормотами оставался по ту сторону речки. Все равно — пройдет совсем немного времени, наши замкнут котел вокруг Смоленска; и, хочет это Рейнхард или нет, ему придется отходить на север, потому что иначе его тут и похоронят. А пока роют танковые окопы БМП, роют себе траншеи мотострелки, окопная страда в разгаре, ибо чем глубже ты зарылся, тем больше у тебя шансов в бою остаться в живых.

Часть 8 «Арийцы в нокдауне»

9 мая 2018 года, 10:15. Подмосковье, секретный объект ФСБ группенфюрер СС Рейнхард Тристан Ойген Гейдрих

Почти неделю Гейдрих вживался в роль то ли высокопоставленного военнопленного, то ли экспоната кунсткамеры, заморской диковинки, которую непонятно зачем держат в этом уютном лагере для высшего командного состава вермахта. Кого только нет в этом высокопоставленном зверинце для германских генералов, полном кастового армейского прусского генеральского высокомерия: генералы-фельдмаршалы фон Клюге и фон Бок, генералы фон Швеппенбург, Гудериан, Гот, Кунтцен, Шрот, Фельбер, итак далее и тому подобное... Нормальный такой зверинец — хоть за деньги показывай. Но по известным причинам пребывание гитлеровских генералов на российской территории не афишировалось, и идея шоу в стиле «цирк уродцев» пока была отложена в дальний ящик. До лучших, так сказать, времен.

От СС группенфюрер Гейдрих имелся тут в единственном числе и, скорее всего, таким единственным он и останется. Если на вермахт и на содержащихся на этом объекте германских генералов у русских из будущего явно имеются определенные планы, то, как ему тут заявили, от его родной организации и через семьдесят лет после завершения войны несет таким омерзительным говнищем, что никто и никогда дела с представителями СС иметь не будет. И тут же, почуяв разницу в положении, господа генералы низвели Гейдриха до состояния парии, будто в стаю благородных породистых догов и доберманов подселили маленькую облезлую уличную дворняжку.

А за окном стоит май месяц далекого две тысячи восемнадцатого года; из-за высокого забора с пропущенной по верху колючей проволокой под током ветер доносит одуряющий запахи цветущей черемухи и рябины. Утром генералов будит веселый щебет ранних птах, приветствующих восходящее солнце и вступившую в свои права весну, а вечером концерт для них дают лягушки, заводившие свою извечную песню: «Ква-а-а-а-а! Приди-и-и-и, ко-о-о мне-е-е-е любимая-я-я-я, я-я-я все-е-е тебе-е-е прощу-у-у-у!»

И будто там, по ту сторону портала, не гремят пушки, не льется кровь и миллионы людей не сходятся в ожесточенной кровавой схватке, в которой будет только один победитель. Одни бьются насмерть за фюрера,

фатерлянд, lebensraum и поместья с послушными славянскими рабами, другие идут в бой за Родину, за Сталина, родные дома и нивы, за всех своих близких, которые по плану «Ост» должны умереть или стать бесправными рабами.

И вот, три недели назад в той войне наступил внезапный и решающий перелом. В борьбу вступила внешняя по отношению к тому миру сила, безоговорочно вставшая на сторону тех, кому грозило полное уничтожение, бросив на весы судьбы свой тяжелый меч. Собственно, потому здесь все эти генералы и оказались. В ближайшее время их число пополнится за счет их коллег, которые пока гуляют на свободе. Там, по ту сторону портала, передовые моторизованные батальоны «марсиан» несколько часов назад вошли в Витебск, завершив первый этап окружения основных сил «группы армий «Центр». Одновременно навстречу «марсианам» от Великих Лук через ослабленные изъятиями пехотные дивизии вермахта с боями пробивается свежая 32-я армия генерала Федюнинского, а такая же свежая 31-я армия генерала Долматова завязала бои за город Невель.

Тайны из всего этого перед пленными генералами не делали. Не скрывали от них и того, что новым командующим терзаемой группы армий «Центр» назначен переведенный с Балкан генерал-фельдмаршал Лист; он пока еще в свой будущий штаб с Минске не прибыл, и неизвестно, когда прибудет. Командующим окруженной группировкой в связи с большими потерями вермахта в генералах временно назначен командующий имеющей наиболее прочное положение 9-й армией генерал-полковник Адольф Штраус. И при всем этом Верховное командование вермахта и лично Адольф Гитлер транслируют в окруженные войска только одно послание: «Восстановить положение, ни шагу назад, сохранять существующие позиции». И в то же время всем понятно, что большая часть резервов, которые можно было соскрести на других направлениях, не только уже была переброшена в Смоленский выступ, но и успела дотла сгореть в ходе частных локальных наступательных операций «марсиан». Восточный фронт, и в частности Московское направление, пожирало германские войска с жадностью древнего кровожадного мексиканского божка, и сколько войск туда ни перебрасывай — все будет мало.

Любому вменяемому человеку, а не только профессионалам своего дела, становилось ясно, что разгром неминуем. Территория, занимаемая окруженными войсками, будет съеживаться как шагреновая кожа, а все попытки разорвать кольцо блокады снаружи или вырваться из него изнутри, потерпят неперемнную неудачу, обрекающую на гибель остатки подвижных соединений. Вчера вечером, получив очередную сводку,

генералы лаялись между собой до хрипоты, но так и не пришли ни к чему определенному. Конечно, если свернуть войска в походные колонны, бросить обременяющие их имущество и тяжелое вооружение, то пока кольцо кружения осуществляется крайне немногочисленными моторизованными частями «марсиан», вполне получится вырваться из западни, где-то по-тихому просачиваясь через щели, а где-то наваливаясь большой массой на ослабленные тыловые части большевиков.

Процентов пятьдесят войск, или даже чуть больше, таким образом спасти удастся, но тут имеется несколько препятствующих обстоятельств. Первое заключается в том, что Гитлер никогда не даст разрешения^[31] на такую операцию. А когда он это разрешение даст, проводить такую операцию будет уже поздно. К тому времени вместо хилого штакетника составленного из отдельных моторизованных частей и подразделений «марсиан» между окруженными и их спасением вырастет бетонный забор примерно из миллиона большевистских солдат их Резервного фронта соединения которого стали валентными^[32] после того как «марсиане» разгромили все германские подвижные соединения.

Гейдрих сразу же пытался сказать генералам, что такого рода обсуждения в помещениях, которые наверняка нафаршированы подглядывающими и подслушивающими устройствами, могут быть приравнены к измене Рейху и фюреру, а посему являются недопустимыми. В ответ генералы от него просто отмахнулись, сказав, что для них война уже закончена, и все эти обсуждения являются умозрительными тренировками ума. Поскольку они не посвящены ни в какие реальные планы нынешнего немецкого командования и не осведомлены о том, насколько точно до них доводят обстановку, то данные занятия нельзя назвать предательством, поскольку они являются всего лишь развлечением страдающих от безделья людей. В любом случае эта война Германией была проиграна еще до ее начала. Одним словом, «иди отсюда, мальчик, и не мешай взрослым дядям играть в их любимой песочнице.»

Но и это было далеко не все. Сегодня с утра в генеральском «зверинце» поднялась необычайная суета. Четыре здоровенных охранника установили в общей столовой огромный экран, потом комендант, герр Курченко, на неплохом немецком языке объявил, что сейчас для господ генералов будет культурная программа, просмотр ежегодного военного Парада Победы в честь семьдесят третьей годовщины победы над фашистской Германией.

— Вот, — усаживаясь на стул, угрюмо сказал генерал-фельдмаршал

фон Бок, — они еще и издеваются.

— Имеют право, — улыбаясь своей фирменной приклеенной улыбочкой, ответил Гудериан, — ведь они, как-никак, победили нас, и целых два раза. Один раз в лице своих предков, которых мы поначалу приняли за недотеп, другой раз сами лично, имея в запасе семьдесят семь лет форы...

— Да уж, — поддержал своего бывшего командующего Гейр фон Швеппенбург, — только завидев германские войска, эти русские бросились атаковать их с такой яростью, будто все семьдесят три года они только и мечтали о том, как вцепятся нам в глотку. Вы можете представить себе армию, которая переходит от мира к войне вот так легко и просто, с коротким лязгом передергиваемого затвора? Согласно полученным мной рапортам, с первых минут вторжения 3-й танковой дивизии Моделя на их территорию солдаты местных частей, поднятые по тревоге звонком из полиции, вели себя на поле боя так уверенно и даже дерзко, будто находились на этой войне уже не один месяц.

— Именно поэтому дивизия Моделя не прожила в той России и дня, — назидательно сказал Гудериан, — утром все началось и где-то после полудня закончилось. Но главное заключается не в том, как русские из будущего встретили наши войска у себя, а в том, что, уничтожив дивизию Моделя и пленив немногих выживших, они сразу, не колеблясь ни минуты, начали ответное вторжение своих войск в наше время. Сначала дивизию, которая прикрывала участок их границы с Украиной, а потом и специально подтянутые из других мест части. А у нас с той стороны были только тыловики, которых русские танцы из будущего смяли как бумагу.

Подслушивающий этот разговор Гейдрих подумал, что Гудериан уже успел позабыть (а шеф имперской безопасности знает и помнит все), что это он сам, с целью расширения плацдарма в 2018-м году, приказал Моделю ввести в бой всю свою дивизию и тем самым оголить подступы к portalу со стороны 1941-го года.

Но ни Гейдрих, ни Гудериан, ни кто-то еще из германских генералов так и не подумали о том, что ярость ответного удара Российской Федерации была вызвана тем, что солдаты вермахта успели так набедокурить в России 2018 года, что не было теперь им ни оправдания, ни прощения. Будто из зоопарка вырвалась стая диких бабуинов или из психушки сбежала банда буйных пациентов. Но такие мысли никогда еще не посещали светлые арийские головы, для этого они были слишком хорошо воспитаны и пережили слишком мало бед. Вот если бы вместо этого российского «зверинца» они попали на всамделишный советский лесоповал, где надо

было бы арбайтать от рассвета до заката — вот тогда процесс духовного самосовершенствования у господ генералов пошел бы многократно быстрее.

Тем временем экран осветился и на нем начался показ^[33] — но не парада 2018-го года (до него был еще целый час), а фрагментов исторического ноябрьского парада 1941-го года, когда войска прямо из парадных расчетов уходили сразу на фронт. При этом голос за кадром, специально для господ генералов давал синхронный закадровый перевод на немецкий язык. Потом промелькнули кадры речи Сталина, потом по Красной площади на фронт, рыча дизелями, снова ехали новенькие тридцатьчетверки в белом известковом камуфляже и шли бойцы в шапках-ушанках и белых полушубках.

Затем на экране пошла нарезка из основных операций той войны с картами и кадрами хроники, из которой немецкие генералы узнали, как их побили под Москвой, под Сталинградом, на Курской дуге, на Украине, в Белоруссии — и так вплоть до Берлина. До середины войны каждое эпическое наступление вермахта обязательно заканчивалось не менее эпическим поражением, а после Курской дуги наступали уже в основном русские, и поражения сыпались на вермахт как из рога изобилия. И вот — последние кадры Штурма Берлина и Красное знамя, развевающееся над Рейхстагом. Закончилась война и перед зрителями предстал Парад Победы 24-го июня 1945 года, почти день в день через четыре года после того момента, как вермахт рванулся через границу исполнять авантюрный от начала до конца план «Барбаросса».

Перед немецкими генералами прошагали монолитные коробки под штандартами победоносных советских фронтов и закончилось все тем, что солдаты в белых перчатках швыряли к подножию Мавзолея знамена поверженной германской армии.

Естественно, сидевшим в зале генералам было прекрасно известно, что у частей и соединений вермахта боевых знамен не бывает по определению (банда — она и есть банда). Сразу было понятно, что для создания такого великолепного театрального эффекта из немецких военных музеев были взяты знамена кайзеровской армии, но для сидевших в зале генералов это понимание даже приумножило общий психологический эффект. Это для молодых немцев те знамена были ничто, но старики сражались под ними в ту Великую Войну — кто совсем молодым лейтенантом, кто гаугтманом, а кто майором. И вот этот знак окончательного поражения, когда победители в белых перчатках кидают на землю бывшие святыни, будто источник заразы, и хорошо, что не ходят по

ним ногами. Да, пойдя за Гитлером, германский генералитет планировал взять реванш за прошлое поражение и умыть кровью былых победителей, унизивших и ограбивших разгромленную Германию, но итог вышел в стократ хуже — германская армия снова была разбита, и на этот раз капитуляция только зафиксировала реальную невозможность дальнейшего ведения боевых действий; к тому моменту как она была подписано, от Германии и ее армии фактически уже почти ничего не осталось.

Промельнули перед зрителями последние кадры Парада Победы 1945 года — и вот перед зрителями под звук метронома с высоты птичьего полета раскинулась Красная площадь 9 мая 2018 года. А вот тут все, как и везде — ритуал не претерпел изменения ни на йоту, за исключением того, что возглавлял прохождение войск парадный расчет российских экспедиционных сил. В монолитном и четком строю парадной коробки по Красной площади прошли победоносные российские солдаты и офицеры, уже участвовавшие в сражениях сорок первого года плечом к плечу с бойцами и командирами РККА и одержавшие в этой войне свои первые победы. Потом, когда пошла техника, которую опять же возглавили советские танки Т-34 под красными боевыми знаменами, немецкие генералы поняли, что все в этой войне бессмысленно и бесполезно, в любом случае большевистские знамена взовьются над развалинами Берлина, ибо потомки ни за что не отступятся от своих предков и доведут начатое до конца. И самое главное, что это понял Гейдрих, будущий троянский конь — или, точнее, отравленная стрела, которая поразит нацистский режим в самое сердце.

9 мая 2018 года, 10:25. Москва, госпиталь имени Бурденко, палата для офицеров российской и командиров Красной Армии

Совсем с другими чувствами, чем пленные немецкие генералы, Парад Победы смотрели здесь, в святая святых российской военной медицины. Только один раненый, майор военной полиции Мокрецов, получил свой минометный осколок во время исполнения воинского долга в Сирийской Арабской Республике, пострадав от действий так называемой проамериканской «умеренной» оппозиции, которая на самом деле есть такие же бородатые бармалеи, как и неумеренная оппозиция, только находящаяся на прямом материальном содержании Госдепа и Пентагона. Группировку, устроившую минометный обстрел Российского блокпоста, помножили на ноль озлобленные ВКС, а майор, как и несколько других раненых, спустя сутки очутились в госпиталях России.

Остальные раненые были с необъятных полей запортовой Великой Отечественной Войны. Советский танкист, капитан Карпов, горевший в

своей картонной БТшке при ликвидации Кременчугского плацдарма. Два летчика-истребителя — лейтенант Вострецов и сержант^[34] Умилин, отчаянные мальчики, выходившие против мессеров с раскладом «их восемь, нас двое». Лейтенанта Вострецова подбили на своем «ишачке» над Лужским рубежом, когда части РККА и дивизии ДОН НКВД встречными ударами запихивали обратно прорвавшихся было немцев. Раненый в левую руку и бедро, он вел бой до полного исчерпания боезапаса, а потом совершил на своем избитом истребителе вынужденную посадку в районе переднего края наших войск. Истребитель сержанта Умилины был сбит во время отражения очередного ночного массированного налета немецких бомбардировщиков на Москву, в результате чего летчик выпрыгнул из горящего МИГа с пулей в плече от вражеского стрелка. Потом было немного неудачное приземление на крышу дома и сложный перелом ноги, что для летчика-истребителя почти приговор. Эта-то нога и привела юного сержанта в запортальный госпиталь, где его обещали вернуть в строй в кратчайший срок. Еще в палате со своей раненой ногой лежал уже знакомый нам майор Маркин, бывший командир 125-го стрелкового полка, который оказался здесь одним из первых, и три российских офицера экспедиционных сил — капитан Соловьев, старший лейтенант Гамов и лейтенант Сергейцев, раненые в недавних боях с немецко-фашистскими захватчиками.

Вообще телевизор — не такой шикарный, как тот, что поставили немецким генералам, но вполне приличный — не выключался в палате считай что от подъема и до отбоя. В основном смотрели канал «Россия-24», по которому непрерывно каждые полчаса транслировались свежие сводки «Совинформбюро» и российского национального центра обороны, а также телеканал «Звезда» — там так же нон-стоп показывали советские и российские художественные фильмы о той войне. Еще товарищей краскомов (красных командиров) немного шокировала российская манера ведения войны с показом ее в прямом эфире. Например, демонстрация записей камер беспилотников (мы в ходе операции в Сирии такое видели много раз), контролировавших поражение «Искандерами» железнодорожных мостов через Березину (одного в районе Елизово, другого в Борисове) или массированный авиаудар по забитому прибывающими эшелонами Бобруйску. И тут же генерал-лейтенант Конашенков в своем фирменном офисном камуфляже в прямом эфире объясняет телезрителям, что это сделали для того, чтобы немцам веселее было перебрасывать последние резервы на помощь терпящей катастрофу группе армий «Центр».

Или наскоро смонтированный фильм (с Александром Сладковым в главной роли) — его оператор вместе с российскими мотострелками проехал на броне БМП от прорванной линии фронта под Гомелем до Витебска, взятие которого лишило войска группы армий «Центр» последних путей снабжения. И уже сегодня, буквально перед самым парадом — его же последний репортаж о встрече под Витебском российских мотострелков и бойцов армии генерала Федюнинского, наступавших от Великих Лук. Последняя новость вызвала всеобщие крики «ура!» и объятия всех со всеми, кому это было не противопоказано с медицинской точки зрения. Порция скромной мужской ласки досталась также санитаркам, медсестрам и врачам без разбора.

Впервые крик «Окружили!» звучал не горестно и испуганно, а радостно и торжествующе. Окружили-то не наших, а немцев, и масштаб окруженной группировки кружил голову. И тут же вспыхнули жаркие споры о том, сколько еще продлится эта война и на каких рубежах она закончится. Оптимисты говорили, что «к зиме будем уже в Германии», а реалисты возражали, что это никак не получится. Армия еще совсем не та, что показывают в фильмах, кадровая армия считай что вся сгорела в июле-августе, да и подготовка ее оставляла желать лучшего. Все, что делалось до войны, придется похерить и ради скорейшей победы начать все сначала. К тому же мало немца под Смоленском окружить, окруженных надо еще удержать в том котле, чтобы они, в конце концов, сдались. Потомки (кивок в сторону российских коллег), конечно, помогут, но и советской кровушки прольется немало, потому что когда немцы поймут, чем им грозит это окружение, рваться на прорыв они примутся со страшной силой, вояки они серьезные. Так что даже со всей поддержкой, всерьез, засучив рукава, минимум год-полтора с Германией провозиться придется. А англосаксы все это время будут делать вид, что воюют с Гитлером, а сами из-за угла станут помогать ему всем, чем могут — например, через нейтральные пока Швецию и Испанию.

Так что, в отличие от немецких генералов, смотревших «культурную программу» переговариваясь и кривя губы, и фильм перед парадом и сам парад советские и российские раненые командиры и офицеры просмотрели в полной тишине, в буквальном смысле затаив дыхание. Особо впечатляющей (для летчиков) была воздушная часть парада, когда огромный белоснежный Ту-160 с надписью на борту «Александр Голованов», широко раскинув крылья изменяемой стреловидности, на высоте птичьего полета с громом пролетел над Красной Площадью в сопровождении пары истребителей Су-27.

Они не знали, что человек, чьим именем был назван этот самолет, в настоящий момент сидел в кресле второго пилота, впитывая в себя ощущения полета на огромной реактивной машине. Только так можно понять людей, способных поднять в небо машину, груженую 45-ю тоннами бомб (примерная бомбовая нагрузка дивизии дальних бомбардировщиков Ил-4) и через полчаса полета на безумной скорости и недостижимой высоте опростать их над столицей Третьего Рейха. При этом до Лондона этим самолетом лететь час, а до Гибралтара с Лиссабоном — полтора, дальше начинаются межконтинентальные дальности (на пределе дальности без дозаправки в воздухе Ту-160 достает до Вашингтона), но нам пока туда не надо. При этом было известно, что на припортовом аэродроме по обе стороны от межвременного перехода в окрестностях Унечи спешно возводятся быстросборные, но в тоже время капитальные полосы из готовых бетонных плит, уложенных в несколько слоев — а это значит, что скоро берлинцы и жители прочих германских городов будут иметь «счастье» лицезреть над своими головами эти прекрасные белоснежные машины или же их «младших братьев» Ту-22МЗ, которые тоже далеко не сахар, правда, поднимают всего двадцать тонн бомб и на межконтинентальную дальность не летают. Ну, так межконтинентальных дальностей СССР пока и не требуется.^[35]

В отличие от летчиков, которых хлебом не корми — дай только полетать, капитана Карпова и майора Маркина впечатлила не та техника, что пролетала в небе, а та, которая проходила (проезжала) по земле. Причем майор в какой-то мере уже мог считать себя экспертом, потому что даже лежа на импровизированных носилках видел в действии российскую мотострелковую батальонную тактическую группу. Впрочем, в присутствии настоящих экспертов, объяснявших, что к чему и почему (то есть российских офицеров, из которых капитан Соловьев был артиллеристом-самоходчиком, а лейтенанты Гамов и Сергейцев представляли как раз танковые и мотострелковые войска) майор Маркин предпочитал помалкивать и слушать самому. Война кончится далеко не завтра, и эти знания ему еще могут пригодиться.

Оказывается, танк старшего лейтенанта Гамова даже не был подбит в бою, просто вставшую на дневку батальонную тактическую группу издали обстреляла из пулемета группа немецких окруженцев. В результате находившийся вне танка Гамов (танкистам бронежилеты не положены) получил слепое (значит, пуля осталась в теле) проникающее ранение в грудь шальной пулей и выбыл из строя как минимум на пару месяцев. До этого Гамов, гремя огнем, сверкая блеском стали, успел

поучаствовать в Гомельской локальной наступательной операции, а затем, во время операции «Гильотина», на своем Т-80У пройти от линии фронта под Гомелем почти до самой Орши. Аналогичную историю рассказал и лейтенант Сергейцев, раненый осколком минометной мины во время захвата Могилевского железнодорожного узла, а также капитан Соловьев, получивший пулевое и несколько осколочных ранений от разорвавшейся рядом гранаты, когда он с автоматом в руках отражал нападение группы солдат противника на НП артиллерийского полка.

Но все равно все четыре российских офицера считали героями не себя (они всего лишь работяги войны на подхвате — неиметых подтаскивают, поиметых оттаскивают), а командиров и бойцов Красной армии, которые с чем попало и на чем попало встали на пути у орд немецко-фашистских людоедов. Краскомы, правда, с эти не соглашались и говорили, что потомки пришли из своего мирного будущего и встали с ними плечом к плечу — а значит, все тут герои, сражающиеся с жестоким врагом. Трусов среди них нет.

7 сентября 1941 года. 21:15. Третий Рейх, Восточная Пруссия, Ставка Гитлера «Вольфшанце».

Гитлер метался по своему кабинету затравленным хорьком. Враждебная сила, с которой он неделю назад собирался вступить в переговоры, предложив разделить мир напополам, пока глухо и угрожающе молчала. То ли тем людям не нужна была половина мира из его рук и они считали, что сами возьмут больше, то ли бедолага Рейнхард так и не сумел добраться до их начальства, попав в руки большевикам, или сгинул бесследно при попытке перехода фронта. Гитлер предпочитал верить во второй вариант, первый же был хуже всего, ибо лишал всяческой надежды, особенно в свете того, что вместо ответа русские из будущего предприняли новое наступление, целью которого были разгром и уничтожение группы армий «Центр». На момент прорыва под Гомелем в состав ГА «Центр» входило девяносто процентов всех боеготовых танков и больше половины пехоты и артиллерии. Гибель такого количества войск станет для вермахта настоящей катастрофой с невосполнимыми до конца войны потерями. Мобилизационный потенциал Германии исчерпан, почти каждый боеспособный мужчина и без того уже находится в строю, так что пополнить армию можно было бы только за счет рабочих и высококвалифицированных специалистов военных производств.

Но прибегать к таким методам стоит только в том случае, если враг стоит у ворот Берлина, но не сейчас, когда обстановка еще не так плоха, как кажется.

К тому же фельдмаршал фон Браухич и его начальник штаба генерал Гальдер уверяют, что есть реальный шанс прорвать блокаду вокруг окруженной Смоленской группировки, сохранив исходные позиции для дальнейшего наступления на Москву. Для достижения такого результата, во-первых, потребуется вывести из уже оформившегося Рославльского мешка 4-ю армию генерала Хайнрици, сменившего бесследно сгинувшего генерала-фельдмаршала фон Клюге. Во-вторых — присоединить к ней уцелевшие 46-й и 47-й моторкорпуса второй танковой группы, а также оставшийся боеспособным 56-й моторкорпус из состава 4-й панцергруппы. В-третьих — сосредоточив усиленную армию на рубежах восточнее Витебска и Орши, бросить ее на прорыв кольца окружения по кратчайшему расстоянию.

Все бы ничего, но Гитлер пока колебался. На карте это выглядело красиво, но как все будет происходить в реальности? На настоящий момент 4-я армия вместе с моторкорпусами насчитывает в своем составе более двухсот тысяч солдат и офицеров, (вдвое больше, чем уже сгинувшая под Гомелем 2-я армия генерала фон Вейхса) и отступать ей придется по единственной узкой дороге на Смоленск. Разве же авиация «марсиан», один раз уже устроившая в аналогичной ситуации кровавую бойню 3-й панцергруппе генерала Гота, будет сидеть сложа руки, а не попытается сделать так, чтобы как можно больше немецких солдат погибло под ударами русских бомбардировщиков и штурмовиков?

А большевистские армии их Западного фронта, пополненные и окрепшие после недавних сражений, не говоря уже и о самих «марсианах», часть из которых сосредоточена в районе Кричева? Разве они не попытаются смять германские арьергарды и превратить организованное отступление в беспорядочное бегство? К тому же переброска своим ходом таких масс пехоты потребует не меньше десяти суток, а готовой к прорыву группировку можно будет считать только через две недели. Но никто, кроме ужасных непостижимых «марсиан» и союзного им большевистского командования, не знает, что будет твориться в районе Витебск-Орша к двадцатому сентября и какие силы соберет к тому моменту в том районе большевистское командование.

И вообще, успешный таранный удар по большевистским армиям моторизованными корпусами возможен только при отсутствии в том районе механизированных соединений «марсиан». Иначе прорвавшиеся через линию большевистских окопов германские танцы встретят подвижные группы «марсиан» — и на этом успешный прорыв закончится. Если, конечно, «марсиане» дадут возможность моторизованным корпусам

прорвать фронт большевистских армий, а не выдвинут на угрожаемые направления заблаговременно сформированные заслоны, состоящие из мотопехоты и истребителей танков. Именно так, штурмуя линию полевой обороны по неприметной вроде бы речушке, и сгорел почти дотла 41-й моторный корпус генерала Рейнгарт, пытавшийся нанести удар под основание Гомельского прорыва «марсиан». В настоящий момент дезорганизованные остатки 41-го моторного корпуса спешно отступают на север по направлению к Чаусам, по пятам преследуемые мобильными отрядами большевистской кавалерии, и путь этого отступления усеян могилами немецких солдат. И ведь, по докладам разведки, «марсиан» в той группировке было совсем немного — батальон или два, а остальные силы составляла большевистская кавалерия и их же легкие танки, с которыми раньше германская армия справлялась без особого труда. А вот теперь не справилась и с позором была вынуждена отступить.

И вообще, как возможно воевать с противником, который опережает тебя на семьдесят семь лет и в силу этого обладает превосходящей техникой и вооружением, лучше развитой тактикой? А самое главное заключается в том, что русские из будущего знают, что один раз они уже разбили вдребезги ранее непобедимую германскую армию, и для них нет ничего сложного в том, чтобы разбивать ее снова и снова. Один или два их батальона, вмешавшиеся в сражение — и все замыслы германского командования летят к черту. Нет, он, Гитлер, пока не будет спешить отдавать приказ генералу Хайнрици сниматься с позиций и двигаться на север. Это преждевременно, потому что стоит войскам покинуть свои окопы — и вернуть их обратно уже не получится. До того, как принять такое роковое решение, он должен будет переговорить с генералом-фельдмаршалом Листом, назначенным командующим группой армий «Центр» вместо злосчастного фон Бока. Генерал-фельдмаршал, который только успел сдать дела командующего на Балканах, прибудет в Ставку поздно вечером, и сразу же у Гитлера с ним намечена встреча.

Быть может, вообще не стоит спешить спасать 4-ю и 9-ю армии, ведь при попытке прорыва из котла они утратят значительную часть живой силы, а также все свои запасы и тяжелое вооружение. Возможно, вместо вывода этих армий из окружения стоит отдать им приказ держаться до последнего солдата и, насколько это возможно, долго сковывать большевистско-марсианские орды на существующих рубежах. И в тоже время, пока идет Смоленское сражение и «марсиане» с большевиками будут заняты ликвидацией окруженной группировки, из частей, снятых с Запада, Балкан и Африки, фельдмаршал Лист должен будет сформировать

новую группу армий «Центр», которая и перекроет большевикам и их союзникам путь в Европу.

В конце концов (Геббельс это умеет), можно хорошенько запугать население европейских стран ужасной «марсианской» угрозой, и на этом основании потребовать, чтобы разные там норвежцы, датчане, голландцы, бельгийцы и прочие французы с поляками на равных с немцами несли ношу обороны европейской цивилизации от диких азиатских варваров-большевиков и жутких потусторонних пришельцев. Пусть враг захлебнется в густых потоках самого низкопробного пушечного мяса, какое только есть в Европе, пусть растратит на борьбу с объединенной Европой свои невосполнимые резервы. Под это дело можно будет попробовать заключить перемирие или даже мир с Британской империей, все равно после поражения Советов и их союзников соблюдать этот договор станет совсем необязательно. Именно он, Гитлер, после войны будет решать, кто тут настоящий европеец, кто полукровка, а кто презренный во всех смыслах унтерменш с гнилой славянской или еврейской кровью.

Итак — решено. Армии Хайнрици и Штрауса, сдерживая большевистско-марсианский ужас, должны до последнего солдата сражаться на существующих рубежах. Генерал-фельдмаршал Лист в это время соберет новую группировку и возводит по рубежу реки Березины оборонительный рубеж. А Геббельс во всю свою луженую глотку примется агитировать население покоренной Европы, чтобы оно по добром желанию дало вермахту как можно больше пушечного мяса, потому что в противном случае мы начнем брать рекрутов силой, начав с лагерей военнопленных, где находятся бывшие солдаты и офицеры польской, французской, голландской и бельгийской армий. В конце концов, к делу борьбы с марсианами и большевиками можно привлечь и некоторые антирусски настроенные народы, проживающие на оккупированной вермахтом территории. Западные украинцы, литовцы, латыши и эстонцы, наряду с поляками, могут и должны внести свой вклад в эту борьбу, но только после победы, оставив для онемечивания наиболее продвинутое меньшинство, всех остальных потребуются просто расстрелять, невзирая ни на какие заслуги — уж больно отвратительны ему, фюреру, эти неисправимо гадкие недоумки-унтерменши.

И самое главное, люди Риббентропа через нейтральные Швецию или Швейцарию должны немедленно приступить к дипломатическому зондажу британского премьера Уинстона Черчилля по поводу заключения мира или даже союза. Такой союз остро необходим Германии и Великобритании — единственным родственным странам на Европейском континенте, когда они

лицом к лицу стоят перед новой грозной опасностью, затмевающей собой все былые ужасы прошлых веков, приходившие из покрытых пылью азиатских пустынь.

7 сентября 1941 года. 22:25. Могилевская область, Пропойск (Славгород)

командир 4-й роты 182-го мсп капитан Погорелое.

Отгремели два дня ожесточенных кровавых боев; багровое, будто напившееся крови, солнце закатилось за горизонт. Немцев тут больше нет — они умерли или бежали, а мы живы и победили — все, и российские и советские; сидим на броне своих боевых машин, нервно курим у кого что есть и смотрим в черное небо с яркими звездами. Ночная прохлада, благодать и лепота... Все бы хорошо, да только восточный ветерок доносит до нас запах гари и мертвечины. Отдельные представители белокурых бестий еще живы и стонут, взывая о помощи, но никто им ее не окажет. Завтра или через два-три дня сюда прибудет похоронная команда, которая и займется уборкой плодов нашей победы. Но к тому времени они будут смердеть так, что дышать будет невозможно. Календарное лето кончилось, но дни в начале сентября стоят еще жаркие, так что разбросанное на том берегу речки бесхозное пушечное мясо уже к исходу второго дня подтухло и стало ощутимо вонять. С одной стороны, труп врага всегда хорошо пахнет, а с другой стороны, когда таких трупов слишком много и к ним добавляется вонь и чад сгоревшей бронетехники, это получается как-то перебор. Но давайте обо всем по порядку.

Вчера после полудня, когда мы только закончили оборудование и маскировку позиций и уже собрались было по этому поводу перекурить, на дороге со стороны Кричева показалась передовой разведывательный дозор противника — три «двойки» и десяток больших бронетранспортеров (5с1К^г 251), за четырьмя из которых катились маленькие пушечки. Эти конкретные Гансы из усиленного дивизионного разведбата даже, наверное, и не собирались с нами воевать, намереваясь только прощупать наш передний край и доложить начальству, но наши лихие парни подобных шуток с прощупыванием не понимают в корне. Советские танкисты, впрочем, тоже. И чтобы сделать немцам сюрприз, в завязке боя нас попросили не беспокоиться. Пусть думают, что здесь только советские танкисты на легких танках, с которыми немцы раньше справлялись с необычайной легкостью. Тем более что дистанция для открытия огня по бронетехнике пушечным Т-26 была нарезана такая же, как нам — то есть по тысяче метров.

Но палить сразу в белый свет как в копеечку советские танкисты не

стали, а использовали естественные особенности местности. Дело в том, что непосредственно перед самым мостом речка Проня, вдоль которой проходил наш оборонительный рубеж, изгибается и примерно с километр течет параллельно дороге на расстоянии от двухсот до четырехсот метров — то есть занявшие оборону в танковых окопах и тщательно замаскированные советские танки имели возможность поражать противника точно в борт. Условия простейшие. Заряжай, целйся и стреляй, остальное бронебойный снаряд танковой пушки 20-К сделает сам. Для бронетранспортеров, чтобы влить в мотор, упреждение в полкорпуса, для «двойки» — целиться по переднему срезу корпуса.

Будь тут в прицеле даже средние «тройки» и «четверки», им бы тоже не поздоровилось, потому что бронебойный снаряд 45-мм танковой пушки с пятисот метров пробивает броню в 40-мм, а у «троек» и «четверок» на бортах она всего 30-мм. Используй советские генералы эти устаревшие танки вот так, из засад с использованием заранее подготовленных и замаскированных позиций, а не в лобовых атаках как это было в реальности — и начало войны сложилось бы совсем по-иному. И Гудериан, и Гот вместе со своими танковыми группами «умерли» бы еще до Минска, так как у них закончились бы исправные и боеготовые танки. Но как бы то ни было — лучше поздно, чем никогда. К тому же пережившие это сражение советские танкисты значительно повысят свое личное мастерство, перейдя на следующий уровень, из «новичков» в «регуляры».

Едва головная двойка подошла к приметному камню у дороги, который был отмечен как рубеж открытия огня, как тут же, хлестко, почти залпом, ударили два десятка танковых орудий. Головная двойка со скрежетом остановилась; из моторного отсека, пробитого сразу двумя снарядами, показались струйки дыма, а башня стала разворачиваться в сторону засады. Вторая «двойка», получившая один снаряд под башню, а второй в мотор, почти уткнулась в корму первой машины. Дальше бронетранспортеры встали «гармошкой», три из них загорелись, еще два просто встали ни туда ни сюда, а остальные начали попытку развернуться, чтобы покинуть столь негостеприимное место, объехав по пути вертящуюся юлой замыкающую двойку. Нет, она не сошла с ума, просто бронебойный снаряд разбил у нее ведущую звездочку и сорвал левую гусеницу. При этом немецкая пехота активно покидала бронетранспортеры, которые после попадания в танковую засаду превратились в железные гробы. И тут же по сигающим через борта зольдатенам из окопчиков на нашей стороне реки стали стрелять пулеметы ПК и винтовки пехотного прикрытия (рота 108-го мотострелкового полка), укладывая их, сердешных,

на землю одного за другим. Но и это было еще не все. Бой только начинался.

Спустя пять секунд первого залпа снова ударили танковые пушки, только на этот раз немного вразнобой (у кого как получилось перезарядить), потом еще раз и еще. Головная «двойка», так и не сумев повернуть башню, вдруг вспыхнула яростным ярко-желтым чадным бензиновым пламенем. Загорелся и замыкающий танк, при этом, впрочем, не прекращая вертеться на месте. Наверное, механик-водитель был убит после первого же попадания, и просто некому было заглушить двигатель, чтобы экипаж смог покинуть машину. Бронетранспортеры при этом тоже горели уже все, и покинувшая их немецкая пехота (меньше половины первоначального состава), залегла по кюветам, лениво перестреливаясь с нашими бойца ми-пехотинца ми. Деваться им было некуда, ибо ради спасения пришлось бы пробежать или проползти примерно километр под перекрестным пулеметным огнем с трех сторон.

Последний из бронетранспортеров зигзагом пытался удалиться восвояси, но был подбит, не сумев проехать и пятисот метров. Вроде бы из него выбрался человек, который успел нырнуть в кювет, а может, никто и не выбрался; и тем, кто это видел, все показалось. Тех же немецких пехотинцев, которые попрятались по кюветам на месте расстрела колонны, перестреляли минут за десять. Кювет не окоп — голову спрятал, а зад торчит двумя холмами. И хоть попадания в него далеко не смертельны, но боеспособности лишают гарантировано, как и присутствия духа. Немецким пехотинцам не помогли даже несколько прихваченных с собой из бронетранспортеров пулеметов МГ-34, ибо у танкистов, помимо бронебойных, в боекомплекте имелись и осколочные снаряды. Не первым выстрелом, так вторым наводчик танкового орудия этого пулеметчика обязательно доставал.

Одним словом, увертюра удалась на славу, а чадный черный дым горящих легких танков и бронетранспортеров высоко взвился в безоблачное небо. В принципе, уже одного этого дыма было достаточно для того чтобы немецкий командующий понял, что рубеж по реке Проне занят настолько значительными силами, что они походя смахнули его передовой отряд, не дав ему ни развернуться в боевые порядки, ни отступить. Поэтому час спустя после разгрома разведки наши позиции подверглись неприцельному и довольно редкому артиллерийскому огню, который к тому же имел значительный разброс.

«Шторьха» для корректировки огня у немецких артиллеристов под рукой не было, это счастье кончилось у них еще во время боев за Кричев,

поэтому их снаряды в основном летели «на деревню дедушке». Да и огонь был не сказать что очень платный. Страшновато, конечно, даже в окопе, но терпимо, потому что прямое попадание в этот окоп может быть только случайным. Дело, наверное, в том, что еще во время боев за Кричев немецкие дивизионные артполки должны были понести значительные потери в личном составе и материальной части. Контрбатарейную борьбу наши, то есть российские, артиллеристы умеют вести значительно лучше немцев, и наверняка они наказывали немецких коллег за каждый случай обстрела советских позиций, что и привело к большим потерям.

Постреляв так примерно с полчаса (в виду малой точности вражеского огня нашей артиллерии отдали приказ огня не открывать) немецкие батареи как бы нехотя замолчали. Наверное, тот немецкий командир, который руководил этим подобием артподготовки, решил, что пугливых он напугал достаточно, а на непугливых такой обстрел не подействует, и прекратил напрасную трату боекомплекта. Очевидно, за то время, пока немецкая артиллерия вела огонь, на опушке леса накопилось ровно столько пехоты, сколько нужно для атаки, и вслед за выезжающими из леса по дороге и расходящимися веером танками на луг вышли пешие цепи немецкой пехоты. Рукава закатаны, шнапс выпит, морды красные — вперед, на пулеметы. От выступа наших позиций в излучине Прони до опушки леса полтора километра, поэтому наши пока молчат. От лесной опушки до моста, кстати, целых два с половиной, а ведь танкам именно туда, потому что берега речки, кроме отдельных мест, такие топкие, что там корова сразу вязнет чуть ли не по брюхо, а человек проваливается в ил по колено.

Но немцам все равно — они бухие, поэтому маршируют как на параде. Естественно, зольдатенам и их офицерам хорошо видно место, где наша засада расстреляла их кригскамрадов, и некоторые, особо понятливые из них, уже начинают вертеть головами в поисках притаившегося поблизости полярного лиса. Им боязно — и понятно почему. Переваливаясь на выбоинах и колдобинах, в нашу сторону не спеша движется около четырех десятков угловатых железных коробок, в которых без труда можно опознать в дупель устаревшие чешских танки LT-35 «Прага». Сами мы их раньше живьем не видели, но нам показывали картинки и объясняли, что эта «Прага» с легкостью истребляется чем угодно, вплоть до наших крупнокалиберных пулеметов. А еще у LT-35 и чуть более нового LT-38 такая колкая и хрупкая броня, что ее осколки, отколовшиеся после попадания с внутренней стороны, наносят разрушений даже больше, чем сам снаряд или бронебойная пуля. Так сказать трофеи чешского похода. Очевидно, первыми командующий корпусом бросил в бой те танки,

которые ему не жалко. «Четверки», «тройки» и «двойки» приготовят для последующих атак, которые случатся после того, как «чехи» вскроют расположение переднего края нашей обороны.

С нашей стороны эта оборона состоит из ста сорока четырех устаревших танков Т-26 из состава 108-й дивизии, которые закопаны в землю и выгнаны в нитку вдоль рубежа обороны мотострелкового полка РККА, играя роль обычных противотанковых сорокопятаков. Ну, скажем, не совсем обычных. Если бы вместо устаревших танков оборону мотострелкового полка поддерживало эквивалентное количество противотанковых пушек того же калибра, то после того артобстрела мы бы имели потери в расчетах как минимум в четверть личного состава, а так наводчиков, командиров и заряжающих защитила какая-никакая, но броня. Ну и количество противотанковых артиллерийских стволов, сосредоточенных в полосе обороны мотострелкового полка, буквально зашкаливает. Такого количества штатных 45-мм противотанковых орудий хватило бы, чтобы укомплектовать противотанковой артиллерией двенадцать дивизий.

Еще тридцать Т-34 и одиннадцать КВ-1 сведены в отдельный танковый батальон и составляют резерв командира дивизии полковника Иванова. Если этого резерва командира дивизии оказалось бы недостаточно, на подхвате находятся еще двадцать пять Т-72БЗ из состава двух наших батальонных тактических групп. Дополнительно подступы к нашим позициям простреливает наша противотанковая батарея — два огневых взвода по три «Рапиры», и два огневых взвода по три самоходных ГТГРК «Штурм-С». Кроме этого, также нас поддерживают артиллерийский дивизион нашего полка, укомплектованный восемнадцатью самоходными гаубицами МСТА-С и три легких артиллерийских артполка РККА, по двадцать четыре 76-мм пушки Ф-22 УСВ в каждом. Есть еще зенитный дивизион с «Тунгусками» и ПЗРК, но без вражеской авиации, которая старается не залетать в сферу нашей ответственности, он пока вне игры.

Так вот, промывание мозгов немецкой пехоте начали как раз ЛАПы РККА, открывшие ураганный огонь трехдюймовыми шрапнельными снарядами французского производства, которые были выпущены еще в шестнадцатом году. Такой «гуманитарной помощи» поступившей из Франции в конце первой мировой войны, на складах, оказывается, еще много, это богатство не смогли растратить ни на полях Первой Мировой, ни в Гражданскую, ни на учениях между войнами, ни на испытательных полигонах, когда выковывали артиллерийский меч страны. Правда, штатно срабатывают только три шрапнели из четырех, да и для такой стрельбы

нужен особый навык (больше завязанный на интуиции, чем на расчете), но все равно воздействие низких шрапнельных разрывов на бредущие за танками пехотные цепи получилось просто феерическим. Недаром же в первую мировую шрапнельный обстрел назывался «косой смерти». По открыто атакующей пехоте шрапнель действует гораздо эффективнее осколочных снарядов. Дела не портили даже отдельные преждевременные разрывы на высоте и «клевки», то есть разрывы снарядов на грунте из-за запаздывания срабатывания трубки. В бинокль было хорошо видно, как низко вспухающие белые облачка выкашивают густые цепи немецкой пехоты и как тела в фельдграу плотно устилают собой поросшую высокой зеленой травой луговину.

Вражеская артиллерия, конечно же, не стерпела такого избиения своей пехоты, и, по данным звукометрической разведки, попыталась подавить ведущие огонь советские батареи. Осмелели, блин, фуцны! В ответ, по данным «Зоопарка»^[36], по позициям германской артиллерии открыл огонь уже наш самоходный гаубичный дивизион и очень быстро добился успеха.

Тем временем танковая атака тоже была отбита. Напоровшись на обстрел со стороны замаскированных и окопанных советских танков, немецкие танкисты на чешских танках понесли потери и отступили несолоно хлебавши. Наверняка тому, кто послал их в эту атаку, стало ясно, что тут укрепился не батальон и даже не полк, а никак не меньше дивизии, следовательно, парадным маршем через наши боевые порядки не пройти. Но, видимо, у немцев имелся приказ, в котором было написано «любой ценой», потому что они от нас не отстали. До темноты, правда, случилась всего одна атака, но подготовлена она была значительно серьезнее. Покидая лес, германские танки выстраивались клином, как псы-рыцари, и на острие их атаки шли уже не тонкошкурные «чехи», а тяжелые и солидные Т-IV с их фирменными пушками-окурками. Причем на самых уязвимых местах лобовой проекции (фронтальная, блин, самодеятельность) для увеличения защиты имелись наваренные запасные траки. Примерно полсотни «чехов» шли за этим тяжелым тараном во второй линии, вперемешку с рассредоточенными по глубине короткими пехотными цепями. Смотришь, и душа радуется — серьезно люди подошли к делу, шрапнелью по таким уже не поработаешь, потому что не в коня будет корм.

Советская легкая артиллерия открыла по атакующим редкий методический огонь, но принудить пьяную германскую пехоту к отступлению не смогла. У танкистов на Т-26-х дело с атакующими Т-IV тоже не заладилось. Ну не берет сорокопятка немца в усиленную лобовую проекцию, только разве что метров со ста, то есть совсем в упор. И в

огневой мешок перед мостом немцы тоже не полезли, видимо, для начала решив подавить сопротивление окопанных танков в излучине речки, чтобы потом не получать снаряды в борт. В принципе, все это было немцами уже многократно отработано, только плотность боевых порядков окопавшихся советских танкистов в разы превышала все им привычное.

Несколько Т-26-х уже горели, пораженные в башню, когда приказ вступить в игру и приструнить негодяев получили «Рапиры» нашей противотанковой батареи. Вот тут у немчиков случился нечаянный шок и трепет, ведь когда крепколобые Т-IV один за другим начинают взрываться, разбрасывая потроха по окрестностям, сразу становится понятно, что за «сюрприз» скрывается за личиной «по-умному» севшей в оборону танковой дивизии РККА. Кстати, к тому времени, когда «Рапиры» открыли огонь, одна немецкая «четверка» даже дошла до берега Прони в вершине излучины и попыталась форсировать речку вброд, в результате чего тут же, у самого уреза воды, увязнув по самую башню. В результате остаток боя выродился в беспорядочное отступление атакующих и наши проводы этой подгулявшей компании.

Ночь прошла относительно спокойно; немцы изо всех сил искали возможность хоть где-то, хоть как-то форсировать речку, чтобы зайти во фланг нашим позициям. Они даже нашли лесную просеку, которая вела к броду километрах в шести-семи выше по течению, и отправили туда моторизованный отряд из нескольких танков и грузовиков с пехотой, а также 150-мм пехотными пушками на буксире, которых у них в каждом пехотном полку было по две штуки. Но генерал Ермаков во избежание негативных нюансов разослал по флангам кавалерийские разъезды в охранение. И вооружены эти кавалеристы были не только шашками и карабинами «Мосина» с ручными гранатами, но и полученными с нашей стороны пулеметами ПК, а также гранатометами РПГ-7Б и «мухами», у которых на складах выходил срок хранения. Короче, немецкий мотобронеотряд, который, как и положено настоящим героям, пошел в обход, на этом обходе напоролся на классическую ночную гранатометную засаду. По крайней мере, грузовик со снарядами для тяжелых пехотных пушек шваркнул очень громко — грохот взрыва был слышен по всей округе.

Больше немцы так не экспериментировали, а с рассветом начали одну длинную лобовую пехотную атаку наших позиций. Видимо, солдат в распоряжении немецкого генерала, который командовал этой бойней, было много, а вот техника уже подзакончилась. Одним словом, немецкие цепи волна за волной упорно пытались преодолеть заколдованное расстояние в

два километра от опушки леса до моста; наши их убивали, а они все шли и шли. Наверное, немецкий генерал надеялся, что у нас заклинит перегревшиеся пулеметы или банально кончатся патроны. Но его надежда была тщетной, поскольку время от времени первая линия окопов, в которой сидели бойцы РККА, замолкала, и в дело вступала вторая линия — то есть мы, российские мотострелки. А наши предки у себя в окопах тем временем подносили боеприпасы, а также охлаждали, чистили и смазывали оружие, которому вскоре предстояла новая работа. Время от времени, когда немецкая пехота группировалась для атаки слишком уж внаглую, по опушке леса открывала огонь советская артиллерия. Их немецкие коллеги при этом не возражали, потому что знали, чем это для них кончится.

При этом многие немецкие солдаты, понимая, что при попытке прорваться к мосту через огневой мешок им будет полный полярный лис, пытались форсировать речку у вершины излучины, благо там наши набили множество немецких танков, и была возможность, прячась за их корпусами, почти безопасно подойти к берегу. Но те, кому это удалось, вязли в иле и трясине, как мухи в патоке, и тут же гибли, попадая под пулеметные очереди советских мотострелков, засевших в окопах по ту сторону речки. При этом немецкие танки, по крайней мере, Т-1V, пытались поддерживать свою пехоту, ведя огонь по нашим позициям от опушки леса, но «Рапиры» быстро прогнали их и оттуда, популярно объяснив, что дальность выстрела бронебойным подкалиберным снарядом у них до пяти километров, и в дуэли с ними лучше не тягаться.

И вот после почти полного светового дня такой бойни, застелившей некогда зеленый луг ковром из тел, одетых в пехотное фельдграу, с вкраплением черных комбезов немецких танкистов, уже на закате все закончилось. Немцы, только что неистово атаковавшие, стали так же стремительно отступать, а у нас уже не было сил, чтобы их преследовать. Мы победили и враг не прошел, а это главное.

9 мая 2018 года. 14:15. Брянская область, райцентр Унеча.

Патриотическая журналистка Марина Андреевна Максимова, внештатный корреспондент «Красной Звезды».

Сегодня моей подруге Варваре сообщили, что ее прошение о приеме в российское гражданство, подкрепленное ходатайством командования экспедиционных сил, рассмотрено в самом положительном ключе и полковник Семенцов лично в присутствии коллег торжественно с рукопожатием и благодарственными словами вручил ей документ, разрешающий временное проживание на территории Российской Федерации, добавив, что и гражданство тоже не за горами, месяца два, и

документы пройдут по всем инстанциям. В принципе, ее случай прозрачен, как бриллиант чистой воды. Русская, родилась и всю жизнь проживала на территории, которая сейчас является территорией Российской Федерации — следовательно, российский паспорт без ограничения права проживания в тех или иных регионах вынь да положи на стол.

Естественно, Варвара так обрадовалась этому событию, что не могла дожидаться, пока я вернусь из очередной своей журналистской вылазки, чтобы сообщить эту новость — то и дело она выбегала на крыльцо и всматривалась вдаль. Когда я постучала, она, открыв дверь, тут же кинулась мне на шею с радостными криками:

— Я получила разрешение! Ура! — И она, радостно напевая, принялась со мной вальсировать, увлекая меня вглубь дома.

Я тоже была рада тому, что Варенька наконец-то получила возможность сходить «на ту сторону». Давно я мечтала «выгулять» ее в XXI век... Приятно будет совершить с ней прогулку по современному городу, уделив особое внимание малазинам. Магазины подразумевались не только в том плане, что Варя сможет приобрести себе кое-что из товаров будущего, которые не завозились в местный «военторг», но и плане того, что я буду иметь возможность наблюдать за ее реакцией на наши российские реалии. Это, несомненно, будет крайне интересно. В связи с предстоящим мероприятием я подумала, что наша совместная прогулка в близлежащий к порталу город, райцентр Унечу — это как раз то, что надо для начала. Огромный шумный мегаполис мог подействовать ошеломляюще на психику непривычного человека, а вот относительно тихий районный центр с населением в двадцать три тысячи человек — пожалуй, оптимальный вариант для первичного ознакомления с XXI веком...

Честно сказать, такой возбужденной я Варюшку еще не видела. Она металась от шкафа к трюмо и обратно, роняла на пол шпильки, расчески, спотыкалась о коврики.

— Марин! А как одеться? — Вижу ее выглядывающей из-за дверцы шкафа. — Не хочу опозориться... Что надеть-то, а? — В голосе ее слышалась паника.

Прелестное зрелище — Варвара в неглиже, с растрепанными волосами, роется в шкафу... Летит барахло, хозяйка сопровождает свои действия пыхтением и ворчанием, то и дело выглядывая и прикладывая к себе какой-нибудь текстильный раритет: «Может, это? А? Нет, не годится...» — и мучения продолжаются. Вечные женские мучения на тему «Что надеть?»... Но в данном случае они небезосновательны —

естественно, в прикиде «а-ля сороковые» на Вареньку будут пялиться все кому не лень, и наверняка очень скоро она соберет вокруг себя толпу любопытных, которые будут тыкать на нее пальцем и шептаться: «Эта телка оттуда!». Ведь я точно знаю, что в Унече только и разговоров, что про этот самый портал и окружающую его запретную зону за высоким пятиметровым сборным металлическим забором. Слухи, сплетни, байки, легенды — городишко, оказавшийся почти в эпицентре событий, уже успел увековечить происшествие в своем фольклоре. И интерес к теме не остывает.

— Послушай, подруга... — говорю я наконец, — брось это глупое занятие. Твоя одежда все равно не подойдет для того, чтобы отправиться в ней на ту сторону.

— Да? — Варвара застыла с каким-то дурацким жакетом в руках. — Ой, и правда... Я не подумала... У вас-то по-другому одеваются... Я, вероятно, буду выглядеть смешно... Да и приметно... Как же быть-то? — Тревога в ее голосе нарастала.

— Ну, для начала давай-ка запихивай быстрее свои наряды обратно, — сказала я, — а я пока сбегая к себе и принесу что-нибудь подходящее...

— А удобно ли... — начала было моя подруга, но я, отмахнувшись от нее, решительно направилась к двери. Неудобно только штаны через голову надевать, да спать на потолке, потому что одеяло все время будет падать.

Когда я вернулась, в комнате Вареньки присутствовала и ее мать. Она раздумянилась от радостного волнения за дочь и занималась тем, что давала той ценные советы касательно предстоящей экскурсии, типа «держись за Мариночку», «соблюдай приличия — не показывай пальцем и громко не разговаривай», ну и тому подобное.

— Переодевайся! — сказала я и кинула подруге сверток. В нем было платье, как раз по сезону. Мне оно не особо нравилось. Я купила его полгода назад на какой-то распродаже, соблазнившись низкой ценой, и с тех пор надевала очень редко, предпочитая джинсы.

— Давай, давай, без разговоров! — подбодрила я подругу, видя, что она в силу своей чопорности не решается надеть чужое.

Через пару секунд Варвара вышла из-за шкафа, облаченная в голубое платье свободного покроя. Я удовлетворенно хмыкнула — так и знала, что оно ей будет к лицу. Да и фасончик такой скромненький, что никаких возражений не вызвал. Крутятся перед зеркалом, Варенька, судя по ее улыбке, заценила свой прикид в положительную сторону.

— Очень красиво! — сказала она, сияя. — Хоть и необычно как-то... Ну что, отправляемся?

— Ээ... подожди... — остановила я ее. — Твои волосы...

— А что с ними не так? — она прикоснулась рукой к своей прическе.

— Не годится, Варя... — Я покачала головой.

— Ой, а что же делать? — В ее голосе слышалось огорчение, граничащее с отчаянием.

— Садись, я причешу тебя.

Варя покорно села перед трюмо. Ее мама с любопытством смотрела, что я буду делать.

Я вынула из Вариных чуть выющихся волос все шпильки и причесала их по длине. Затем слегка начесала корни на макушке и уложила отросшую челку наискось лба. Вот и все. Прелесть! Пять минут — и современная прическа на волосы средней длины готова. Благо волосы у Вари густые и послушные, как говорит моя парикмахерша — «конкурсные» (у меня у самой-то волосенки так себе, и потому я обычно забираю их в хвост).

— Это все? — спросила Варвара, с недоверием глядя то на меня, то на свое отражение в зеркале.

— Все! — подтвердила я.

— Эмм... ээ... — только и пробормотала Варя, осторожно поправляя прядь и косясь на мою прическу — я ради праздника сегодня волосы слегка накрутила плойкой и распустила по плечам. Ну, словом, мы с Варей смотрелись, как две сестры — блондинка и русая.

Обувь Варваре тоже пришлось одолжить. У нее, правда, размер поменьше (хорошо, что ненамного). Я принесла ей свои туфли, которые надевала очень редко — бежевые, на небольшом каблучке. Проблему размера решили старым способом, не менявшимся, наверное, на протяжении веков — при помощи напиханной в носки туфель ваты. Мне же туфли не понадобились — я, как и обычно, была в джинсах и кроссовках, и только кофточку поярче сегодня надела — ярко-зеленую.

— А теперь я сделаю тебе макияж... — сказала я намеренно интригующим тоном.

— Что? — переспросила Варя, хлопая ресницами, на которые так и просилась тушь.

— Давай накрашу тебя, говорю! — ответила я не терпящим возражением тоном, который, конечно же, возымел эффект — подруга лишь кивнула и подставила мне лицо.

Воспользовавшись своим арсеналом, я принялась за дело. Вообще-то сама я не слишком часто пользовалась косметикой — точнее, пользовалась ею крайне умеренно. Ну что ж поделаешь, если девушка без грамма косметики в нашем мире приравнивается к деревенщине... А так, будь моя

воля — я бы пользовалась только антиперспирантами и депиляторами... ну и пудрой чуть-чуть.

Словом, за десять минут я сотворила из Варвары красотку, которая в нашем мире имела все шансы на успех даже у искушенных мужчин. Просто поразительно, как мне это удалось — не иначе, как мной руководило вдохновение. Не зря, ох не зря я иногда навещала свою подругу-визажиста, к которой клиентки частенько приходили на дом. Лицо Варвары, после того как я над ним поработала, не выглядело накрашенным — просто оно удивительным образом похорошело. Даже мать Варвары, прижав ладонь к щеке, с улыбкой вымолвила: «Мариночка, да вы кудесница!» А сама Варенька, поморгав перед зеркалом ресницами, ставшими вдруг длинными и пушистыми, просияла лучезарной улыбкой и кинулась меня обнимать.

Итак, через полчаса мы, предъявив на КПП хмурому сержанту-пограничнику все положенные документы, уже ехали на машине сквозь облако межвременного портала. Варя, расплющивая нос о стекло, всматривалась в окружающий нас темный сумрак, и чувствовалось, что ей немного не по себе. Она еле слышно вздохнула, когда мы выбрались на свет божий. В сорок первом году было десять часов вечера и давно стемнело, а тут, у нас, было примерно полвторого дня. Для непривычного к таким вещам человека это тоже своего рода шок. Вот и Варвара с жадностью вертела головой во все стороны, но, похоже, была малость разочарована — пейзаж вокруг ничем не отличался от такового в ее мире, только была весна, а не осень, и лес не готовился одеться в лимонные и багровые наряды прощального великолепия, а радостно зеленел молодой листвой. Тем не менее Варя не задавала мне никаких вопросов, будучи поглощена в собственные раздумья.

Между прочим, я обратила внимание, что наш героический шофер Вася (я писала об этой истории) внимательно разглядывает Варвару в зеркало. О, этот взгляд! Наблюдая за человеком со стороны в то время, когда он поглощен созерцанием другого человека, всегда можно с большой долей уверенности сказать, что он чувствует к этому самому человеку. Так вот — Васины глаза горели огнем мужского интереса. Этот парень, как я заметила, вообще проявлял к миру сорок первого года активный интерес; и вот теперь ему выдался случай везти на своей машине из одного мира в другой симпатичную советскую даму. А уж Варя и вправду была сегодня особенно хороша. Прическа и одежда двадцать первого века в сочетании с ее природной, не напускной скромностью, придавали ей некую изюминку. На ее щечках играл румянец, а глазки блестели от возбуждения. То и дело

она машинально принималась теребить ворот платья, и это получалось у нее очень мило; уверена, что мои современницы, все жесты и движения которых выверены и обдуманы, не смогли бы так. Варвара — чистое, прелестное дитя эпохи Великой Отечественной... Я украдкой наблюдала за ней и думала, что как бы было прекрасно, если бы мои современницы походили на нее... Было бы здорово, если бы не было всех этих кошмарных накачанных губ, огромных силиконовых бюстов и яркого аляповатого макияжа...

Только сейчас, при взгляде на мою подругу из прошлого, мне в голову пришли эти мысли. И какое-то сожаление и легкая грусть завладели моим сердцем. Да мне самой хотелось бы почувствовать себя так, как она, как все эти женщины и девушки той эпохи... Для которых секс был таинством, скромность — достоинством, а честность и благородство — важнейшими качествами, без которых и человек-то не мог считаться человеком. Но, увы — мне этого не дано, и ощущение некоторой неполноценности вдруг явственно заскребло где-то глубоко в душе. Рядом с Варей в этот момент я вдруг ощутила всю ущербность нашего постсоветского бытия. Ощутила весь этот тлен и распад, который пришел на место идеологии и высоким идеалам мира, равенства, братства, всеобщей справедливости и искренней любви к ближнему.

И вместе с тем я подумала — что будет, если Варя увидит всю нашу шокирующую действительность? Справится ли ее психика с таким потрясением? Я смотрела на нее, прижимающую к стеклу свой курносый нос, и во мне нарастало неведомое доселе чувство — мне хотелось защитить свою милую подругу от ужасов нашего мира; она казалась мне наивным ребенком с широко распахнутыми доверчивыми глазами... И в то же время была в ней некая недостижимая сила. Сила, что живет во всех советских людях той эпохи; сила, проистекающая из осознания праведности своего пути и сопричастности к великой стране, вершащей великие дела... Это — как раз то, что отсутствует в нас, выросших на постсоветском пространстве, но что хранится где-то в пыльных чердаках нашего общественного сознания; отголоски, тени былого величия... Правда, Варя, в силу своего происхождения, относится к коммунистической идее несколько скептически, но никакие силы ада не заставят ее предать свою страну и свой народ.

Когда мы стали подъезжать к Унече, Варвара оживилась. Ее внимание привлекало все — придорожные постройки, указатели, рекламные щиты. Она молчала и сосредоточенно о чем-то размышляла; иногда ее губы начинали шевелиться. В глазах шофера Васи наблюдалась уже совершенно

нескрываемая симпатия. Но Варя не замечала его интерес. Шофера для нее вообще не существовало — все ее внимание поглотил этот, впервые увиденный ею, мир будущего...

Мы уже ехали по городу. Славный городишко — маленький, уютный, но с очень развитой инфраструктурой. И неудивительно — именно через этот город проходит железная дорога Брянск-Гомель-Бобруйск-Минск. По ней поезда дальнего следования из центральных регионов России идут в столицу Белоруссии и далее, к границе Европы и бывшего СССР в Бресте, а потом, следовательно, обратно. А значит, тут и туристы, и жители окрестностей и прочие дачники (как мой эус-бойфренд Максик Тимофейцев), пересекаются с поездов на междугородние автобусы, разъезжаясь по окрестностям. Не зря же железнодорожный и автовокзалы прямо напротив друг друга, стоит только площадь перейти.

В основном Варвара молчала; при этом мне было понятно, что делала она это из приличия, а если бы дала себе волю, то рот бы у нее не закрывался, как у провинциалки, впервые посетившей мегаполис — вопросы и восклицания так бы и сыпались. Ее привлекало все — рекламные щиты, яркие тенты у кафешек, огромные стеклянные витрины магазинов и мебельных салонов, а также заманчивые вывески с необычными для нее названиями. Это у них там, в Советском Союзе, с названиями магазинов не заморачивались: «Универсам», «Хозмаг», «Галантерея», «Детский мир» и так далее. Ну а тут — рыночная экономика, понимаешь, и каждый изощрается как может...

Радовало глаз праздничное украшение на улицах — повсюду поздравительные баннеры, георгиевские ленты и изображения brave советского, а иногда и российского, солдата в стиле Георгия Победоносца, попирающего шею издохшему гитлеровскому дракону с приметными усиками.

Несмотря на жгучее любопытство и желание расспрашивать обо всем, что видят ее глаза, Варя старалась вести себя прилично. Что ж, посмотрим, надолго ли хватит ее выдержки. Я бы на ее месте, честное слово, плюнула бы на приличия. Попасть в будущее! Да ведь тут сам Бог велел ахать и всему поражаться.

Я думала, куда бы заехать первым делом. Собственно, я не хотела растягивать нашу прогулку надолго, и тому было несколько причин — во-первых, слишком много впечатлений (пусть даже и приятных) вредно любому человеку, а уж непривычному к современному ритму жизни — тем более. Во-вторых, по возвращении нам все же следовало выспаться — как-никак с утра нам на службу. Ну и, конечно же, я остановилась на мысли, к

которой склонялась и ранее — посетить с Варварой торговый центр. Это был оптимальный вариант — где, как не в универсальном магазине, можно увидеть множество самых разных людей? Ведь наверняка Вареньке в первую очередь интересны именно люди. Ну и потом — из какого бы века или эпохи ни происходила женщина, в ее душе всегда живет неистребимая страсть к шопингу... Словом, я уже предвкушала удовольствие от предстоящих покупок. В моем кошельке лежала пластиковая карточка с начисленной зарплатой, и у Варвары была такая же (во время сборов я напредила, чтобы она не забыла взять ее с собой). Мне постоянно приходилось напоминать самой себе об ответственности — кто знает, вдруг сейчас Варя, увидав такое обилие товаров, кинется покупать все подряд... У нее-то нет иммунитета к уловкам хитрых маркетологов, как, например, у меня. Так что придется за ней приглядывать в оба...

И вот Вася изящно припарковался возле торгового центра. Мы с Варварой вышли. Вася остался в машине — согласно директивам, ему было не положено оставлять транспортное средство. И тут началось... Моя подруга шла медленно, пытаясь разглядеть все, что попадалось на ее пути; она втягивала носом воздух, словно он был здесь иным, нежели в ее мире. То и дело, замедлив шаг, наморщив лоб и сощурившись, она читала вывески и рекламу. На входе в магазин ее поразила стеклянная дверь, открывающаяся в обе стороны — она задержалась, разглядывая ее. А уж когда мы попали внутрь... Варя как бы невзначай взяла меня за локоток — было ощущение, что у нее вдруг закружилась голова. Что ж, этого вполне можно было ожидать — ведь внутри ее ждало нечто феерическое, из области фантастических снов. Бутики, витрины, блеск, приятные запахи, тихая музыка... Для нас это давно стало привычным, но бедная Варвара просто растерялась. Она вертела головой по сторонам и при этом нервно мяла руками маленькую кожаную сумочку, которую я ей одолжила ради нашего мероприятия. В глазах окружающих она выглядела по меньшей мере странно. Хорошо, что в наш век люди не обращают особого внимания на чужие чудачества. Народ, проходя мимо, довольно равнодушно скользил по Варваре взглядом и спешил дальше по своим делам.

Глядя на подругу, я подумала, что, может, ей не стоило начинать знакомство с нашим миром с торгового центра. Наверное, имело смысл просто прогуляться с ней пешком по улицам, сопровождая прогулку рассказом о реалиях современного города. Я немного досадовала на себя, осознавая при этом, что в моем решении посетить торговый центр крылся в некоторой степени эгоистический интерес — я так давно не посещала подобные места! И вот убедила себя, что Варваре это будет интересно.

А теперь приходится с тревогой за ней наблюдать, чтобы избежать курьезов. Но где наша не пропадала! Поворачивать на выход все равно уже поздно, да и ни к чему — пришли, значит, будем развлекаться! Не дикарка же Варя в конце-то концов, а образованный человек, и к тому же дворянка — а значит, должна понимать, что такое выдержка, самоконтроль и уместное поведение...

Немного поразмыслив, я предложила сразу посетить отдел, где продают одежду. Варя кивнула, продолжая крепко держать меня за локоток, но при этом вертя головой во все стороны.

И вот случился первый курьез... Я никак не предполагала, что подруга может побояться воспользоваться эскалатором — для меня-то он был совершенно обыденной вещью. Когда мы к нему приблизились, до Вари дошло, что сейчас и нам предстоит, подобно другим посетителям торгового центра, встать на эту движущуюся лестницу, чтобы попасть наверх. И она застыла как вкопанная и затряслась мелкой дрожью. Я, уже занесшая ногу, вынуждена была шагнуть назад, чем вызвала недовольные взгляды людей, желающих попасть на второй этаж.

— Марина... — громким шепотом произнесла Варвара, — я боюсь... — При этом она не отрывала замороженного взгляда от того места, где прямо из пола одна за другой появлялись металлические ступеньки.

Мы отошли чуть вбок от эскалатора, и там я принялась убеждать ее, что ездить на такой лестнице совсем не страшно, а, наоборот, очень удобно и прикольно.

— Я верю, — произнесла она, — но все равно, Марин... я боюсь...

— Не бойся! Шагай вместе со мной — и все! — весело сказала я.

— Хорошо, — вздохнула она.

Теперь уже мне пришлось придерживать ее за локоток. «Раз-два-три...» — тихо сказала я, и мы вместе шагнули на эскалатор... Итак, старт прошел благополучно, если не считать легкого взвизга Варвары и ее рук, вцепившихся в меня мертвой хваткой. Я глянула на нее — в ее глазах стояло выражение, как человека, совершающего первый в жизни полет на парашуте — одновременно ужас и восторг. Люди поглядывали на нее с недоуменно-снисходительными улыбками.

Но Варя не подумала о том, что нам придется еще и сходить с эскалатора. Когда она увидела, как металлические ступени разглаживаются и уходят в пол, она аж побледнела. «Все нормально. Не бойся, — тихо сказала я ей, — в точности повторяй за мной — и все будет хорошо...»

Ну и вправду все прошло хорошо. За исключением еще одного взвизга и гигантского прыжка далеко вперед от края эскалатора. Люди улыбались,

наблюдая эту картину, думая, очевидно, что это приехала гостя из далекой тундры (так как даже жителям деревни, иногда выезжающим в город, движущаяся лестница не была в диковинку).

И вот, преодолев это непредвиденное испытание, мы оказались среди разнообразия текстильной промышленности, зарубежной и отечественной. Вот оно — знакомое чувство азарта и головокружительного удовольствия... Я еле сдерживаюсь, чтобы не кинуться примерять вещи, помня о том, что со мной Варя. Она же ведет себя на удивление равнодушно.

— Ну что, выбирай себе что-нибудь! — пытаюсь я ее подбодрить.

Она неохотно подходит к вешалкам, перебирает висящее на них... Обращается ко мне, вздыхает, тихо произносит:

— Мне ничего не нравится... Какое-то все нелепое...

Я в удивлении. Пытаюсь посмотреть на современную одежду ее глазами. Что ж, вполне может быть, что все это кажется ей ужасным, а может, и неприличным. И тут же про себя вздыхаю с облегчением — значит, я не буду вынуждена отговаривать подругу от спонтанных покупок. Более того, похоже на то, что еще придется ее уговаривать что-нибудь купить, ведь теперь ей нужен приличный современный гардероб, если она собирается посещать будущее время от времени...

Я ей так прямо и говорю. С трудом нам удастся подобрать ей несколько вещей — пара платьев, брючный костюм, юбка, три блузки, туфли, кроссовки, джинсы (вот против них она не возражала, видимо, уже привыкла, видя на мне подобное). Ну и я себе кое-что прикупила — новые джинсы, шорты, сарафанчик в отделе скидок и босоножки.

Но вот в отделе нижнего белья я наконец-то увидела в глазах своей подруги хищный блеск... Она заворожено рассматривала выложенный товар, благоговейно прикасаясь к нему кончиками пальцев и краснея при этом самым прелестным образом. Трусики, бюстгалтеры, пеньюары... А вот я, странное дело, была ко всему этому почти равнодушна, хотя и старалась, конечно, покупать все самое лучшее и сексуальное. Ах, Варенька — да ты проказница, однако...

— Можно... мне вот это? — подняв на меня глаза, голосом отличницы, просящей у родителей купить крутой телефон, произнесла она.

— Ну конечно, Варя! — Я всплеснула руками, обрадовавшись ее оживлению. — Что ты у меня-то спрашиваешь? Покупай все, что хочешь — ты честно заработала свои деньги!

Вскоре мы, нагруженные пакетами, спустились на первый этаж. Эскалатор уже не вызывал у Варвары такую бурю эмоций, хоть и пользовалась она им с опаской — со стороны, наверное, казалось, что она

просто немного неуклюжа. А внизу был супермаркет... Видя, что Варвару переполняет чувство глубокого удовлетворения от удачных покупок, я решила, что вреда не будет, если мы еще прибарахлимся какими-нибудь мелочами, вроде шампуня или лака для волос. Собственно, ходя со мной вдоль полок, Варя вела себя довольно спокойно, лишь изредка мне на ухо задавая какие-нибудь вопросы, например: «А что такое кетчуп? А как понять — три в одном? А лошадиная сила — это что, шампунь для лошадей?» Вообще она меня несколько удивила. Я-то ожидала, что подруга кинется сметать с полок все подряд, но она отнеслась к предлагаемым товарам весьма настороженно, с долей скепсиса. Впрочем, перед кондитерской витриной она застыла, раскрыв рот. Ну да, в подсвеченной витрине все эти торты и пирожные выглядели очень заманчиво, но я-то знала, что при их выпечке активно используются разные искусственные добавки. Впрочем, отговаривать сладкоежку Варю от покупки торта я не стала. Мы выбрали самый красивый, и вдобавок взяли еще конфет и печенья разных видов. Ну и еще много чего «по мелочи»... Словом, когда мы гордо рассчитывались на кассе своими новенькими карточками, победоносно переглядываясь между собой, у каждой из нас

Кстати, Варино внимание очень привлекали молодые люди с пирсингом. Она, не в силах удержаться, пялилась на них с откровенным интересом и долго смотрела вслед. Мои объяснения по этому поводу, что это такая мода, ее разум воспринимать отказывался. А увидев ярко накрашенную девушку с ботоксными губами, пирсингом в носу, в брови и на подбородке, у которой к тому же голова была чуть ли не наголо выбрита с одной стороны (а с другой волосы свисали ниже груди), Варя, побледнев, прошептала мне: «Она больна?!». На что я, фыркнув, ответила: «Разве что дурью!». Еще мы встретили компанию так называемых «готов» — это были четыре девушки с белыми лицами, густо обведенными глазами, с губами, накрашенными темной помадой. У двух из них в волосах были синие и фиолетовые пряди. Варя поначалу решила, что это актрисы, снимающиеся в страшном фильме и зашедшие в магазин во время перерыва. Но я сказала, что это не так, и добавила, что при помощи такого внешнего вида они самовыражаются, то есть демонстрируют обществу свои взгляды. Кажется, она мне не очень поверила. Еще ее очень привлекали женщины с креативными стрижками. Она провожала их глазами, машинально прикасаясь к своим волосам, при этом, очевидно, думая: «Как можно было сотворить такое со своей головой?!» Впрочем, вполне возможно, что я ошибаюсь, и на самом деле Варвара прикидывала, а не подстричься ли ей на такой же манер...

Однако в конце концов наш шопинг подошел к концу. Покинув торговый центр и усевшись в машину, мы дружно вздохнули и, вновь обменявшись взглядами, рассмеялись довольным смехом счастливых женщин. Варя все свои пакеты держала в руках, не дав Васе положить их в багажник. Ей нравилось шуршать ими и время от времени заглядывать внутрь, перебирая содержимое. Машина плавно тронулась.

— Ну что, как пошопили? — решил Вася проявить любезность.

Но Варваре послышалось неприличное слово (я старалась не употреблять при ней жаргонных словечек), и она, застыв, воззрилась на парня.

— Что вы сказали? — спросила она таким тоном, что Вася удивился и насторожился, так как в голосе девушки слышалась надвигающаяся буря.

— Как, говорю, шопингом позанимались? — простодушно повторил Вася.

Почему-то я решила промолчать — из какого-то озорства мне хотелось понаблюдать, что последует дальше.

— Вы сказали... «жопингом»? — не могла поверить Варвара своим ушам.

— Эээ... — завис мозг у Васи. Повисло напряженное молчание, и вдруг он громко расхохотался. — Нет, я сказал «Шопингом»! Шэ в начале, не Жэ! Это такое слово современное, означает покупки... Марина Андреевна, разве вы ей не объяснили? — он продолжал смеяться.

— Василий, я стараюсь не употреблять жаргонизмов иностранного происхождения... — чуть паясничая, ответила я. — Я вообще за чистоту русского

В конечном итоге юмор дошел и до Варвары. Дальше мы ехали, совершенно непринужденно общаясь втроем. Вася оказался остроумным собеседником. Всю дорогу мы смеялись над его шутками и анекдотами. Давно я так весело не проводила время — главное, что без капли алкоголя...

Доехали мы без всяких происшествий. Уже к концу пути я почувствовала, как устала. У Варвары тоже слипались глаза... Но мы были счастливы. Вася тоже был вполне счастлив и, если меня не подводит мой опытный глаз, у этих двоих явно что-то наклеывается... Что ж, поживем — увидим, а пока в постельку и спать...

8 сентября 1941 года. 03:15. Брянская область, райцентр Сураж.

Учительница немецкого языка, переводчик и дворянка Варвара Ивановна Истрицкая.

Вернулась я домой далеко за полночь (по нашему времени). Высадив

Марину у штаба, Василий был настолько любезен, что подвез меня до моего дома. Вася остановил у околицы, не доезжая до ворот. В окошках горел свет — мама не спала. Ждала меня... Мне хотелось поскорей зайти, чтобы рассказать ей об увиденном мной в двадцать первом веке, но в то же время я почему-то не торопилась. Все произошедшее со мной сегодня все еще жило во мне, мыслями я была там, в будущем, и мне нужно было хоть немного «остыгть». Оно, это будущее, безусловно, завораживало. Пока еще я даже не могла определиться со своим отношением к нему... Наверное, для этого мне надо было выспаться, чтобы утром, на свежую голову, проанализировать свои впечатления. Но одно было однозначно — наша с Мариной поездка мне понравилась. Мне казалось, что теперь, после того как я вдохнула воздух будущего, я и сама стала меняться. Опять же трудно было сказать — к добру это или нет. Но оно, это сияющее, яркое, дерзкое будущее, пахнущее кофе и горькими духами, кожей и ванилью, уже насквозь пропитало меня, словно сказка, запавшая в душу. Мой мир показался мне серым и тусклым...

Василий тоже молчал. Только что, когда с нами была Марина, он был весел, оживлен и блистал остроумием. Но теперь он будто бы смущался чего-то. Он барабанил пальцами по рулю и бросал на меня быстрые взгляды в зеркало — в темноте я видела лишь блеск его глаз. Я подумала, что, наверное, не стоит сидеть с ним в машине долго — во-первых, это было не совсем прилично, а потом, он и сам может неверно это истолковать. Хотя... он ведь тоже «оттуда». Я уже успела понять, что у «тех» людей отсутствуют условности, свойственные нашему времени — особенно в том, что касается мужчин и женщин. Трудно сказать, хорошо это или плохо, но склоняюсь к первому. Поэтому, заставив себя наплевать на приличия, я продолжала сидеть в машине. При этом мне казалось, что Василий понимает меня правильно. В его обществе мне было уютно — исходила от него некая надежная сила, веяло от него порядочностью и честностью. И, кроме того, он был привлекателен — почему-то я заметила это только на обратном пути. Своей статью, широкими плечами и благородным лицом с массивным подбородком он напоминал Владимира Маяковского.

Василий первый нарушил молчание.

— Ну и как, Варвара, понравилось вам у нас? — спросил он.

— Да, — ответила я. — Очень понравилось. Красиво, интересно, люди выглядят так необычно...

— Эх, а мне больше здесь, у вас, нравится, — со вздохом сказал Василий, слегка потягиваясь. — И люди здешние нравятся. И вообще, весь

ваш жизненный уклад, то

Его слова несказанно меня удивили. Я-то склонна была считать, что мы кажемся людям из будущего отсталыми и немного наивными. Ведь у них — технический прогресс, прорыв в медицине, они так много знают и умеют... Они свободны от условностей и так уверены в себе, что даже могут выглядеть как угодно, хоть пугалом огородным. И никто их не осудит, не будет показывать пальцем... Девушка с полувывритой головой и рыбьим ртом гордо цокает каблучками по блестящему полу магазина, и ни один человек не покрутит пальцем у виска... А эти ужасные штуки у них в губах, на бровях — и у девушек, и у парней — словно у папуасов каких; татуировки на руках, на плечах, на шее! И похоже, что это самое обычное дело у них... Так вот — наверное, это совсем не плохо — нет, не то, что там ходят подобные чучела, а что люди не осуждают ближнего за его внешний вид... Вот я, к примеру, осудила бы, окажись в нашем поселке персоне, подобная той кошмарной девице с губами на пол-лица. Да чего там я — остальные бы засмеяли, грязью бы закидали и побрили бы полностью такую особу! И сдали бы потом в психушку. А они — нет, ходят и никакого внимания не обращают на то, как выглядят другие. Ну а вообще-то большинство там, конечно, прилично выглядят, ну, если не считать странной одежды. Девушки вообще носят какие-то рейтузы, да еще и заношенные до дырок, через которые просвечивает нижнее белье!^[37] И никто — НИКТО — на них даже не смотрит с неодобрением, и мужчины не кидаются на них с гнусными намерениями! У нас бы такая девушка и десяти шагов бы не сделала — если бы мужик в кусты не затащил, так бабульки под крики: «Свят-свят-свят! Изыди, Сатана!» в плевках бы утопили...

И вот странное дело — я вижу достоинства мира будущего, а этот Василий восхищается нашим миром, нашими людьми...

— Они, местные, ну, то есть, «ваши» люди, — смущаясь, сказал он, — они какие-то настоящие, не то что наши. Нет, и у нас много хороших, правильных людей, а иначе и воевать сейчас было бы некому, но и людей с пониженной адекватностью и социальной ответственностью у нас тоже предостаточно. Панки, готы, кришнаиты, баптисты и прочие сектанты, а также поклонники японской секты «Аум Синрике». Некоторые люди будто отравились излишней свободой и всеобщей грамотностью,

— Василий! — возмущенно воскликнула я. — Излишней свободы не бывает! Свобода — это естественное состояние человеческой психики!

— Тише, Варвара, — Василий приложил палец к губам. — Не надо так кричать. Ночь на дворе и люди спят. Свобода — это естественное

состояние психики обезьяны-шимпанзе. Такая свобода у нас называется избалованностью и вседозволенностью. Такие люди тоже есть, но их немного. Просто у нас они, как грязная пена, плавают по поверхности, и поэтому их хорошо видно и слышно — всякого рода блогеры, либеральные журналисты и светские тусовщики. Внутренняя пустота заставляет их по всячески выделяться и извращаться, коверкая свой внешний облик, лишь бы выделиться, лишь бы не быть как все.

Так они и выглядят, как сбежавшие из зоопарка синеносые павианы среди людей. Татуировки, пирсинг, кольцо в нос — все признаки дикарей-людоедов налицо. Я уже не говорю о том, что большая часть этих так называемых «иарких личностей» страдает алкоголизмом и наркоманией, обычно не доживая и до тридцати лет. Так что никакая это не свобода, а признак глубокого социального и психологического регресса. Так сказать, антиэволюция от человека обратно к обезьяне.

Немного помолчав, Вася вздохнул и продолжил:

— Естественное состояние человеческой психики, Варвара — это состояние осознанной необходимости. Молодой парень, как и все, хочет жить, но он понимает, что свою страну надо защищать, а потому идет в военкомат и записывается добровольцем в Красную Армию. Юный лейтенант понимает, что его могут убить, но он командир, а потому первым с криком «За Родину!» выскакивает из окопа под немецкий пулеметный огонь. Девушка-красавица, спортсменка и комсомолка, хочет жить, любить и завести с любимым семью, но осознанная необходимость ведет ее в военкомат и делает бойцом зенитно-артиллерийского полка. А как другие женщины и подростки, заменившие ушедших на фронт мужчин, по шестнадцать часов в день добровольно стоят у станков, лишь бы дать сражающейся стране так необходимое ей оружие... Именно ради них, наших сражающихся предков, мы и пришли сюда, чтобы помочь загнать гитлеровского зверя обратно в его логово, где он и издохнет. Именно за настоящих людей идут в атаку наши танкисты и мотострелки, броней и огнем вбивающие в землю белокурых бестий, возомнивших, что им дозволено все. Именно ради них наносят удары по врагу пилоты наших ВКС. Именно за них, за настоящих людей, мы готовы порвать Германию с ее Гитлером, а потом вернуться и навести порядок у себя дома. Уж больно давно там не гуляла железная метла и не выбрасывался на помойку мусор. Из-за этого обнаглевшие крысы у нас стали думать, что это они в доме хозяева. А что касается свободы, то она, конечно, хороша, но только тогда, когда не противоречит необходимости, не развращает человека и не делает его говорящим животным.

После этой его горячей речи мне стало стыдно. Зачарованная увиденным сегодня, я подпала под чары будущего, я судила о нем крайне субъективно... А оно, оказывается, не такое уж идеальное. И даже страшное порой... Я невольно содрогнулась, пытаюсь вообразить себе ту сторону жизни двадцать первого века, о которой вскользь поведал Василий.

— Так что, Варвара, — резюмировал он свою речь, — я испытываю (и всегда испытывал) некоторое сожаление, что не являюсь одним из вас, гражданином великой и непобедимой страны. Но в то же время это дает мне стимул стараться делать все возможное для процветания МОЕЙ родины — России, как преемника Советского Союза. Теперь, когда существует Портал, я думаю, мне удастся по мере возможностей осуществить стремления моей души — то есть поспособствовать уничтожению фашистской гадины, чтобы стереть ее навсегда с лица земли, чтобы ни духа, ни тени, ни напоминания о ней не было в вашем мире через семьдесят лет! Чтобы Россия и СССР, которые я внутри себя не считаю разными странами, славились бы в обоих мирах, как оплот добра, справедливости и равенства. Равенства, а не уравниловки. И это добро должно быть с такими тяжелыми кулаками, чтобы ни одна иностранная тварь никогда бы не посмела нарушать мирный сон наших граждан. А к немцам у меня вообще личные счеты... Шальная пуля в первый же момент... Я им даже ответить ничем не успел. А вот командир мой, майор Агапов, тогда вместе с еще одним ментом повоевал изрядно. Эти двое устроили засаду, расстреляли мотоциклетный дозор, а потом, забрав у дохлых Гансов пулемет, держали дорогу на Унечу до тех пор, пока к ним на подмогу не подошли армейцы и не начали объяснять гадам, кто тут у нас в доме хозяин. Я очень жалею, что в это время был не с ними там, на переднем крае, а как последний дурак торчал в госпитале. Обидно ужас

Чего-чего, а услышать подобное я никак не ожидала. После этих слов образ шофера мгновенно трансформировался в моем восприятии. Теперь впереди меня, ероша короткие (не в пример Маяковскому) волосы, сидел не крутящий баранку беззаботный весельчак и балагур. Отнюдь нет. Сейчас там, на водительском месте, плечистой глыбой благородства и отваги возвышался настоящий герой... Герой из двадцать первого века, раненый немецкими захватчиками!

«Тук-тук, — забилося мое сердчишко в странном волнении, — тук-тук...» Молча я смотрела на смутно вырисовывающийся во тьме профиль Василия, не в силах отвести взгляд. Мне хотелось расспросить его, как именно его ранили, при каких обстоятельствах, но почему-то во рту у меня мгновенно пересохло, и потому я боялась выдать волнение своим

изменившимся голосом. Да что это со мной? Мой чуткий нос вдруг стал улавливать легкий аромат мужского одеколона (Марина называет это «парфюм» или какой-то там «зедорант») — такой приятный и волнующий... Или это не в одеколоне дело? Может, мне только показалось, что это «парфюм», а просто так восхитительно пахнет от самого Василия, потому что он красивый, молодой, здоровый, героический мужчина, у которого наверняка еще даже как следует не зажила рана на плече, нанесенная фашистской пулей...

Так, мне уже давно пора быть дома. Мама ждет... Я заставляю ее волноваться. Что если она выйдет сейчас на крыльцо и заметит машину? Давно бы уже могла выйти... Может, задремала? Хорошо бы было, если б она сейчас вышла... потому что я просто не в силах расстаться сейчас с этим Василием... А в то же время мне стыдно будет перед мамой, когда она поймет, что я сидела с молодым человеком в машине вместо того, чтобы спешить домой...

На этом мои мучительные размышления были прерваны. Скрипнула дверь — и мама появилась на крыльце. Томное оцепенение моментально слетело с меня.

— Спасибо, Василий, я пойду... И так задержала вас... — Я зашуршала пакетами, продвигаясь к дверце.

— Ну что вы, Варвара, мне было очень приятно пообщаться с вами... — В голосе Васи слышались бархатные нотки; он говорил искренне и с некоторым сожалением, что наша беседа окончена и нам пора расставаться.

— Всего вам доброго, Василий. Спокойной ночи... — Я стала открывать дверцу. Зашуршали пакеты, напоминая о приятном. Как там сказал Василий: «Свобода хороша, когда она не противоречит необходимости и не развращает человека, превращая его в животное». Думаю, что этот экзамен я сдала на отлично и не совершила ничего неуместного образованной девушке и дворянке.

Мама, разумеется, уже заметила машину и теперь с ожиданием смотрела в нашу сторону.

— Эээ... Варвара... — произнес Василий каким-то нерешительным тоном, очевидно смущаясь, — простите, но я хотел бы спросить, когда мы с вами можем увидеться

Я еле справилась со своим сердцем, которое от радости чуть было не выскочило из груди. Сказать честно, первый раз в жизни я испытывала такое волнение.

— Ну... давайте завтра... вечером, — ответила я, уже открыв дверцу и

ставя ногу на землю, стараясь при этом не обращать внимания на голос, который подсказывал совсем другое: «Скажи, что не знаешь... что очень занята... что еще подумаешь...»

— Хорошо! — голос Василия звенел радостью. — В семь часов вас устроит?

— Да, — тихо сказала я, наклоняясь к машине, так как уже вылезла из нее: не хотелось, чтобы мама услышала наши переговоры.

— Договорились! До встречи! Спокойной ночи, Варвара! — сказал Василий и, после того, как я захлопнула дверцу, завел мотор и тихо, чтобы не будить соседей, поехал по направлению к штабу.

Всходя на крыльцо, я очень надеялась, что мама не увидит моего замешательства и горящих щек. Что ж, если она что-то и заметила, то виду не подала. Конечно же, она предполагала, что я вернусь поздно, и что меня доставят прямо до дома, но все равно не могла не волноваться.

Зайдя домой, я вдруг почувствовала смертельную усталость. На кухне кипел самовар, но мне уже ничего не хотелось, и разговаривать тоже.

— Мам, можно я прилягу? — умоляющим тоном произнесла я, приобняв маму. — Поговорим с тобой завтра, ладно?

— Конечно-конечно, Варенька! — воскликнула она и стала принимать пакеты из моих рук. В каждый она с любопытством и некоторым опасением заглядывала. Я объяснила ей, что нужно отнести в погреб, а что просто сложить в шкафчик на кухне. После этого я прошла в спальню и, раздевшись, рухнула в свою постель, после чего меня сморил крепкий сон, полный приятных волнующих сновидений, которые, впрочем, наутро я уже не помнила...

8 сентября 1941 года. 10:15. Третий Рейх, Восточная Пруссия, Ставка Гитлера «Вольфшанце».

Назначенный командующий ГА «Центр» Генерал-фельдмаршал Вильгельм Лист

Хмурый немногословный баварец генерал фельдмаршал Вильгельм Лист прибыл в Ставку фюрера с опозданием на половину суток. И причина тому была уважительна, хоть и банальна. Самолет нового командующего группы армий «Центр» из-за грозы был вынужден приземлиться в Праге, где генерал-фельдмаршал переждал сначала спешащий на восток циклон, предвестник осенних проливных дождей, а потом, на мягких перинах пражской гостиницы, еще и ночь... как будто в мире нет сейчас других дел. Кстати, этот циклон послужил первым предупреждением, что благоприятное для войны на восточном фронте время заканчивается и скоро самой обычной погодой на огромной территории России станут

проливные дожди и липкая противная грязь по колено, в которой будут вязнуть люди, кони, машины и даже

Кроме того, пока генерал-фельдмаршал Лист прохлаждался в Праге, с Востока пришла очередная порция ужасных известий. «Марсиане» на Восточном фронте веселятся, как подвыпившие матросы после долгого рейса в Гамбургском квартале красных фонарей. Сообщение о разгроме и беспорядочном отступлении к Чаусам 41-го моторкорпуса генерал Рейнгарта, в загромок которому вцепились поддержанные «марсианами» большевистские кавалерийские дивизии, было только первой, но очень крикливой ласточкой в этой стае. В донесении командующего корпусом, которое он успел отправить до того как пропала связь, говорилось, что сначала все выглядело так, будто это чисто большевистское соединение, только применяющее необычную для себя и при этом крайне успешную тактику. При этом наличие в сводной большевистской кампфгруппе подразделений «марсиан» выяснилось только в критический момент боя, когда 41-й моторкорпус нанес по врагу удар в полную силу.

Это именно «марсиане», длительное время не выдававшие своего присутствия, нанесли атакующим ужасающие потери после полутора суток ожесточенных боев и вынудили их отступить в полном беспорядке, бросив остатки тяжелого вооружения, ибо в тягачах и танках закончилось топливо. Данная история говорила о том, что «марсиане» в своей деятельности прошли фазы «война вместо большевиков», «война вместе с большевиками» и теперь перешли к натаскиванию наиболее успешных большевистских соединений на использование новой тактики. Пока непонятно, зачем они это делают. Если потому, что собираются покинуть этот мир — это одно. А вот если их командование хочет расширить масштаб операций, не увеличивая присутствия своих войск — это совсем другой, то есть самый неприятный вариант.

Второй неприятной новостью был прорыв к Бобруйску от Жлобина и Рогачева смешанной марсианско-большевистской группировки. На рассвете залпы сотен тяжелых орудий взломали^[38] с таким трудом стабилизированный фронт, и в проделанную дыру двумя сходящимися потоками хлынули панцеры и боевые машины «марсиан», а за ними потянулась большевистская кавалерия. Меньше чем через два часа их передовые части ворвались в Бобруйск, где находился находящийся в процессе выгрузки из эшелонов 3-й моторизованный корпус генерала от кавалерии Эберхарда фон Макензена. В предыдущие несколько суток это соединение понесло большие потери от действий большевистской и «марсианской» авиации, которая с исступлением бомбила

железнодорожный узел Бобруйска, являвшийся местом его выгрузки.

На улицах города внезапно появились тяжелые танцы «марсиан», а за ними тучей следовала их прекрасно вооруженная и экипированная пехота. К этому моменту выгрузку завершила только 60-я моторизованная дивизия, которую в результате ожесточенных боев полностью разбита и вытеснена из города. При этом танцы 12-й и 13-й танцевдивизий, а также артиллерийские орудия так и остались стоять на железнодорожных платформах, не сумев сделать по врагу ни единого выстрела, а их экипажи частью погибли, частью отступили вместе с пехотой — уж ей-то для выгрузки не требовалось ничего, кроме команды их непосредственного командира.

Сопротивление ворвавшимся в город «марсианам» возглавил сам командующий 3-м моторкорпусом генерал от кавалерии Эберхард фон Макензен, и он же одним из первых погиб в бою, потому что штурмовая пехота «марсиан» щадит только местное население, а ко всем остальным она не знает жалости. Погибли в сражении и командиры 13-й и 14-й танковых дивизий генерал-майоры Вальтер Дюверт и Фридрих Кюн. Остатки разгромленных частей (в основном пехоту без тяжелого вооружения) отошедших под натиском «марсиан» к западу от Бобруйска возглавил командир 60-й моторизованной дивизии генерал-лейтенант Фридрих-Георг Эберхардт.

В целом ситуация была отвратительна не только тем, что «марсиане» в очередной раз в своей излюбленной манере нанесли кинжальный жалящий удар по ничего не ожидающим германским войскам. Хуже было то, что после разгрома штаба группы армий «Центр» и пленения генерал-фельдмаршала Федора фон Бока, к западу от Днепра и вовсе пропало хоть какое-то централизованное управление немецкими войсками. Командующие 9-й и 4-й армиями Адольф Штраус и Готхард Хайнрици держат своих подчиненных в кулаке, и их действиями можно управлять хоть напрямую, прямо отсюда, из Вольфшанце. Зато по ту сторону кольца окружения, куда сейчас прибывают соскобленные отовсюду резервы, каждый командир дивизии или даже полка, рассыпью прибывшего на пополнение группы армий «Центр», не знает ни обстановки, ни назначенных ему позиций и ближайших задач. Но полк — это еще очень оптимистично; иногда это сборные группы, состоящие из отдельных рот и даже взводов, и на то, чтобы наладить между ними взаимодействие, уйдет еще немало времени. В результате каждый такой командир ведет с большевиками и пособничающими им «марсианами» свою личную войну, не имея никакого плана и не согласовывая свои действия с соседями.

Примерно то же творилось у большевиков два месяца назад, когда панцергруппы Гота и Гудериана вспороли фронт и рванулись на восток, оставляя позади себя огромные массы еще вооруженных, но уже деморализованных и никем не управляемых людей. Немецкая армия брала тогда пленных миллионами, и все, что эти люди тогда смогли сделать, это доставить немецким генералам некоторое беспокойство, не более того. Гитлер подумал, что если бы он сейчас отдал бы приказ войскам 9-й и 4-й армий на выход из окружения, это бы только увеличило силу бушующего хаоса.

Ведь никто и ничто не помешает супермобильным «марсианам» перегруппироваться и нанести еще несколько рассекающих ударов, после чего окончательно сожрать те войска, которые после выхода из первого окружения почувствуют себя вырвавшимися из смертельной ловушки.

Именно поэтому прибывшего с опозданием генерала-фельдмаршала Листа Гитлер принял как ангела-спасителя всей Германии.

— Мой добрый Вильгельм, — воскликнул он, едва тот пересек порог его кабинета, — как я рад вас видеть! Надеюсь, что вы находитесь в добром здравии и хорошем настроении, потому что ожидающая вас задача имеет просто историческую важность и титанический масштаб...

С этими словами Гитлер указал на настенную карту с изображением Восточного фронта. На ней было нанесено положение противоборствующих войск на сегодняшнее утро, как его понимали в Ставке Гитлера. Но даже это (весьма оптимистическое для немецкой стороны) понимание заставило фельдмаршала длинно и нецензурно выругаться, из-за чего девушки-секретарши Гитлера сначала растеряно пискнули, потом густо покраснели. Ну что поделаешь со старым солдатом, не знающим слов любви, да еще и баварцем по происхождению, а следовательно, заведомо грубияном. Сам же хозяин кабинета не обратил на ругань фельдмаршала никакого внимания. Если бы ему позволяло положение, он выразился и покрепче.

— Мой добрый Вильгельм, — сказал Гитлер, глядя на ничего не понимающего фельдмаршала, — я понимаю твое потрясение, но давай перейдем к делу. Обстановка на фронте группы армий «Центр» в последнее время чрезвычайно осложнилась, и ты мне нужен для того, чтобы постараться хотя бы частично исправить ситуацию.

Тут надо понимать, что о «марсианах» знали только те, кто непосредственно имел с ними дело (как правило, те солдаты, офицеры и генералы, которые воевали на восточном фронте). Всех остальных нацистская пропаганда держала в полном неведении, и ведь кампания

Геббельса по запугиванию народов Европы ужасной марсианской угрозой на самом деле еще не началась. А уж в группе войск на Балканах (это вообще медвежий угол, где живут одни славяне) пока даже и не слышали о тех событиях, которые последние три недели происходили на Восточном фронте. Поэтому Гитлеру пришлось кратко, не вдаваясь в ужасные подробности, ввести своего генерала-фельдмаршала в курс дела. Ведь если тот будет не осведомлен, «марсиане» получат над ним лишнее преимущество.

— Так значит, — спросил в конце этого рассказа генерал-фельдмаршал Лист, — насколько я понимаю, против нас выступает прекрасно вооруженная превосходящим оружием будущего чудовищная помесь древних спартанцев, великих героев Валгаллы и самих господних ангелов, ибо недопустимо смертному человеку быть таким совершенным. Но при этом мы против них не в состоянии выставить ничего, кроме войска, которое пришлось по мелочи выскребать либо с других участков фронта, либо из тыловых гарнизонов? Канцлер Бисмарк, если я не ошибаюсь, называл это настриганием шерсти со своих собственных яиц.

— Да, мой добрый Вильгельм, — подтвердил Гитлер, — единственный подвижный резерв, который я смогу тебе дать, это 29-й моторкорпус — его первые эшелоны только начали прибывать в Минск. Используй его с умом. Все остальное будет либо маршевыми пополнениями, либо большим количеством мелких подразделений, которых еще потребуется хоть как-то организовать. Я же тебе не большевистский вождь Сталин, который одним движением пальца способен мобилизовать и двигать к фронту целые армии. Там, у русских, миллион туда, миллион сюда — это мелкие расчетные единицы, и тратят солдат их генералы не глядя и без счета. У Германии просто нет такой возможности, потому что у нее и так уже на счету каждый солдат, а враги свирепы и неумолимы. Но могу тебе обещать, что в связи с важностью задачи ты будешь получать такие пополнения в первую очередь. Что хочешь делай, а перекрой «марсианам» путь к Фатерлянду. Иначе мы тут погибнем все до единого.

— Хорошо, мой фюрер, — кивнул генерал-фельдмаршал Лист, — я возьмусь за это дело. Да только распорядитесь, чтобы мне предоставили всю информацию, какая имеется по поводу этих «марсиан», даже самую сумасшедшую. В конце концов, должен же я знать, с чем сражаюсь...

8 сентября 1941 года. 19:35. Брянская область, райцентр Сураж.

Учительница немецкого языка, переводчик и дворянка Варвара Ивановна Истрицкая.

Утром у меня не было и минутки, чтобы пообщаться с мамой — я чуть

не проспала на работу. Так что разговор мы отложили на вечер. Весь день меня беспокоило осознание необходимости сказать маме о том, что вечером у меня намечено свидание... Как бы она не обиделась, что у я уделила ей мало времени...

На работе мне с Василием встретиться не довелось — видимо, его не было в этот день в штабе. Я с трудом скрывала одолевавшее меня волнение и приподнятость, надеясь, что коллеги ничего не замечают. Еле дождалась, когда закончится рабочий день...

Когда я вернулась домой, там меня уже ждал горячий самовар и нарезанный кусочками торт, купленный мной в торговом центре будущего. В вазу было насыпано ассорти из конфет того же происхождения. Мама сказала, что она даже не пробовала ничего — ждала меня. Ну и, конечно же, она испекла мой любимый пирог с малиной...

Мы приступили к чаепитию. Торт оказался божественно вкусным (вот уж не знаю, почему Марина критикует выпечку будущего, толкуя про какие-то пищевые добавки; впрочем, возможно, что я их просто не ощущаю). А конфеты... как конфеты, не особо впечатлили.

Я стала рассказывать маме о своей экскурсии в будущее. При этом я заметила, что она смотрит на меня с некоторым недоверием. Наверное, ей казалось, что я приукрашиваю. Да и сама я сейчас вспоминала свое приключение (а иначе и не назовешь) словно удивительный сон. Все, что я увидела ТАМ, было так невероятно! Наверняка каждому человеку свойственно хоть как-то представлять себе будущее. Но теперь, увидев это будущее воочию, я пришла к выводу, что ВОТ ТАКИМ его, пожалуй, не видит никто из моих современников.

Сама я до этого не особо задумывалась о том, как все будет лет через семьдесят-восемьдесят — никогда не обладала буйной фантазией. Но, будучи по натуре оптимисткой, я тем не менее предполагала, что люди там такие же, как и мы, только более улыбчивые и приветливые, красиво одетые, у них одухотворенные лица. Будущее виделось мне спокойным, в нем отсутствовали кровопролитные войны и потрясения. И человек в нем являлся существом с высоким интеллектом, который на протяжении жизни всячески совершенствовал свою личность, делая упор на духовность. Мне представлялось, что там, в грядущем столетии, преимущественно царит атмосфера философского созерцания, жизнь течет неторопливо и размеренно...

Похоже, моя мама думала так же. И потому она все ахала и качала головой, слушая мой рассказ о двадцать первом веке. Я пустила в ход весь свой словарный запас, но, кажется, так и не смогла донести до нее

истинного представления о нем. Как я могла передать ощущение блеска и скорости? Это было основное, что я ощущала там — совершенно противоположное моим собственным предположениям.

— Там мимо меня проходили очень разные люди... — рассказывала я. — Мне казалось, что они все куда-то торопятся. Лица у них не то чтобы улыбчивые, но и не суровые. Вообще, знаешь, у меня создавалось впечатление, что они все погружены в себя и не очень любят общаться друг с другом. У многих из них я видела в руках маленькие прямоугольные коробочки, примерно с портсигар размером, помещающиеся в ладони; одни прикладывали их к уху и разговаривали при этом, другие смотрели на светящийся экран на этих коробочках — так внимательно, что едва не наталкивались на других людей. А у иных в уши были воткнуты миниатюрные наушники и провода от них шли к этим странным приборам...

— Как любопытно! И что же это за устройства? — заинтересовалась мама.

— Я точно не представляю, что это такое, но Марина называет их сотовыми телефонами, и, судя по ее словам, это настоящее чудо техники...

— Телефон? Переносной? — поразила мама. — Размером с портсигар и без всякого провода, на манер рации?

— Да, мама, — подтвердила я, — именно так. Марина говорит, что у каждого человека есть такой, и он может свободно звонить куда угодно, хоть в Америку...

— Марина не подшутила над тобой? — скептически прищурилась мама. — До такого не додумался бы ни один писатель... Телефон без проводов размером с ладонь! Не может быть такого, это же невероятно! Мне что-то не верится...

— Нет, мама, это правда, — возразила я, — Хочешь верь, хочешь нет. Марина меня не обманывает. А что касается невероятного — наверное, нам с тобой следовало пересмотреть взгляды на него уже после того, как возник этот так называемый Портал...

— Мда, действительно... — произнесла мама. — Но Портал — явление природное, насколько я могу судить — и потому он вполне может быть Божьим чудом, в отличие от творений рук человеческих... — Она ненадолго задумалась и сказала: — Я не пойму — как же может работать такой телефон, если он, как ты говоришь, совсем маленький и даже не имеет антенны...

— Ну я не знаю... — пожала я плечами. — Такие уж у них развитые технологии...

— А ты сама хоть в руках держала такой телефон?

— Нет. Но думаю, что еще подержу... Мам, я и в будущее еще схожу неоднократно! — заверила я ее.

Кстати, насчет этих самых телефонов. Их, действительно, трудно так назвать — ну никак не похожи они на то, что мы привыкли подразумевать под этим словом. Марина еще сильнее заинтриговала меня, сказав, что вообще-то телефон — это лишь одна из функций этого уникального устройства, а на самом деле в нем хранится миллион пока неизвестных мне удивительных чудес. Она обещала, что позже расскажет об этом подробней и, может быть, даже покажет, как этой вещью пользоваться. Вообще я заметила, что там, в будущем, такая штучка является непременным атрибутом каждого гражданина, и даже у первоклашек в руках я видела такие «телефоны».

Если ночью, перед сном, я находилась под общим впечатлением от нашей с Мариной экскурсии, то сейчас мне вспоминались детали той прогулки, и в основном это были слышанные мной обрывки фраз. Надо сказать, что люди будущего выражаются весьма странно. Даже у Марины частенько проскакивают фразы и словечки, которые мне трудно понять. А уж ее шутки... Видимо, не только технический прогресс шагнул далеко вперед, но и юмор. Так вот, насчет речи ее современников. Когда до меня долетали обрывки чужих разговоров, я в большинстве случаев просто не могла понять, о чем идет речь. А бывало и так, что мне казалось, будто я слышу разговор пациентов психбольницы. Например, две девочки-старшеклассницы, идя вдоль полок магазина, увлеченно переговаривались между собой: «Слушай, а сфоткай меня своим телефоном! А то мой дома, на зарядке.» «Блин, у меня памяти совсем не осталось...» «Да почисть ты наконец свою память! Несколько книг сотри и свой день рождения, он же у тебя есть на диске...» «Не, днюху не хочу стирать... Там такие приколы... Иногда смотрю и ржу, когда депрессняк задолбает. Да у меня в основном музыка много весит...»

Я даже пакет из рук уронила, когда этот разговор услышала; посмотрела — нормальные, довольно милые девочки, если не считать у одной из них розовой пряди в волосах. Еле удержалась, чтобы не начать расспрашивать Марину, занятую выбором покупок, о чем это они толкуют.

А еще мне пару раз почудилось, что школьники (вполне приличные по виду, не похожие на шпану) ведут меж собой разговоры про «сто грамм» (вот явственно мне это словосочетание послышалось); и нешуточная тревога за молодежь будущего закрадывалась в мое сердце — неужели тамошним детям можно употреблять алкоголь?! Словом, когда я начинала

намеренно прислушиваться к чужим разговорам, мне начинало казаться, что я схожу с ума. Поэтому, чтобы слова окружающих не доходили до моего сознания, мне пришлось напевать про себя мотив веселой кадрили...

И еще у меня возник вот какой вопрос — а те люди из будущего, с которыми мы общаемся каждый день в нашем мире — они что, другие? Ведь их речь, хоть и порой своеобразна, но весьма понятна. Поразмыслив немного, я решила, что они, видимо, просто стараются выбирать при общении с нами понятные выражения. Впрочем, многие (такие как Василий, к примеру) без всякого напряжения говорят понятно и правильно.

И вот в основном этот феномен занимал мой разум сегодня. Ну, и еще я продолжала осмысливать свои впечатления. Мамины расспросы помогали мне в этом. Но, естественно, я не все ей рассказывала, щадя ее впечатлительную натуру.

Кроме того, меня грела одна приятная мысль. Мысль о предстоящем свидании с Васей... О, каким героем он мне казался, каким привлекательным мужчиной! Его горячая речь тогда, в машине, тоже произвела на меня впечатление. Для меня было ясно, что наши с ним взгляды не совсем совпадают, но это делало его образ еще привлекательней! Как магнитом, он тянул меня к себе — просто удивительно, ведь раньше я никогда не ощущала подобного ни к кому из парней... Эх, а ведь поначалу я его даже не замечала — ну шофер и шофер... Даже стыдно как-то. А он всю дорогу на меня посматривал с определенным интересом — а я думала, что просто на «аборигенку» пялится в зеркало украдкой. Надо сказать маме... Ох, неловко как-то... Вроде я уже взрослая и даже довольно-таки зрелая барышня, а до сих пор стесняюсь говорить маме о том, что мне кто-то нравится... Ну, Марина бы мне в этом случае заявила, что неловко штаны через голову надевать или спать на потолке... и была бы права. Ладно, скажу, но только чуть позже, когда время подойдет...

Кстати, о штанах. До последнего я оттягивала тот восхитительный момент, когда смогу примерить обновки, среди которых были и джинсы — мне не терпелось надеть их и покрутиться перед трюмо, рассматривая себя со всех сторон. И вот чаепитие закончено, время до свидания еще есть и можно заняться разборкой покупок.

Удивительное дело — то, что вчера мы с Мариной выбрали для меня, сегодня мне понравилось, и даже очень. Наверное, вчера меня смущала атмосфера в том магазине — кругом люди, зеркала, ты на самом виду... А в домашней обстановке я спокойно примерила на себя обновы и осталась довольна. Мама только цокала языком — ей тоже понравился мой гардероб

по моде будущего. Ну, мы старались выбирать все приличное... Видела бы мама, что там продают — юбочки размером с носовой платок и рейтузики, которые Марина называет «шортами» и на полном серьезе утверждает, что такие у нее имеются. Ну, не знаю, удастся ли мне когда-нибудь воспринять подобные предметы одежды без чувства стыда и неловкости, но пока что максимум, на что я готова — это облачиться в «джинсы» — такие же, какие носит моя подруга. Естественно, облачиться для выхода в двадцать первый век... Остальная одежда тоже исключительно для этих целей.

Перемерив все купленное и оставив на себе фиолетовую блузку с коротким рукавом, я натянула джинсы. И вдруг мне ужасно захотелось остаться в них, и в них же пойти на свидание...

— Буду в них ходить! — решительно заявила я, поворачиваясь к зеркалу то одним боком, то другим. В джинсах было удобно. Я казалась самой себе смелой и свободной от условностей обитательницей двадцать первого века. Мне нравилось, как упругая ткань облегает попу и бедра, подчеркивая достоинства фигуры. Наверное, понравлюсь Васе в таком виде...

Мама же всплеснула руками и осуждающе покачала головой.

— Варенька, это же неприлично — ходить в таком! — сказала она.

— Да? Почему? — расстроилась я. — Марина же ходит...

Слова мамы меня расстроили. Я не могла не считаться с ее мнением. А уж становиться в ее глазах легкомысленной мне очень не хотелось...

— Ну, то Марина... — сказала мама, продолжая внимательно меня разглядывать. — К ней-то наши люди привыкли, знают, что не наша... А тебя осудят, если выйдешь в такой одежде. Так-то мне нравится, но люди-то не поймут... Вон, обтянуло все — скажут, что будто голая...

— Ну мама! — воскликнула я, выразительно сжав кулачки. — Тебе же нравится! Не все ли равно, кто что скажет? Какое нам дело до разговоров досужих кумушек? Там, в будущем, еще и не так ходят — а вообще с голыми ногами! И никто даже не смотрит! Там вообще, если хочешь знать, девушки полулысые ходят, с кольцами в губах, с татуировками! — от избытка эмоций я топнула ногой. — А почему мне нельзя одеться так же, как моя подруга? В джинсах нет ничего неприличного!

Мама поджала губы — это означало, что она недовольна моим бунтарским поведением. Нет, она не стала бы меня ругать, если бы я сделала по-своему. Не стала бы устраивать сцен, имея я дерзость послушаться ее... Просто она стала бы холодной со мной, а это казалось мне самым страшным. Она это умела — без бурных выражений чувств показать свое неодобрение. Дворянка! Общественное мнение многое значило для

нее. А вот я, разок уже хлебнув свободы будущего, ощутив его ритм, вдохнув его воздух, остро ощущала несправедливость этого положения вещей. О, я уже была отравлена этим будущим... Оно въелось в меня и бесповоротно изменило. Оно мне нравилось — и ничего уже нельзя было с этим поделать. Я уже тосковала по нему, я снова хотела туда, в Россию двадцать первого века... Я хотела стать похожей на тех эмансипированных, уверенных в себе, ярких и деловитых женщин, которых я видела там — с необычными стрижками, маленькими сумочками, на высоких каблуках... Я смотрела на себя в зеркало — и видела себя такой же, как они. Но здесь я никогда не могла бы стать такой...

Я тяжело вздохнула. Да, соблазн велик, но на свидание с Васей я сегодня надену что-нибудь поскромнее. Я не стану портить отношения с мамой — она у меня одна из всех близких людей...

При мысли о предстоящем свидании я машинально глянула на часы — они показывали начало седьмого. Со вздохом я сняла джинсы, сложила все новые вещи в шкаф и надела ситцевое платье в горошек, с белым воротничком. Сердце мое возрадовалось, когда я увидела в глазах мамы одобрение. И все стало неважным по сравнению с этим взглядом любимой моей мамочки... Я подошла к ней и обняла за плечи, собираясь сообщить о том, что у меня свидание с молодым человеком. Но она опередила меня.

— На свидание собралась? — лукаво спросила она.

Я покраснела — ну вот ничего не могу с собой поделать, всегда смущаюсь в такие моменты.

— Да... — ответила я. — Мам, он... Он ОТТУДА... — И совсем уже тихо добавила: — Его зовут Василий... Это он меня вчера до дома довез...

Она несколько секунд молчала, глядя на меня с любовью. А потом сказала с улыбкой:

— Дай Бог, дочка... Иди... Чует сердце мое, что хороший он человек, твой Вася...

И такое облегчение мне принесли эти ее слова, что я бросилась к ней на шею и расцеловала, радостно смеясь. После чего стала быстро собираться на свидание.

9 сентября 1941 года, 07:45. Брянский фронт, Кричев Командующий Брянским фронтом генерал армии Георгий Жуков

После разгрома и отступления к Чаусам 41-го моторизованного корпуса (что обезопасило левый фланг Кричевской группировки) батальонные тактические группы потомков, облепленные густыми массами советской пехоты (в основном штрафников) стали оказывать несколько преувеличенное внимание 56-му моторизованному корпусу Манштейна. В

результате, неся тяжелые потери, Манштейн попятился, и бои теперь гремели уже значительно севернее Кричева. Чем дальше продвигались потомки, тем быстрее отступали перед ними немецкие части. Моторизованные части отходили на Мстиславль, пехота частью на Мстиславль, частью, вдоль железной дороги, на Ходосы.

Еще недавно почти полнокровный 56-й моторкорпус, потеряв значительную часть живой силы и техники под ударами «потомков» и натиском стрелковых «штрафных» батальонов (в пехотных ротах осталось по 20–25 солдат, в танковых по 1–2 танка), начал разваливаться на части, и чем дальше, тем быстрее шел процесс дезорганизации. Да какие они штрафники?! Побывал Жуков в нескольких таких батальонах, вооруженных и экипированных потомками гораздо лучше большинства стрелковых частей РККА. А все потому, что сражались «штрафники» в непосредственном взаимодействии с батальонными тактическими группами «потомков», и их боевая устойчивость сильно влияла на общий успех операции. Отсюда — и по пулемету «Калашникова» и гранатомету в каждом отделении, в каждом батальоне минометная батарея, взвод тяжелого оружия (крупнокалиберные пулеметы с мобскладов будущего), а также одна рота, экипированная и обученная как штурмовая (каска, бронежилет, разгрузка, двойной комплект гранат и автомат Калашникова, образца 1947 года).

Жуков склонился над картой. С освобождением Мстиславля и разгромом 56-го моторкорпуса перед войсками вверенного ему фронта, усиленного экспедиционными силами, открывались новые перспективы развития операции на центральном участке Брянского фронта, где действия Красной Армии и экспедиционных сил до сих пор носили лишь обеспечивающий и отвлекающий характер.

Во-первых — после разгрома 56-го моторкорпуса появится возможность зачистить от противника железнодорожные магистрали Кричев-Могилев и Кричев-Орша, тем самым укрепив внешний фронт окружения. Дело в том, что железные дороги вдоль Днепра в основном проходят по его западному берегу и во многих местах еще находятся под контролем противника. По этой причине дивизии РККА и части потомков, занимающие сейчас позиции на внешнем фронте окружения, снабжаются исключительно автотранспортом по единственному шоссе Гомель-Могилев-Орша, забитому сейчас грузовыми автомобилями как московская кольцевая дорога у потомков в час пик. А это не самый лучший вариант. Лучший — это снабжать войска и доставлять подкрепления напрямую по железной дороге, не загружая шоссе грузовыми автомашинами, которые

понадобятся в другом месте.

Во-вторых — перегруппировав всю 144-ю мотострелковую дивизию потомков вместе с сопутствующими соединениями РККА (считай, всю 13-ю армию) в район Мстиславль-Кричев, нанести из Мстиславля удар на Починок, а из Кричева на Рославль. Эти удары как минимум в двух местах пробьют коридоры к частям Западного фронта, при этом 4-я армия противника отделится от 9-й и разорвется на несколько частей. Как говорят потомки — большого слона надо есть, разрезав его на маленькие кусочки. Так почему бы не начать с его хобота, который крайне неприлично свисает с севера на юг от Смоленска почти до самого Брянска?

Если 9-я армия даже после замыкания котла окружения продолжила сидеть на сосредоточенных в Смоленске запасах, сделанных на случай приказа экстренно наступать на Москву, то 4-я армия во время набега ОСНАЗа потомков на Рославль такие запасы потеряла и восстановить их до сих пор не смогла. Вспомнив о той истории, Жуков усмехнулся. Ну, право дело — набег, как в книжке про индейцев, с подкрадыванием, стрельбой и прочими особенностями авантюрного романа. И в то же время задача была выполнена, лагерь военнопленных освобожден, штабы 4-й армии и 9-го армейского корпуса зачищены под ноль, а складские запасы всего необходимого для войны, что можно только вообразить, полыхнули в ночи ярчайшим фейерверком. Эта лихая эскапада до сих пор икается командованию 4-й армии, так и не сумевшему восстановить нормального снабжения своих войск.

Как только немецкому командованию удалось восстановить функционирование Рославльского железнодорожного узла, как советские войска во взаимодействии с потомками начали локальную Кричевскую наступательную операцию, которая изначально тоже планировалась как набег с целью разгромить штаб 2-й танковой группы и уничтожить ее складские запасы. И только потом, когда стало ясно, что Кричев возможно удержать, этот набег вылился в отвлекающую операцию примерно армейского масштаба. И опять же косвенно пострадала 4-я армия немцев, для которой по железнодорожной линии Могилев-Кричев-Рославль поступало до девяноста процентов всего снабжения. Через Оршу-Смоленск-Рославль до 4-й армии доходил самый минимум, поскольку в основном та линия снабжения работала на 9-ю армию, которой тоже всегда всего было мало.

Еще раз посмотрев на карту, Жуков кивнул сам себе. В течение следующих двух-трех суток войска перегруппируются, после чего для отдельно взятой 4-й германской армии с прилипшими к ней 46-м и 47-м

моторизованными корпусами начнется персональный локальный армагеддец. Теперь окруженная немецкая группировка представлялась Жукову своего рода котлетой, от которой острым ножичком в дальнейшем предстоит отрезать кусочек за кусочком и, смакуя, отправлять эти кусочки в рот. Главное при этом — не подавиться, отхватив слишком большой кусок. Если немцы не предпримут попыток прорыва на Оршу-Борисов в течение нескольких ближайших дней (которая будет им дорого стоить, но позволит спасти хотя бы часть сил), то положение окруженной группировки станет и вовсе безнадежным. Впрочем, это уже не его проблемы; в любом случае к середине октября этот Смоленский котел будет ликвидирован.

9 сентября 1941 года, 08:15. 4-я армия вермахта, Рославль
Командующий армией генерал пехоты Готхард Хайнрици

Впервые за это жутко жаркое и сухое лето на западном горизонте за клубились тучи, а ветер вместо орудийной канонады донес раскаты далекого грома. Там, на горизонте, над Днепром, сейчас бушевала гроза, сверкали молнии и ураганный ветер швырял в лица русским солдатам пригоршни холодной дождевой воды. Гроза — это хорошо. Хоть на какое-то время на войска его армии прекратятся непрерывные налеты «Чертовых гребешков», которые взяли за правило парами и днем и ночью вести свободную охоту над территорией, которую контролирует его армия.

Объектом злобного внимания этих летающих исчадий ада может стать даже одиночный грузовик на дороге, но в основном они атакуют автоколонны снабжения, замаскированные танки, позиции артиллерии, а также деревоземляные огневые точки на линии фронта с большевиками — их они поражают весьма избирательно и с чрезвычайной меткостью. Командиры фронтовых частей уже много раз докладывали, что эти удары, разрушающие оборону против возможных большевистских атак, уже стали самым настоящим бедствием. При этом насколько тщательно ни производилась бы маскировка, как бы старательно рядом ни возводились ложные сооружения, призванные отвлечь на себя внимание вражеских пилотов, те еще ни разу не поддавались на эти провокации и непременно выпускали залпы реактивных снарядов по настоящим оборонительным сооружениям.

Что же касается большевистских солдат, которые, несомненно, воочию наблюдают за этими налетами, то они приветствуют каждый успешный удар криками «Ура!» и залихватским улюлюканьем, которое слышно даже в немецких окопах. Несколько раз, обидевшись на переливчатый пересвист, доносившийся с русской стороны, немецкая пехота даже ходила в спонтанные атаки без приказа, которые каждый раз кончались для нее

большими потерями. На нехватку пулеметов и патронов большевистская пехота теперь явно не жаловалась, так что в таких спонтанных атаках немецкая кровь лилась рекой.

Но все это мелочи по сравнению с приказом любой ценой удерживать существующие позиции. В условиях, когда нити, связывающие армию с тылом, рвались одна за другой, солдаты начали уже поговаривать о том, что их просто принесли в жертву ужасному Молоху, намеренно бросив здесь на съедение непостижимо жутким «марсианам» и их союзникам-большевикам. Офицеры стараются пресекать такие разговоры, но при этом сами постепенно пропитываются общей атмосферой катастрофической безысходности, которую распространяет вокруг себя слово «окружение» в условиях, когда каждая пачка патронов, каждый артиллерийский снаряд и каждый литр дрянного синтетического топлива находится на строгом учете.

А ведь его, Готхарда Хайнрици, многие уже называли «везунчиком», потому что его назначили командующим 4-й армией всего за сутки до того как «марсиане» и большевики начали свое наступление под Гомелем и вдребезги разметали 43-й армейский корпус, которым Хайнрици командовал до этого назначения. Подумать только — запоздай тот приказ всего на сутки, и еще неизвестно, как повернулась бы его судьба. Но сейчас он сомневается, так ли ему повезло, как это казалось вначале. Получить под командование окруженную армию, почти лишенную самых элементарных запасов — это совсем не то назначение, которое он считал бы приятным. К тому же из Ставки фюрера постоянно приходят сообщения о том, что он не имеет права отступить хоть под чьим-либо натиском, что любая попытка несанкционированного отхода (а санкционированного никогда не будет) будет расследована в военно-полевом суде с обязательным вынесением виновному смертного приговора. Их действительно бросили здесь на смерть, причем с расчетом, что, даже погибая, 4-я армия заберет с собой какое-то количество большевистских и «марсианских» солдат, заставит их потратить время, оставшееся до распутицы, боеприпасы и ресурс техники. На этом их функция исчерпывается.

Сегодня из Смоленска пришел последний поезд со скудным снабжением, в основном с винтовочными патронами. Нет, железная и автомобильная дороги на Смоленск еще не перерезаны большевиками, просто командующий 9-й армией и главнокомандующий всех окруженной группировкой генерал-полковник Адольф Штраус сообщил, что прекращает снабжение 4-й армии из своих скудных резервов, так как необходимого уже не хватает и его собственным частям. Это, что

называется, конец. Сколько сможет продержаться армия, у которой закончились боеприпасы, медикаменты и продовольствие? И если продовольствие можно конфисковать у местного населения, то снаряды к пушкам, патроны для винтовок «Маузера» и бинты для раненых на огородах у местных пейзажей не растут.

В случае, если хотя бы только большевики, без всяких «марсиан», начнут наступление на этом участке, за несколько дней интенсивных боев боеприпасы закончатся совсем, и тогда с немецкими солдатами произойдет то же, что уже случалось с окруженными большевиками, которых подчиненные Готхард Хайнрици брали в плен десятками тысяч. Ни у одного из тех солдат в подсумках не было ни одного патрона, и пара немецких солдат с пулеметом могла захватить в плен сотню безоружных русских. Тогда генерал Хайнрици торжествовал, что победы удастся одерживать почти без сопротивления, но теперь понял, что такой же ужасный конец неизбежно ожидает и немецких солдат 4-й армии — разумеется, тех, которые выживут; их ужасные дикие казаки толпами погонят в далекую холодную Сибирь. Или, быть может, им лучше пойти в штыки на русские пулеметы, чтобы погибнуть в бою и не переносить ужасных нечеловеческих мучений большевистского плена...

9 сентября 1941 года, 11:05. Москва, Кремль, кабинет Верховного Главнокомандующего

Верховный Главнокомандующий стоял у карты центрального участка советско-германского фронта. Сложившаяся на данный момент обстановка ему нравилась. Совсем не то, что было три недели назад, когда самому существованию советского государства грозила смертельная опасность. Конечно, это опасность грозит ему и сейчас, но прямой и непосредственной эта угроза станет только в том случае, если потомки прекратят непосредственную поддержку СССР, а генералы вроде Жукова после первых побед начнут легкомысленно относиться к своим обязанностям, считая, что война уже выиграна и немец уже не тот. По выражению самого Жукова, такое генеральское умонастроение называлось «шапки набекрень». В ТОЙ истории Жуков и прочие целых полгода после победы под Москвой носили набекрень свои шапки, пока летом 1942 года немцы не показали им, что они вполне еще те, сумев одним рывком дойти до Кавказа и Сталинграда. Теперь необходимо позаботиться о том, чтобы такое не повторилось в этом мире, и как только на какой-то генеральской голове шапка окажется набекрень, ее тут же необходимо поправлять. Поскольку сами военные одергивать себя не способны (ибо только барону Мюнхаузену удалось выгнать себя за волосы из болота), то, значит, их

должны одергивать товарищи со стороны. Например, командиры из будущего, способные оценить потенциальную опасность той или иной ситуации, и одновременно чекисты, чья работа — следить, чтобы не было преднамеренного ущерба.

Кстати, недавно курьер доставил в кабинет Сталина пакет, а в нем — перехваченный, расшифрованный и переведенный приказ командующим 4-й и 9-й армиями. Этот приказ гласил, что Гитлер не будет выводить войска этих армий из окружения и приказывает им, закрепившись на существующих рубежах, постараться отвлечь на себя как можно больше советских войск. Окруженным войскам обещали, что как только подойдут резервы из Франции и Балкан, последуют деблокирующие удары с внешней стороны «котлов» и снабжение всем необходимым по воздуху при помощи транспортных самолетов и грузовых планеров.

Сталин усмехнулся. При могуществе потомков в области противовоздушной обороны организация воздушного моста — это самый надежный способ в течение нескольких дней напрочь спалить всю германскую военно-транспортную авиацию. Если Гитлер этого не понимает, то он дурак. Если понимает и на самом деле не собирается организовывать никакого воздушного моста, то он подлец. Впрочем, немецкие генералы и сами далеко не дети и должны разбираться в своем фюрере и его обещаниях. Ему, Сталину, как-то все равно. Если транспортники начнут летать, то их начнут сбивать. Если не начнут, то нам, в общем-то, без разницы. Это уже, как тут говорилось, проблема немецких генералов.

На ликвидации этого котла и боях с ослабленным и деморализованным врагом необходимо натаскивать те части и соединения РККА, которые еще ни разу не были в боях. Например, сформированные по мобилизации или кадровые, но только переброшенные на фронт из внутренних округов. В РККА такие кадровые дивизии мирного времени, еще не задействованные в боях, пока имеются в достаточном количестве. Необходимо обеспечить этим соединениям поэтапное получение боевого опыта и одновременно помочь им избежать при этом ненужных потерь. А то берут свежую необстрелянную дивизию — кадровую или сформированную по мобилизации — бросают ее в самое пекло, и там она за пару месяцев стачивается до такого состояния, что из нее можно формировать сводный батальон.

А самое главное — используя оперативную паузу, которая неизбежно наступит после завершения этой операции, на основе частей и соединений, имеющих боевой опыт, необходимо создать фактически новую Красную

Армию, которая сумеет не только остановить врага, но и погнать его обратно до самого Берлина, а может даже до Ла-Манша. В первую очередь это касается танковых войск и авиации, которые в начальный период войны, несмотря на численный перевес советской стороны, показали свою полную неспособность остановить вражеское наступление и поддержать сражающиеся стрелковые части.

Созданные до войны механизированные корпуса потерпели разгром в первых же сражениях, а огромное количество легких устаревших танков, списочным количеством которых самоуспокаивали себя советские генералы во главе с наркомом обороны маршалом Тимошенко, либо сгорели в боях, либо оказались брошены экипажами из-за отсутствия топлива или различных поломок. Из-за того, что в механизированных соединениях по факту отсутствовали ремонтно-восстановительные части, повреждения или поломки, которые невозможно устранить в полевых условиях силами механика-водителя, оказывались для техники фатальными.

Как выяснилось с началом войны, советские танковые заводы в погоне за количественными показателями не только выпускали технику крайне низкого качества, но и почти не снабжали ее запчастями, из-за чего в случае поломки или боевых повреждений танки получались одноразовыми. А вот небрежливые немцы подбирают и ремонтируют брошенную советскую технику, и даже кое-где, в связи с большими потерями, используют против частей РККА. Особенно неприятно, когда это оказываются новейшие Т-34 и КВ — по признанию самих же немцев, лучшие танки своего времени, разумеется, после того, как немецкий механик устранит заводской брак и технические недоработки.

Но и устаревшие танки могут быть весьма грозным оружием, если их правильно использовать. Вождь с удовольствием прочел краткое описание второй битвы за Пропойск, в которой устаревшие танки БТ нанесли противнику значительные потери — закопанные в землю по самую башню, они использовались как замаскированные противотанковые огневые точки. И ведь можно же было и так, а не бросать огромные массы этих танков в бессмысленные встречные атаки, в которых они полностью выгорали, не нанося никакого ущерба противнику.

Одним словом, на первом месте должно стоять качество производимой бронетанковой техники. На втором месте — правильная оргструктура механизированных частей, которые должны включать в себя не только танки, но и мотопехоту на бронетранспортерах, самоходную артиллерию и такое же самоходное зенитное прикрытие. На третьем месте должна стоять

правильная тактика и стратегия применения механизированных частей, и на четвертом — талантливые командиры, которые сумеют в бою грамотно использовать все изложенное выше. Те же пункты касаются и авиации.

И на все это, по первым прикидкам, у него, у Сталина, всего пара месяцев до начала зимней кампании, во время которой предстоит обкатать первые бронетанковые, механизированные и авиационные соединения нового облика. Неизвестно, как сложится дальше, но СССР в любой момент должен быть готов снова взвалить на себя всю тяжесть борьбы с германским фашизмом. Победил же СССР Германию в мире потомков без всякой посторонней помощи, победит и сейчас. Впрочем, СССР от помощи потомков не отказывается, особенно если она предоставляется с чистой совестью и от всей души. Советскому руководству известно, как в 2018 году миллионы россиян и граждан прочих стран бывшего СССР обивают пороги российских военкоматов и советского представительства, желая попасть на фронт борьбы с германским фашизмом. И очень часто это не молодежь, а люди в зрелом возрасте, в том числе и командиры запаса в звании до майора.

Из таких специально отобранных добровольцев, которым не нашлось места в экспедиционных силах, в настоящий момент формируется ударная механизированная бригада, для технического комплектования которой в запорточной России закуплены снимаемые с хранения танки Т-55, бронетранспортеры БТР-60ПБ и БТР-50 (как база для установки ЗУ-2Э-2 или перепрофилирования в командно-штабные машины). Все техника подобрана по тому принципу, чтобы к ее вооружению в 1941 году уже выпускались боеприпасы^[39]. Командиром формирующейся бригады уже назначен известный по прошлой истории полковник Катуков.

Эпилог ко второму тому «Врат Войны»

Шли дни, и вместе с ними своим чередом развивались события. 12-го сентября войска Брянского и Западного фронтов при поддержке экспедиционных сил, включая части ВКС, начали операцию по изоляции и расчленению 4-й армии вермахта. Уже к 17-му сентября последние остатки не сдавшихся немецких войск были блокированы в двух болотистолесистых «карманах»: южном между Сещей и Клетней и северным, между Рославлем и Хиславичами. После этого войска ударной группировки переключились на ликвидацию окруженной в окрестностях Смоленска 9-й армии, а немецким солдатам, сидящим в болотах почти без патронов и продовольствия, предоставили свободный выбор — издохнуть от голода, холода и сырости или выйти с поднятыми руками и сдаться в русский плен.

Генерал Хайнрици, поняв бессмысленность сопротивления, предпочел сдаться одним из первых, но приказа на капитуляцию подчиненной ему армии не отдал, из-за чего этот геморрой растянулся еще на неопределенное время. Изголодавшихся, замерзших и оборванных немецких окруженцев лыжные батальоны НКВД ловили до начала декабря, пока генерал Мороз окончательно не добил тех любителей поместий с рабами, которые так и не захотели поднимать руки, признавая свое поражение.

Упорные бои в районе Смоленска с применением авиации и танков экспедиционных сил и больших масс советской пехоты продолжались еще месяц, пока окруженный Смоленск не взяли штурмом; генерал Штраус застрелился, после чего истощенные и деморализованные остатки германской группировки начали массово сдаваться в плен. И опять же окончательная зачистка затянулась до начала декабря, и все это время отдельные группы немецких солдат лесами пытались выйти к своим между Оршей и Витебском.

Но уже к началу ноября линия фронта установилась по следующему рубежу: Пярну — Тарту — Чудское озеро — Псков(за немцами) — Порхов — Пустошка — Невель(за нашими) — Витебск(за нашими) — Орша(за нашими), и далее по Днепру до Николаева (за немцами), с включением Жлобин-Рогачевского, Киевского и Запорожского плацдармов советских войск на западном берегу Днепра. Также в Одессе, прижатая к морю, сражалась (в основном с румынами) отдельная Приморская армия, а ВВС Черноморского флота с аэродромов в Крыму совершала регулярные налеты

на Плоешти. В районе порталного перехода под Красновичами к концу октября достроили полноценный аэродром первого класса, вылеты с которого могли совершать самолеты всех типов, включая сверхтяжелые «Русланы», и смешанный тяжелый авиаполк только и ждал команды, чтобы перебазироваться на новый аэродром и начать боевую работу.

При этом обе стороны в ходе Смоленской битвы (с 10-го июля по 20-е октября) понесли тяжелейшие потери. Немцы потеряли миллион двести тысяч солдат и офицеров, Красная Армия — около миллиона бойцов и командиров. При этом из полумиллиона пленных, захваченных противником на первом этапе сражения (с 10-го июля по 20-го августа) и на втором (с 20-го августа по 20-октября) триста пятьдесят тысяч советских бойцов и командиров обрели свободу и вернулись в строй. Итого, общий баланс потерь сторон: миллион двести против семисот тысяч выглядел в пользу Красной Армии почти как один к двум. Помимо этого, в отличие от известной нам истории, СССР удалось в полном объеме сохранить работоспособность Ленинградского, Московского, Харьковского, Донбасского и частично Киевского и Одесского промышленных узлов, что давало надежду на быстрое восполнение потерь боевой техники всех видов.

При этом никакой формальной антигитлеровской коалиции так и не образовалось. На словах руководство Великобритании приветствовало победы Красной Армии, на деле уклоняясь от подписания юридически обязывающих документов о союзе. А зачем? Давление на Острова и так сократилось до минимума, ибо все свои резервы Гитлер бросил на Восточный фронт; а помогать большевикам, когда от этого не зависит судьба Великобритании, Черчилль считал глупым. О Рузвельте так и вообще молчок — пока на Америку никто не напал, он старался делать вид, что бойня в Европе его не касается. По крайней мере, можно немного помочь Англии, но не более того.

Таким образом, перед началом зимней кампании, которая должна была начаться с первыми морозами, обе стороны перегруппировывали войска, подтягивали резервы, подвозили боеприпасы и технику и строили планы. Только у германского командования эти планы были сугубо оборонительными, с оттенком ужаса от осознания того, что может произойти в самом худшем варианте; а вот у Красной Армии и ее российских союзников эти планы были хоть осторожными, но наступательными. На новом этапе войны требовалось обкатать в боях первые сформированные части и соединения «нового строя», и при этом по минимуму прибегать к поддержке экспедиционных сил, которые из-за

проблем со снабжением через портал не имели возможности слишком далеко удаляться от центрального участка фронта. И хоть судьба Третьего Рейха была уже предрешена, он никак не хотел этого признавать, и потому на просторах Европы еще предстояло разразиться ожесточенным и кровопролитным сражениям...

---

notes

Примечания

Примечание авторов: В Третьем Рейхе артиллерия ПВО относилась не к сухопутным войскам а к люфтваффе.

Примечание авторов: по позициям германского дивизиона стреляла батарея гаубиц «МСТА-С», пять орудий вели огонь обычными осколочно-фугасными снарядами по площадной цели, а шестое, временно выведенное из состава батареи, по команде с вертолета-корректировщика посылало в сторону врага корректируемые снаряды «Краснополь-М», которые и уничтожили три орудия из четырех, а также склад боеприпасов, который наводчики издали спутали с КП (командным пунктом) батареи. Кроме того, в ходе этого обстрела вертолет-наводчик брал на мушку орудия и сооружения, принадлежавшие другим батареям 611-го легкого зенитного дивизиона ПВО.

Примечание авторов: В вермахте писаря, повара, сапожники и прочие тыловые крысы числились как бы составе боевых подразделений, и в случае чего командир недрогнувшей рукой бросал их в бой. В РККА все было прямо наоборот. У всех тыловиков имелось свое отдельное тыловое начальство, и воевали они только в случае непосредственного нападения на обоз или штаб.

Примечание авторов: Это поработали установки РСЗО «Ураган», которые до самого последнего момента ждали начала переброски пехотных резервов противника к месту прорыва фронта. Нет, конечно, после их залпов полными пакетами живые немецкие солдаты и офицеры в составе уничтоженных полков еще оставались, но все выжившие были в таком состоянии, при котором требуется длительное лечение в условиях стационара, а затем светит пожизненная инвалидность.

Примечание авторов: Инцидент у Номонкана — японское название сражения у реки Халкин-Гол и горы Баин-Цаган.

Примечание авторов: Резервы с Западного и присоединяемого к нему Резервного фронта, частью передислоцируются на действительно опасные направления, а частью перебрасываются Жукову с целью создания ударных группировок на основе соединений потомков и войск 13-й и 21-й армий. Но фон Бок об этом, разумеется, не знает.

Примечание авторов: 288-я артиллерийская Варшавская Бранденбургская Краснознамённая, орденов Кутузова, Богдана Хмельницкого и Красной Звезды бригада, входящая в состав экспедиционной группы войск имеет на вооружение установки РСЗО «Ураган», стреляющие 220-мм реактивными снарядами на расстояние до 35 километров.

Примечание авторов: «эксперт» — летчик-истребитель люфтваффе.

Примечание авторов: пока человек жив, летчики никогда не произносят слово «последний», только «крайний». Последний вылет в их представлении это тот, который заканчивается гибелью. А об этом вслух говорить не принято, считается дурной приметой.

Примечание авторов: Зачастую причиной низкой точностью эрсов было их неправильное хранение, из-за которого гнулись лопасти их хвостовых стабилизаторов. Когда это было заметно, вооруженцы перед подвешиванием рихтовали эти лопасти молотками, но все равно такие реактивные снаряды после пуска летели по весьма замысловатой траектории.

Примечание авторов: а дальше в течение нескольких дней переброска в 1941 год полка сверхзвуковых бомбардировщиков Су-24М2. До семи тонн боевой нагрузки, в том числе, и три авиабомбы, весящие по полторы тонны.

Примечание авторов: а кого там только не было в основании великого русского народа: и славяне, и германцы (готы), и балты, и тюрки (родня болгар) и финно-угры, и варяги, гулявшие туда-сюда по пути из варяг в греки, и снова тюрки (татары). Хотя представители народа руссов, давших название государству и соответственно всему этнониму, носили исключительно германо-скандинавские имена, которые только перед самой христианизацией, во времена княгини Ольги, начинают вытесняться славянскими именами.

Примечание авторов: Вр. И.Д. — временно исполняющий должность, то есть должность командарма генерал Гордов не занимал, но временно исполнял связанные с ней обязанности.

Примечание авторов: «дверные колотушки» — 37-мм противотанковые пушки вермахта РАК 35/36.

Примечание авторов: Гудериан еще не знает, что гаупман Зоммер жив и здоров и является одним из немногих, кто попал в российский плен.

Примечание авторов: План «В» российского Генштаба, составленный из критерия максимально быстрого разрушения Третьего Рейха, невзирая на различные побочные эффекты. Такие планы никто и никогда не собирается исполнять, но составляют их в обязательном порядке, на случай если гитлеровцы применят химическое или бактериологическое оружие, или же развяжут массовый геноцид советского населения на оккупированных территориях.

Примечание авторов: Гитлер мысленно уже поделил шкуру неубитого медведя и прирезал все оккупированные земли к территории Третьего рейха.

Примечание авторов: На самом деле никаких тайных переговоров быть не может, все это пустые хотелки. На самом деле российских высокопоставленных пленных допрашивали в присутствии представителей РазведУпра ГШ РККА и специалистов по разведке из ведомства Лаврентия Павловича, а советских пленных с участием офицеров ГРУ ГФ ВС РФ и Внешней Разведки. Мало ли где пригодится воды напиться.

Примечание авторов: Ну хочется верить человеку именно в такое объяснение, а не в то, что поход на Восток изначально носил характер массового самоубийства, потому что за последних полтора тысячелетия — от авар идо наших дней — на Россию не нападали только белые медведи из Арктики и пингвины из Антарктики. И сам факт того, что все эти нападающие сгинули во мраке времен (а Россия как стояла, так и стоит), должен был навести умных людей, подобных Гейдриху, на тяжкие размышления о целесообразности кровной вражды с таким народом, как русские.

Примечание авторов: перемолоть весь вермахт экспедиционная группа войск не в состоянии, зато вполне способна «понадкусать» подвижные ударные соединения так, чтобы они потеряли свою пробивную силу. А как установила реальная практика РеИ, даже в 1941 году наступление вермахта одними пехотными дивизиями без поддержки танков — это нереальная фантастика.

Примечание авторов: В РеИ к моменту начала контрнаступления Красной Армии под Москвой в составе 2-й танковой группы осталось меньше трети списочного состава техники.

Историческая справка: многострадальным этот мотоциклетный батальон назван потому, что он уже как минимум два раза терпел поражение от советских войск:

3 июля 1941 года в районе Дагды советские военнослужащие 27-й армии захватили в плен двенадцать мотоциклистов из передового дозора дивизии, а затем разгромили её моторизованный отряд в количестве двухсот солдат и офицеров. При этом в плен взяли командира отряда и ещё нескольких военнослужащих, в ходе допроса которых установили, что дивизия получила задачу захватить и удерживать город Себеж. Воспользовавшись полученными от пленных сведениями, командир 21-го мехкорпуса РККА Д. Д. Лелюшенко принял решение внезапно атаковать и уничтожить на марше двигавшиеся походными колоннами части дивизии. В результате шедшая к Дагде походная колонна из двухсот автомашин с мотопехотой, пятнадцати бронетранспортёров и восемнадцати артиллерийских орудий была атакована с фронта и флангов 42-й танковой дивизией РККА и уничтожена.

11 июля в районе Опочки шли ожесточенные бои. В 22:30 отряд 181-й стрелковой дивизии (стрелковый батальон с 122-мм гаубицей) атаковал противника от Захино на Белки. Батальон скрытно форсировал Кудку, уничтожил боевое охранение противника в деревне Ильмовой Горе и деревне Зуево, а затем ночным штыковым ударом в коротком бою разгромил роту 3-го мотоциклетного батальона СС в Коровкино. К этому времени в районе Коровкино-Белки происходила концентрация дивизии СС «Тотенкопф» с целью дальнейшей переброски под Порхов. 3-й разведывательный батальон СС прошел Барабаны, занял мост, высоту 115 и село Катниково. За ним выдвигалась вся дивизия СС. В 2:30 12 июля отряд 181-й дивизии РККА в деревне Белки атаковал и разгромил 3-й мотоциклетный батальон СС. Неожиданный удар уничтожил около десятка автомашин и большое количество эсэсовцев. В результате этих боев планы вражеского командования по передислокации дивизии СС «Тотенкопф» потерпели крах и ей пришлось снова разворачиваться в боевые порядки для отражения атак частей Красной Армии.

Примечание авторов: Большая часть бойцов в частях, державших оборону вокруг Кричева, один раз уже испытали немецкое гостеприимство, и теперь предпочитали смерть повторному плену. Также они сами не брали в плен немецких солдат, как бы не замечая брошенного на землю оружия и поднятых рук.

Примечание авторов: в авиационных частях буржуазных стран накинута на шею пилота шелковые шарфы предназначались для того, чтобы летчики, вынужденные постоянно «крутить головой на триста шестьдесят градусов», не натирали об воротник униформы кровавых мозолей на шее.

Примечание авторов: На неотретушированных фотографиях видно, что нос у Гейдриха и вправду слегка помят. Возможно, это связано с историей его женитьбы в декабре 1930 года на деревенской школьной учительнице Лине фон Остен, притом, что одновременно Гейдрих ухаживал еще за одной девушкой — то ли дочерью владельца судовой верфи, то ли дочерью владельца металлургического концерна. Папа отвергнутой невесты вполне мог нанять крепких молодых людей, чтобы они отприхтовали Гейдриху «харизму». Но впрочем, это только догадки, ибо история не сохранила даже имя девушки, которую бросил Гейдрих.

Историческая справка: Дед Христи Фриланд по материнской линии Михаил Хомяк активно сотрудничал с нацистами и был главным редактором коллаборационистской украиноязычной газеты «Краювськ1 в/ст/», в которой прославлялись Адольф Гитлер, вермахт и СС, велась антисемитская, антипольская и антисоветская пропаганда. Перед концом войны бежал через Вену в Баварию, где сдался американским властям и позже эмигрировал в Канаду. Сама Христя Фриланд заявляла, что её дед бежал в Канаду «после того, как Гитлер и Сталин подписали пакт о ненападении в 1939 году», и являлся жертвой войны. Всплывшие данные о коллаборационизме её деда она назвала «российской дезинформацией», хотя, как выяснилось, знала об этом ранее.

Примечание авторов: Путин согласен с оценкой личности Гейдриха, данной полковником Семеновым.

Примечание авторов: с 1941 года по наши дни по отношению к золоту как к эталону доллар обесценился больше чем в восемьдесят раз.

Техническая справка: БМП-3М предназначена для разминирования путей движения при движении колонн. Машина создана на базе танка Т-72 (Т-90), имеет усиленную броневую защиту днища под обитаемым отделением и оборудована колейным минным тралом КМТ-7, который обеспечивает возможность использования электромагнитной приставки ЭМТ для траления мин с неконтактными магнитными взрывателями. На машине установлена зенитная пулеметная установка закрытого типа с пулеметом НСВТ-12,7, калибра 12,7мм. Кроме того, на бортах и кормовом листе обитаемого отделения имеются амбразуры, через которые саперы могут вести стрельбу из автоматов.

Примечание авторов: в 1941 году в германской армии 8-сантиметровый СгапаГи/ег/ег 34 считался тяжелым минометом.

Примечание авторов: — О Сталинграде нашей истории немецкие генералы, конечно, даже не догадываются, но прекрасно знают своего фюрера и как он может быть упрям, будучи окрыленным головокружением от прошлых успехов

Примечание авторов: — валентные соединения — термин, означающий части, не связанные прямым участием или резервированием для каких-то уже идущих боевых действий. Таким образом, разгром Гудериана и Гота, а также то, что моторкорпуса Гепнера и Клейста оказались связаны боями, привели к тому, что дислоцированные в тылу и не участвующие в боях армии Резервного фронта стали доступными для использования в активных наступательных операциях и заполнения стрелковыми соединениями кольца окружения.

— В нашем прошлом армии Резервного фронта бездействовали в основном до самого начала октября, когда их окружили и разгромили в ходе генерального наступления вермахта на Москву под кодовым наименованием «Тайфун». В результате головотяпства тогдашнего советского командования из миллиона штыков, прикрывавших Москву с западного направления в конце сентября, к середине октября осталось всего девяносто тысяч, а остальные, героически сражаясь в безвыходной ситуации, бесследно сгинули в Вяземском котле и защитить Москву уже не могли. Делать это пришлось народным ополченцам, курсантам военных училищ и спешно перебрасываемым из глубины страны свежим частям.

Примечание авторов: естественно, все в мире с порталом может идти своим чередом — так, как идет в мирах без портала; даже Медведев по инерции был переназначен премьером, но вот Парад Победы и его телевизионная трансляция претерпели значительные изменения.

Примечание авторов: негласным распоряжением сержанты летного состава ВВС, ставшие таковыми из-за деморализовавшего советскую авиацию распоряжения маршала Тимошенко, приравнивались к командирам и в госпиталях размещались на равных с ними условиях.

Историческая справка: Александр Евгеньевич Голованов (7 августа 1904, Нижний Новгород, Российская империя — 22 сентября 1975, Москва, СССР) — советский военачальник.

После личной встречи со Сталиным в феврале 1941 года Александр Евгеньевич назначен командиром 212-го полка дальнебомбардировочной авиации, с августа 1941 года — командиром 81-й авиационной дивизии дальнего действия. Генерал-майор авиации (25 октября 1941). В декабре 1941 г. постановлением ГКО был назначен командиром 3-й авиадивизии дальнего действия Ставки Верховного Гпавнокомандования. В феврале 1942 года был назначен командующим авиацией дальнего действия (АДД) Ставки Верховного Гпавнокомандования. Генерал-лейтенант авиации (5 мая 1942). С этого момента до конца войны руководил советской дальней авиацией, пользовался симпатией и доверием со стороны Сталина. Генерал-полковник авиации (26 марта 1943). С декабря 1944 года — командующий 18-й воздушной армией, в которой была собрана вся дальнебомбардировочная авиация. Лично участвовал в осуществлении дальних бомбардировочных рейдов (например, в бомбардировке Берлина на начальном этапе Великой Отечественной войны).

По данным немецкой разведки: "Голованов, в числе немногих, имеет право на свободный доступ к Сталину, который называет его по имени в знак своего особого доверия."

Гпавный маршал авиации (19 августа 1944). Командующий Авиацией дальнего действия СССР (1942–1944), командующий 18-й воздушной армией (1944–1946), командующий Дальней авиацией СССР (1946–1948). Депутат Верховного Совета СССР 2-го созыва (1946–1950). Являлся самым молодым маршалом рода войск в истории РККА.

Примечание авторов: «Зоопарк» — радиолокационная система контрбатарейной борьбы. Засекает точки на местности, откуда вылетают минометные и артиллерийские снаряды, и передает данные на батареи. По сравнению с звукометрическими системами контрбатарейной борьбы засекает артиллерию противника в несколько раз быстрее и в несколько раз точнее.

Примечание авторов: Варвара имеет в виду моду на ажурные вставки

Примечание авторов: на прорыв обороны работал 1-й мобильный корпус артиллерии РВГК: 24 шт. 204-мм гаубиц Б-4 (тягачи — тракторы К-700), 288 шт. 152-мм гаубиц МЛ-20 (тягачи — бортовые а/м «Урал») и 144 шт. 122-мм пушек-гаубиц А-19 (тягачи — бортовые а/м «Урал»).

Мобильным этот арткорпус РВГК назван потому, что способен перемещаться по танковым магистралям со скоростью подвижных соединений, действия которых он должен поддерживать.

Примечание авторов: установленная на Т-55 танковая пушка Д-10Т2С — танковая реплика универсального морского орудия Б-34, выпускаемого с 1940 года. 14,6х115 патрон к пулемету КПВТ, являющемуся основным вооружением БТР-60ПБ, выпускается в СССР с июля 1941 года как патрон к противотанковым ружьям Симонова и Рукавишникова, а патрон 23х152 для зенитных установок ЗУ-23-2 выпускается с 1939 года как боеприпас к авиационной пушке ВЯ.